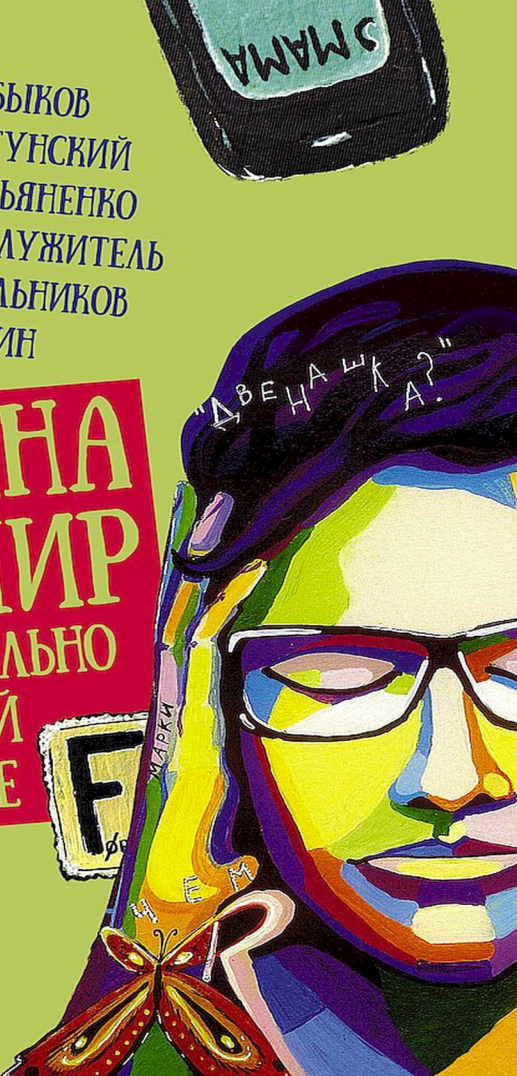
Дмитрий Быков
Денис Драгунский
Сергей Лукьяненко
Григорий Служитель
Алексей Сальников
Эдуард Веркин

ВОЙНА И МИР В ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОЙ ШКОЛЕ

Роман
Буриме



РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНЫ ШУБИНОЙ

Война и мир в отдельно взятой школе (роман-буриме)

Булат Альфредович Ханов, Сергей Васильевич Лукьяненко, Анастасия Игоревна Строкина, Владимир Сергеевич Березин, Евгений Валерьевич Сулес, Елена Вячеславовна Нестерина, Денис Викторович Драгунский, Александр Евгеньевич Григоренко, Николай Караев, Мария Алексеевна Ботева, Антон Владимирович Соя, Нина Сергеевна Дашевская, Артем Владимирович Ляхович, Валерий Борисович Бочков, Григорий Михайлович Служитель, Ильгар Сафат, Игорь Александрович Малышев, Эдуард Николаевич Веркин, Александр А. Феденко, Серафима Юрьевна Орлова, Антонина Книппер, Дарья Леонидовна Бобылёва, Алексей

Борисович Сальников, Дмитрий Львович Быков, Павел Валерьевич Басинский

Аннотация
Война и мир в отдельно взятой школе: роман-буриме. Предисловие Павла Басинского
Игра и классики
Теория большого фокуса
Глава 1. Внезапный наследник. Денис Драгунский
Глава 2. Kuraga. Игорь Малышев
Глава 3. «Двенашка». Григорий Служитель
Глава 4. Разговор на Калачёвке. Эдуард Веркин
Глава 5. От Калачёвки к Колпачному. Нина Дашевская
Глава 6. Марки и маски. Алексей Сальников
Глава 7. У Петра. Елена Нестерина
Глава 8. Засохший дуб. Мария Ботева
Глава 9. Немощь. Александр Феденко
Глава 10. Кукла. Анастасия Строкина
Глава 11. Плоды просвещения. Сергей Лукьяненко
Глава 12. Меня зовут Эрика. Валерий Бочков
Глава 13. Платон. Александр Григоренко
Глава 14. Дедлайн. Булат Ханов

Глава 15. Кураторы. Антон Соя
Глава 16. Волна. Артем Ляхович
Глава 17. Не пей вина, Гертруда!. Ильгар Сафат
Глава 18. Волнушки. Дарья Бобылева
Глава 19. Не боги. Серафима Орлова
Глава 20. Под дачным абажуром. Владимир Березин
Глава 21. Дуэль. Евгений Сулес
Глава 22. Что скажет Марья Алексевна?. Антонина Книппер
Глава 23. За миллиард воль до конца света. Николай Караев
Глава 24. Эпилог. Дмитрий Быков

Аннотация

Перед вами игра, эксперимент, литературное хулиганство, из которого получился актуальный роман о сегодняшней России на 24 писательских голоса. Авторы — известные и начинающие, мастера разных жанров и направлений, разных поколений и убеждений — написали роман-буриме. Денис Драгунский запустил интригу, Сергей Лукьяненко, Григорий Служитель, Алексей Сальников и многие другие развивали сюжет, а Дмитрий Быков в эпилоге подвел итоги — и все перевернул с ног на голову.

Начинаясь как роман «young adult» с героями-десятиклассниками, история превращается в фантасмагорию, абсурд, кривое, не по-детски страшное зеркало нашей реальности.

Война и мир в отдельно взятой школе: роман-буриме
Предисловие Павла Басинского

В оформлении переплета использована картина *Екатерины Самсоненковой*

«Редакция Елены Шубиной» благодарит Российскую государственную детскую библиотеку за содействие в реализации проекта

© Ассоциация «Растим читателя», текст
© Скорондаева А. А., Хрусталева А. Н., предисловие
© Басинский П. В., предисловие
© Самсоненкова Е. М., иллюстрация
© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Игра и классики

Идея восхитительная. 24 автора, среди которых есть настоящие акулы пера — Денис Драгунский, Сергей Лукьяненко, Дмитрий Быков; есть недавно вспыхнувшие на литературном небосклоне звезды вроде Григория Служителя и Игоря Малышева; здесь есть опытные писатели и организаторы литературного процесса вроде Владимира Березина и есть писатели еще не слишком известные. Все они собрались вместе, чтобы написать коллективный подростковый роман.

Вообще-то это называется БУРИМЕ.

Буриме — это литературная игра в сочинении стихов, чаще шуточных, на заданные рифмы, иногда и на заданную тему. К буриме относят также «игру в чепуху»: записывают несколько строк или даже строф и передают листок партнеру для продолжения, оставив видимыми только последние из них. Можно также начать рисунок какого-либо существа, например, с головы, подвернув листок бумаги так, чтобы партнер видел только шею и дорисовал туловище, и так далее.

Появилась эта игра в XVII веке. Ее изобретатель

— малоизвестный французский поэт Дюло. Но особое распространение приобрела в XIX–XX веках — сначала только в салонах, а затем и в самых широких кругах публики.

Умением писать буриме в России славились дядя А. С. Пушкина В. Л. Пушкин, Д. Д. Минаев, А. А. Голенищев-Кутузов.

Но буриме в прозе, да еще и в виде цельного романа, — это, конечно, особый и непростой жанр.

Что удивительно: авторам, обладающим своими неповторимыми стилями письма, в общем удалось сохранить некую стилистическое единство романа. Тут требовалось большое смирение и понимание коллективной задачи.

Пересказать роман невозможно, там слишком много происходит разных событий. Но если коротко: ученики одной школы пытаются спасти ее здание, которое готовится под снос (как и весь район), чтобы на этом месте отец одной из учениц построил что-то вроде огромного торгово-развлекательного центра. Таким образом, детей не просто переместят в другие школы, но и расселят по разным районам. И они начинают бунтовать.

Но это только присказка. В романе есть все: и тема социального протеста подростков, и мистика, и клады, и колодцы со святой водой, и языческие

капища, и… бог знает чего там только нет.

А еще там много литературных аллюзий: от «Тимура и его команды» до русской классики, средневековья и античности. Так что чтение романа будет еще и познавательным.

А еще роман закольцован, и смысл его вы поймете, только прочитав эпилог, изобретательно написанный Дмитрием Быковым, который по совместительству является еще и учителем литературы в средней школе.

Словом, поздравляю! Я читал это с улыбкой, но вполне возможно, что подростки прочтут это иначе, вполне всерьез.

Павел Басинский

Теория большого фокуса

Однажды летом 2018 года, в час небывало жаркого заката, в Москве, на Пушкинской площади появились две гражданки… Думается, историю возникновения романа-буриме «Война и мир в отдельно взятой школе» стоит начать именно так. Почему? Во-первых, в ней множество по-булгаковски фантастических (при этом абсолютно реальных) поворотов, мистических совпадений, невероятных случайностей и чудесных стечений обстоятельств. Во-вторых, тень самого Михаила Афанасьевича, а также целого сонма других литературных знаменитостей не раз промелькнет на страницах романа. В-третьих, это большое приключение действительно началось в солнечном июле аккурат у подножия памятника Александру Сергеевичу.

Разговор двух гражданок, как водится, несся бурным полноводным потоком, перепрыгивая с пятого на десятое, и в какой-то момент добрался до любимой «книжной заводи». Речь зашла о литературных экспериментах, и как-то сами собой вспомнились «Большие пожары» — кол-

лективный роман, придуманный Михаилом Кольцовым для журнала «Огонек» на излете 1920-х годов. Изобретательный главред предложил тогда самым ярким звездам молодой советской литературы — Александру Грину, Леониду Леонову, Исааку Бабелю, Борису Лавренёву, Алексею Толстому, Михаилу Зощенко, Вениамину Каверину и другим — написать приключенческий роман. Каждому автору было отпущено по главе, в которой он должен был подхватить сюжетную линию предшественников и завязать ее потуже да позанимательней. «Пожары» были написаны быстро, буквально за год, но по разным причинам почти 80 лет пролежали на полке и вышли отдельным изданием лишь в 2009-м.

«А что, если нам повторить этот фокус? — хором воскликнули гражданки. — Собрать команду писателей — взрослых и детских, известных и покамест не очень. И создать современную, захватывающую, авантюрную историю для подростков. Одну на всех. И чтобы там были и приключения, и любовь, и чудеса, и дружба с предательством». Не сговариваясь, гражданки дружно посмотрели вверх — прямо в бронзовое лицо классика. И, честное слово, он им едва заметно подмигнул…

Сегодня мы понимаем, что со стороны наш проект поначалу казался утопическим. По сути, он и был таковым. И все получилось только потому, что мы просто не знали, что беремся за невыполнимое. Как усадить в одну лодку и убедить плыть в одном направлении 24 писателя? У каждого свои убеждения, эстетические принципы, свой жизненный опыт и взгляды на мир. Свое творческое самолюбие, наконец! Писательское дело (если, конечно, вынести за скобки братьев Гримм, Стругацких или Вайнеров) — это путь одинокого воина, идущего лишь одному ему ведомым путем и играющего исключительно по собственным правилам. На это мы и сделали ставку, пообещав каждому «игроку», что не будем ни во что вмешиваться. В своей главе каждый — и капитан, и штурман, и лоцман. Может казнить и миловать, если будет на то его авторская воля.

Разные голоса в итоге слились в общий хор, однако не потерялись в нем, а придали мелодии неповторимое звучание. Конечно же, стоит иметь в виду, что перед нами литературный эксперимент, некая проверка авторов на «абсолютный слух». От внимательного читателя не ускользнет, что не все сюжетные узлы оказались распутаны, а некоторые нити, с виду такие яркие и крепкие,

так и не вплелись в общий узор повествования. Что-то искажалось, преломлялось, а то и вовсе исчезало бесследно. Картина в итоге вышла фантасмагоричной и все же завершенной — в этом и была суть нашей игры без правил.

История, задуманная как подростковая (и публиковавшаяся по мере написания на сайте о детском и юношеском чтении), обернулась прозой на злобу дня, где переплелись и сюрреализм, и мистика, и литературные аллюзии.

Начать роман мы попросили замечательно изобретательного Дениса Драгунского. Именно ему принадлежит идея отсылки повествования к краеугольному тексту русской литературы — эпопее Льва Толстого «Война и мир». Созвучные толстовским имена героев с первой главы задали проекту высокую планку и определили характеры персонажей, что, впрочем, не помешало им начать новую жизнь, без оглядки на свои классические прототипы. И юные герои на деле оказались весьма своенравны. В отличие от хозяйки петербургского салона Анны Павловны Шерер, юная москвичка Аня Шергина не намерена довольствоваться ролью второго плана — она метит в примы. Как и крошечная Лиза Дейнен, унаследовавшая от «маленькой княгини» Лизы

Болконской рост, имя и любовь к своему «князю» — роскошному Андрею Лубоцкому. На страницах романа вы встретите и «внезапного наследника» Петю Безносова — доброго смешного увальня, и задиру Федю Дорохова, и милых сестричек Наташу и Соню Батайцевых, и красотку Лелю Абрикосову с теми самыми мраморными плечами. Они будут ошибаться и падать, любить и страдать, смеяться и плакать, бороться, проигрывать и побеждать. Им предстоит столкнуться со злом и несправедливостью, научиться решать отнюдь не детские задачи и поминутно делать выбор, от которого зависит не только их будущее, но сама жизнь.

Перед тем как перенести вас в Замоскворечье, где Аня Шергина собирает одноклассников на вечеринку по случаю окончания учебного года и даже не подозревает, что неумолимая судьба уже стучится в дверь, позвольте еще пару слов о наших необыкновенных авторах — настоящих смельчаках и благородных авантюристах, вместе с нами поверивших в чудо и создавших его своими руками. Пожалуй, пора перечислить их всех: Денис Драгунский, Игорь Малышев, Григорий Служитель, Эдуард Веркин, Нина Дашевская, Алексей Сальников, Елена Нестерина,

Мария Ботева, Александр Феденко, Анастасия Строкина, Сергей Лукьяненко, Дарья Бобылева, Серафима Орлова, Владимир Березин, Александр Григоренко, Булат Ханов, Антон Соя и Дмитрий Быков (все они живут в России), Валерий Бочков (США), Артем Ляхович (Украина), Ильгар Сафат (Азербайджан), Николай Караев (Эстония). Один из авторов остался и вовсе загадкой — глава Антонины Книппер пришла к нам самотеком. Изначально, помимо писателей, с нами были 24 художника — каждой «электронной» главе полагался свой иллюстратор. В бумажную версию книги попала работа Екатерины Самсоненковой — и сразу на обложку.

Вы спросите, легко ли было уговорить авторов на этот творческий подвиг? По-разному. Мальчики оказались куда смелее девочек — во всяком случае, их в нашей компании куда больше. Кто-то поначалу отказывался, но роман не отпускал, преследовал, нашептывал, звал… И вот уже писатель обнаруживал себя в самой гуще повествования с практически готовой главой в кармане.

А еще у нас была «шпаргалка», где каждый участник оставлял напутствие последователям — делился своим видением сюжета, размышлял,

как могут сложиться судьбы героев, предлагал ответы на разбросанные по тексту загадки. Как написал Алексей Сальников: «Хочется, конечно, чтобы в конце была не россыпь брильянтов и золота, а что-то невероятное». Получилось ли у авторов достичь «невероятного», судить вам. Нам кажется — получилось. Наша игра в буриме обернулась цельным произведением, «собраньем пестрых глав», какого в новейшей истории русской литературы вроде бы еще не было. Для тех, кому важны точные цифры, заметим: на создание коллективного романа «Война и мир в отдельно взятой школе» ушло полтора года.

Мы благодарим команду «Редакции Елены Шубиной» за интерес и внимание к проекту.

А теперь… За нами, читатель!

Гражданки
Анастасия Скорондаева,
Анна Хрусталева

Глава 1
Внезапный наследник
Денис Драгунский

— Well, my friend, all these guys, this so called opposition — are totally dependent on the White House and the State Department. They pay them salary. As for this gentleman, whose name I don't even want to say out loud… This guy is a real rascal! He is hiding behind the children! He calls schoolchildren to the barricades![1]

Так говорила пятнадцатилетняя Аня Шергина своему однокласснику Васе Селезневу, сыну известного адвоката, который первым пришел на ее вечеринку. Это был традиционный, уже четвертый, июньский вечер у Ани. Потому что в июле и августе все разъезжались кто куда, чтобы встретиться только первого сентября.

Аня говорила четко и уверенно своим звонким, чуточку трескучим голосом. Говорила как по

---

[1] Примечания: 1

— Ну, мой друг, все эти ребята, вся эта так называемая оппозиция, — они целиком зависят от Белого дома и Госдепа. Они платят им зарплату. А что до этого господина, чье имя я даже не хочу произносить, он настоящий негодяй! Он прячется за детьми! Он зовет школьников на баррикады! (*англ.*)

писаному, будто по телевизору, заранее подготовившись, отвечала на вопрос ведущего.

Понятно, почему она так говорила. Аня была дочерью Павла Николаевича Шергина, крупного московского — а раньше петербургского — девелопера, строителя новых домов, торговых центров и целых кварталов.

Не так давно, еще лет пять тому назад, Павел Николаевич был настроен вполне оппозиционно. Не просто настроен, но даже давал деньги какой-то крохотной либеральной партии в обмен на звание почетного сопредседателя и обещание, «когда они придут к власти», получить министерский пост. Смех, да и только! Но это сейчас ему казалось смешно, а тогда он, бывало, вышагивал во главе колонны с плакатиком и в пикетах стоял вместе со своей тогда еще совсем юной десятилетней Анечкой. Его личные охранники стояли в сторонке, а фотографы изо всех сил щелкали камерами.

Аня обожала папу. В сто раз сильнее, чем маму. Мама у нее была очень красивая, очень добрая и ласковая, все время улыбалась, смотрела сияющими глазами, но с ней было очень скучно.

Как раз тогда, лет в десять или одиннадцать, Аня вдруг услышала, как домработницы обсуж-

дают ее маму. «Она совсем дурочка, что ли?» — спросила горничная. «Да нет, какая же она дурочка, — ответила повариха. — Высшее образование все-таки… Красный диплом, она хвалилась. Не дурочка, но такая вся… Какая-то недалекая». Аня даже не возмутилась, что прислуга в таком тоне говорит о хозяйке дома. Ей показалось, что это слово очень подходит, что оно как раз про маму. Вечером она спросила папу: «А правда, у нас мама какая-то недалекая?» Папа сдвинул брови и вроде бы строго, но на самом деле вполне спокойно сказал: «Нельзя так говорить про маму! Она тебя родила! Она тебя, извини за выражение, грудью кормила! Она тебя любит!» — и хлопнул ладонью по столу, но как-то равнодушно хлопнул, и Аня поняла — все так и есть. Мама целыми днями занималась собой, ходила то на теннис, то в бассейн, то на массаж. Конечно, она любила дочку, всегда гладила ее по головке, но дочке было с ней неинтересно, и мама это чувствовала. Наверное, обижалась немножко, но не навязывалась и все чаще уезжала то плавать в море, то кататься на горных лыжах.

А папа! Папа — совсем другое дело. Почти каждый вечер он усаживал Анечку в кресло и не меньше часа они болтали — обо всем, и особенно

о политике. Павел Николаевич объяснял десятилетней дочери, что такое Россия, политика, демократия и все прочее. Не скрывал правды о таких вещах, как коррупция, например. Он говорил просто, мягко и убедительно. И даже брал с собой на демонстрации! Ей нравилось быть смелой и независимой, особенно когда рядом сильный папа и два его охранника.

И вдруг папа так же мягко и убедительно сказал ей, что всё. Поиграли, и будет. Хватит глупой болтовни и беготни. Потому что вся эта суетня с плакатиками и болтовня о коррупции могут помешать ему сделать дело огромной важности, дело всей его жизни. Ведь он строитель по призванию. Он с юности мечтал построить что-то грандиозное, небывалого размаха и мощи. Суперсооружение! И вот недавно он начал по-настоящему крупный проект. Его фирма получила наконец разрешение на строительство огромного комплекса с бизнес-центрами и офисами, апартаментами, магазинами, ресторанами, кинотеатрами, и настоящим театром тоже, и даже с выставочным залом, с галереей современного искусства, не говоря уже о разных фитнесах, бассейнах и катках. С подземными паркингами и теннисными кортами на крыше.

«Все согласовано на самом верху, — пояснил он своей не по годам умной дочери и добавил: — Так что теперь мы накрепко с ними», — и показал пальцем в окно, где по небу летели вечерние облака, а за гостиницей «Балчуг Кемпински» виднелся Кремль. Они жили в Замоскворечье.

Анечке понравилось, что он сказал «мы», а не «я». Это было очень лестно. Что она не просто девочка-дочка из важной семьи, а часть какого-то большого и сильного «мы», которое допущено «на самый верх». Но она все-таки поразмыслила и спросила, как насчет коррупции и демократии. То есть насчет того, о чем они так интересно разговаривали по вечерам.

Папа улыбнулся: «Ты ведь добрая и благородная, правда? Ты знаешь, что есть люди, которым плохо живется. И ты хочешь им помочь, да?» — «Да», — кивнула Анечка. «Так вот, — продолжил папа, — после того, как я сделаю свой Большой Проект, у меня будет много денег. Очень много. Мне не нужны золотые унитазы. Я смогу помогать людям. Не вообще, — он скорчил рожу и нарисовал пальцами в воздухе издевательскую загогулину, — не вот этак вообще, в светлом будущем, ради которого мы с тобой когда-то на демонстрацию ходили, а вполне конкретно.

Реально! Бедным студентам — стипендии. Одиноким старикам — оплатить лечение. Бездомным — дать ночлег и ужин. Поняла? Если захочешь, я и тебе буду давать деньги, чтоб ты могла лично помогать людям. Реально и прицельно. Вот у вас в школе, наверное, тоже есть… ну, ребята, которые в чем-то нуждаются? Ведь не все же такие богатые, как ты… То есть как мы, как наша семья. Если надо, ты сможешь им помогать. Только придумай, чтоб это было не обидно. Тактично. Чтоб они даже не догадались…»

Аня задумалась. Конечно, хорошо бы взять и кому-то вот этак тактично и необидно помочь. Тем более что в классе были очень хорошие, но скромные ребята. Например, двоюродные сестры Наташа и Соня Батайцевы. Дочки двух известных братьев-артистов. Наташин папа был не такой знаменитый, как Сонин, но Сонин папа уже умер, так что у них теперь все поровну. Еще — злой, но классный Федя Дорохов. И его лучший друг Петя Безносов. Смешная фамилия, и сам он курносый, очкастый, неловкий и смешной. Говорили, что он дальний родственник какого-то олигарха, — не просто миллионера, а настоящего крутого олигарха в полном смысле слова, который поднялся еще в девяностые. А может быть, однофамилец…

Все может быть. Но за него кто-то платил, наверное. Или кто-то звонил директору. Аня прекрасно знала, что просто так в их школу не попадают. При этом у Пети кнопочный мобильник и прошлогодние конверсы, а зимой — тимберы со сбитыми носами.

«Тебе все ясно?» — папа перебил ее мысли.

Ане все стало ясно. Не сразу, дня через три. Но — накрепко.

Поэтому она так строго реагировала на оппозиционные разговорчики Васи Селезнева. Особенно про этого типа, который мутит воду!

— *He puts children in terrible danger!*[2] — сказала она и негромко хлопнула ладонью по столу, как папа.

Однако Вася пожал плечами и засмеялся.

— *Why children?* — возразил он. — *They are grown up enough. They already have passports, they can choose and decide for themselves. Do you have a passport? Yes. You are already fifteen years old, aren't you? Do you still consider yourself a child?*[3]

---

[2] Примечания: 2

Он подвергает детей страшной опасности! (*англ.*)

[3] Примечания: 3

Почему детей?.. Они уже взрослые, у них есть паспорта, они могут сами решать за себя. У тебя есть паспорт? Да! Тебе уже пятнадцать, разве нет? Неужели ты все еще считаешь себя ребенком? (*англ.*)

Аня покраснела и смутилась.

Вася — конечно же, случайно! — попал в самое больное место.

Когда Ане было восемь лет, она заболела какой-то редкой и опасной болезнью позвоночника. Павел Николаевич был очень богат и мог ее отправить в любую самую современную клинику Европы и Америки. Или, к примеру, в Китай, где ее обещали поставить на ноги буквально за два летних месяца. Но дело в том, что сам Павел Николаевич в детстве, ровно в том самом возрасте, переболел той же самой болезнью. И лечили его тогда по старинке: почти два года он пролежал неподвижно в гипсовом панцире в детском санатории Анапы. А с тех пор и думать забыл об этом несчастье и потому решил, что дочь свою любимую будет лечить точно так же, надежным дедовским способом, только не в Анапе, а в Швейцарии, в горном санатории. Сказано — сделано. К десяти с половиной годам Анечка была совсем здорова, но в школу идти наотрез отказалась: как же это я приду во второй класс, рыдала она горько и безутешно, если буду на два года всех старше? Тут надо объяснить, что с экстернатом у них не получилось: среди русских учителей не нашлось охотников ездить к Анечке в Швейцарию даже

за деньги Павла Николаевича. Да и сама Анечка не очень любила листать учебники. Ей больше нравилось смотреть в окно, слушать музыку и размышлять.

Что было делать? Павел Николаевич поступил просто и решительно, как он поступал всегда. Он переделал все документы своей дочери, сделал ее на два года моложе и переехал с семьей из Петербурга в Москву. Так что Анечка пошла во второй класс самой лучшей московской школы в том же самом восьмилетнем возрасте. Она даже научилась чувствовать себя на эти минус два года. Первое время ей это было нетрудно — она сама себе объясняла, что время, проведенное в санатории, как будто бы не считается. В четырнадцать лет она легко чувствовала себя двенадцатилетней, в пятнадцать — более или менее могла согласиться на тринадцать, но в почти взрослые семнадцать быть пятнадцатилетней девочкой оказалось уже непросто. Хотя она была маленькая, тоненькая, хрупкая, совсем не похожая на своих рослых одноклассниц.

Тем более что Вася ей очень нравился, и было страшно предположить, что он узнает всю правду. Особенно сейчас. Вот года через два, когда ему самому будет семнадцать, ему, наверное, даже

понравится дружба с девушкой немного старше, а значит, умнее, опытнее и вообще взрослее. А пока — тс-с!

Поэтому Аня ответила слегка невпопад:

— *Hush! What do you mean? Here I am, in full view. Everyone knows me, I have no secrets. But he? He is a scoundrel. Not only a political criminal, but also an ordinary thief! Public enemy and the marionette of the West*[4].

Сказала, как приговор огласила.

— *What a virulent assail*[5], — вздохнул Вася.

Он умел говорить на том изысканном, чуточку старомодном английском языке, которому учили в гимназии имени Бернарда Шоу. Гимназия № 12, «двенашка», как звали ее ребята не только в самой школе, но и по всей Москве, была одной из первых и лучших английских школ города. Располагалась она в старом здании в Малом Трофимовском переулке, в ближнем Замоскворечье. История ее была особой гордостью учителей и ребят. Когда-то, чуть ли не полтораста лет назад,

---

[4] Примечания: 4

Хватит! Ты о чем? Вот она я, как на ладони. Все меня знают, у меня нет секретов. А он? Настоящий подлец. Не только политический преступник, но и обыкновенный вор! Враг общества и марионетка Запада! (*англ.*)

[5] Примечания: 5

Какая опасная атака (*англ.*).

здесь было Императорское землемерное училище, потом — знаменитая частная гимназия Крейцмана, потом — советская трудовая школа № 12, которой в 1931 году после визита знаменитого ирландца в СССР присвоили имя Бернарда Шоу. Поскольку он побывал именно в этой школе и оставил свой портрет с автографом, который так и висит в кабинете директора. Вот с тех самых пор в «двенашке» учились в основном непростые ребята — сыновья и внуки главных советских начальников, а также академиков, писателей и артистов. Традиция сохранилась до сегодняшнего дня, только к большому начальству и знаменитой интеллигенции прибавился крупный бизнес.

* * *

Пока Аня и Вася спорили, хвастаясь друг перед дружкой своим *brilliant English*, где-то вдалеке то и дело звонил нежный дверной колокольчик, и огромная комната постепенно наполнялась гостями. Вновь пришедшие здоровались с Аней и тут же отходили в сторону, садились на диваны и кресла, начинали болтать. На столе стояли легкие закуски: фрукты и сыры. Горничная внесла поднос с шампанским в узких бокалах.

— Детское? — сморщил нос Федя Дорохов. — Бе-

залкогольное?

— А ты хотел, чтоб моего папу посадили за спаивание несовершеннолетних? — засмеялась Аня.

Остальные тоже засмеялись. Пришли уже почти все: и двоюродные сестрички Наташа и Соня Батайцевы, обе черноволосые и глазастые, и Коля Дончаков, влюбленный в Соню, и слегка толстоватая красавица Леля Абрикосова, и ее брат-близнец Толя, и нелепая Полина, которая все время громко рассказывала длинные анекдоты из интернета, на ходу все забывая, путаясь в подробностях и обиженно крича: «Дайте же дорассказать! Там сейчас будет очень смешно!», и длинный умный Андрей Лубоцкий, и его верная крохотулька Лиза Дейнен, похожая на белочку. Ну и Петя Безносов, который один бокал с «детским» шампанским сразу вывернул на пол, а другим поперхнулся и долго кашлял и просил Дорохова стукнуть его по спине.

Всего было человек пятнадцать — классы в «двенашке» были маленькие.

— Тост, тост! — закричали все.

— Итак! — сказала Аня Шергина, поднимая бокал. — Все готовы?

Но тут у Пети Безносова громко зазвонил его дурацкий кнопочный мобильник.

Он долго вытаскивал его из правого кармана левой рукой, потому что в правой руке у него был бокал и он не мог догадаться переложить его из руки в руку или поставить на подоконник. Наконец вытащил и, конечно же, уронил на пол. Крышка отлетела, выскочила батарейка. Федька Дорохов — ну просто как нянька — тут же подбежал к нему, и они вдвоем вставили батарейку на место. Нажали на перезагрузку. Запела мелодия «нокии».

— Нормуль, — сказал Дорохов.

— Ну, теперь можно? — насмешливо спросила Аня, наблюдая эту сцену.

— Да, да, извини! — смутился Петя.

— Пожалуйста! — засмеялась Аня, и все подхватили. — Ну, итак, мои дорогие!

Все подняли бокалы.

Петькин телефон зазвонил снова.

— Извини еще раз! — пробормотал он и ответил: — Да? Алё! Да, я… Здравствуйте. Кто? Оля? А это обязательно? Как? А Катя тоже? А, да, да. Извините. Сейчас… — Он повернулся к Ане. — Какой твой точный адрес? Как сюда лучше заехать, с Ордынки или с Полянки?

— А это еще зачем? — возмутилась она. — Кому это я должна давать наш точный адрес?

— Оля Мамонова и Катя Мамонова, — машинально ответил Петя. — Ну, ты их не знаешь, ладно… — и заговорил в телефон: — Тогда я лучше выйду сам. На улицу. На угол Полянки. Ага.

Он нажал отбой.

— Извини, — обратился он к Ане. — В третий раз извини! — и неловко захихикал. — Мне надо срочно линять. Они уже тут.

— Звучит угрожающе! «Они уже тут!» Кто «они»? — усмехнулась Леля Абрикосова.

— Сестрички Мамоновы, — объяснил Петя. — Мои двоюродные.

— Красивые? — тут же встрял Толя Абрикосов.

— Очень миленькие, но совсем старенькие, — вмешался Федя Дорохов. — Я их с Петькой видел. Им уже по двадцать два точно. А то и больше. Петька, что случилось?

— Пока не говорят, — сказал Петя, двигаясь к выходу. — Но как-то волнуются.

— Ну, счастливо! — раздраженно бросила Аня ему вслед и, выждав недолго, обратилась к Феде: — Ты-то хоть расскажи, в чем дело?

— Хэ зэ, — махнул рукой Федя. — Какие-то семейные скандалы, откуда мне знать… Ну, где твой тост?

— Итак, мои дорогие, в третий раз, — слегка

обиженно сказала Аня. — Друзья! Ребята! Эй! Все сюда! Давайте за нашу школу, за наш класс, за нас! Ура!

Все потянулись чокаться.

— Через два месяца мы снова все встретимся! Ура! До дна!

— Не все, — качнул головой Лубоцкий.

— Это еще что?

— Уезжаю, — объяснил он. — Переезжаю, в смысле. И не я один. Вот Федька тоже. И Лиза. И Безнос. И они тоже, — он показал на Батайцевых.

— Вы что? Так это же… Это же нашего класса больше не будет? — изумилась Леля Абрикосова. — Вы что, совсем уже? Зачем?

— Не зачем, а почему, — сказал Лубоцкий. — Потому что мы все живем в Калачёвском квартале. А Калачёвский квартал сносят. Буквально совсем скоро. Потому что на этом месте будет, — и тут он закашлялся, — будет что-то большое-пребольшое.

— Фигасе, — выдохнула Полина.

— Фигасе, — повторили Леля и ее брат Толя.

Толя добавил:

— А чего сносить? Нормальные дома, я так считаю!

Калачёвский квартал — это были три неболь-

ших четырехэтажных дома между Большим, Малым и Средним Трофимовскими переулками. Когда-то, в самом начале прошлого века, эти дома построил фабрикант Калачёв для служащих, которые управляли его московскими фабриками.

— Мы все тоже так считаем, — покивал Лубоцкий. — Но кто-то считает по-другому.

Он пристально посмотрел на Аню.

— А я тут при чем? — Она даже покраснела. — Это сейчас идет по всей Москве. Всем дадут новые прекрасные квартиры.

— За МКАДом? — спросил Толя Абрикосов. — Блин. Совсем краев не видят!

— Почему обязательно за МКАДом? — пожала плечами Аня. — Глупости.

— Нашего класса не будет, — гнул свое Лубоцкий. — Вот всей этой нашей компании. Это только так кажется, типа «все равно будем общаться». Не будем. Я узнавал, в Калачёвском квартале живут, представь себе, тридцать шесть наших ребят, если по всей школе. И пятеро учителей. Выходит, нашей «двенашки» тоже не будет.

— Как это не будет? — не поняла Полина. — Тоже снесут? Ни фига себе!

— Да, ходят такие разговоры, что и школу снесут. Она же совсем рядом. А если и не снесут, то

все равно ее не будет — в переносном смысле, — объяснил ей Абрикосов. — Вроде та, да не та. Поняла? Вот как если у тебя нос оторвать, — и он потянулся к ней скрюченными пальцами. — Ты будешь ты? Вроде ты! Но не совсем!

— А-а-а… — протянула она, на всякий случай отшагнув в сторону. — Теперь понятно.

* * *

Тем временем Петя ехал в большой черной машине. Он сидел сзади. Рядом с ним сидела его двоюродная сестра Оля Мамонова. Это была красивая стройная девушка, но с совершенно каменным лицом. Смотрела прямо перед собой и разговаривала, едва шевеля губами.

— Куда ты меня везешь? — спросил Петя.

— Он умирает, — ответила она. — Катя сейчас с ним. Все совсем плохо.

— Кто умирает? — спросил Петя.

— Кирилл Владимирович.

— Кто-кто? — нарочно переспросил Петя.

— Твой папа.

— Нет у меня никакого папы, — мрачно сказал Петя и стукнул ее кулаком по коленке.

— Нет, есть! — зашипела Оля, больно шлепнув его по руке. — Он тебя признал своим сыном! Дал

тебе фамилию и отчество!

— Спасибо большое! — Петя довольно-таки зло осклабился. — Высади меня у метро. Пожалуйста!

— Дурачок. — Оля обняла Петю. — Как говорили в старину, какой-никакой, а все-таки отец. Родная кровь. И потом. Он вдовый и бездетный. У него никого нет. Совсем никого, кроме нас с Катей. Но мы всего лишь племянницы. Он все оставил тебе.

— Что — все? — не понял Петя. — В каком смысле?

— Все в смысле все. От и до. Нет, не все, конечно. Пятьдесят процентов завещал на благотворительность. Совсем чуточку нам с Катей. А остальное, процентов, наверное, сорок восемь, — тебе. Единственному сыну. Постарайся не сойти с ума. Но ты не бойся. Есть попечительский совет, будет следить, чтоб ты все не спустил на чупа-чупсы. И я буду за тобой следить.

Она обняла его еще сильнее, громко чмокнула в щеку и отстранилась.

Машина въехала в ворота особняка. Охранник поздоровался с Олей, черной лопаткой металлоискателя погладил Петю по спине, груди и ногам.

Катя встречала их у дверей.

— Идем, — велела она Пете.

— А это… а это не страшно? — вдруг сморщился он.

— Страшно, — сказала она и взяла его за руку.

Большая комната была оборудована совсем как палата в реанимации. Капельницы, провода, трубочки. Приборы, на которых выскакивали зеленые дрожащие цифры. Мужчины и женщины в белых халатах ходили вокруг кровати. На ней лежал совершенно лысый старик. У него было исхудавшее лицо с пористым круглым носом. «Похож на меня», — подумал Петя.

— Дядя Кира, — громко окликнула Оля. — Петя пришел.

Старик чуть повернул голову, слабо кивнул и прошептал:

— Сынок. Поцелуемся.

Оля толкнула Петю в спину, он нагнулся и притронулся губами к коже, пахнувшей медицинским спиртом. Почувствовал, как сухие горячие губы коснулись его щеки.

— Вон там, — произнес старик и куда-то махнул рукой.

Оля вытащила из сумочки ключ, стала отпирать сейф, который прятался за дверцей

книжного шкафа. Достала оттуда тонкий кожаный портфель.

Медсестра вскрикнула. Все обернулись. Она стала разматывать провода из коробочки, прилаживать их к груди старика. Но врач сказал:

— Хватит уже, не надо его больше мучить.

Старик дышал медленно и протяжно, все тише и тише.

— Есть варианты, — вдруг сказала Катя и попыталась забрать портфель у Оли.

— Нет вариантов! — Из угла комнаты вдруг выскочила еще одна дама и помогла Оле удержать портфель. — Нет никаких вариантов, все подписано вчера вечером. Девочки, — очень строго сказала она, — обнимитесь и поцелуйтесь. Немедленно!

Оля и Катя обнялись и поцеловались. Потом обняли и поцеловали Петю. Велели ему сесть на табурет, взять за руку старика и сидеть так, пока его дыхание не стихнет. Кто-то снимал все это на видео.

Затем они с Олей и Катей прошли в комнату на втором этаже. Сестры объяснили, что вступление в права собственности — через полгода. А пока Оля перевела Пете, как она выразилась, «некоторую сумму» на его карточку. На текущие

надобности. Пискнула эсэмэска. Перед глазами заплясало семизначное число. «Главное — не сойти с ума», — подумал Петя.

* * *

С дороги он позвонил маме.

— Ты еще у Анечки? — спросила она.

— Нет, — сказал Петя. — Мам! Тут такое дело. Я был у отца.

— Зачем?! — возмутилась она. Она ненавидела Кирилла Владимировича, считала, что он жизнь ей изломал, и это в каком-то смысле было правдой. Он ей не помогал с ребенком. После рождения Пети они почти не виделись. Последние двенадцать лет вообще ни разу.

— Он умер только что, — объяснил Петя. — И оставил мне наследство.

— Если ты возьмешь хоть копейку, — закричала она, — я тебя прокляну!!!

Петя замолчал. Она молчала тоже. Но потом спросила:

— А сколько он тебе оставил?

— Всё, — сказал Петя.

— Не хочешь разговаривать с матерью?! Что ты всёкаешь? Что ты хамишь?

— Мама, не кричи. «Всё» в смысле всё. Всё свое

имущество. Ну, то есть половину на благотворительность, а половину мне. Смешно, правда?

— Ты сейчас домой? — спросила она.

Петя подумал и сказал:

— Я сначала зайду к Аньке. Я там рюкзак забыл.

* * *

Когда он вошел в комнату, там происходил какой-то громкий, напряженный разговор.

Все вдруг замолчали и посмотрели на него.

— Ну и чего? — спросил Федя Дорохов.

— Ничего, — на всякий случай сказал Петя. — А вы тут чего?

— Да так, — отозвалась Аня, с трудом сдерживая злобу и желание выгнать всех ребят к черту. — Решаем разные вопросы… Вот скажи мне, Петечка… *Do you think children are responsible for the deeds of their fathers? Or not*?[6]

— *I think no*[7], — честно ответил он.

— Спасибо, Петя. Ты умный. Ты хороший. А вы, — она повернулась к остальным, — тоже мне!

---

[6] Примечания: 6

Как ты думаешь, дети отвечают за дела своих отцов? Или нет? (*англ.*)

[7] Примечания: 7

Я думаю, нет (*англ.*).

Нашли главную виноватую!

Глава 2
Kuraga
Игорь Малышев[8]

В России ничего не делается быстро. Когда герои нашей истории вернулись с летних каникул, вопрос со сносом Калачёвки все еще не был решен. То ли не хватало какого-то высокого согласования, то ли важные бумаги заблудились в бюрократических лабиринтах, но дело застопорилось.

Все заинтересованные лица напряженно ждали исхода.

В 10-м «Б», как и во многих современных классах, был свой внутренний чатик в *WordApp*. Там можно было обменяться новостями, выяснить что-то, спросить, как решать задачу в домашнем задании. Пустая болтовня не приветствовалась, спамеры безжалостно банились на неделю и даже больше в случае рецидива.

---

[8] Примечания: 8

Игорь Малышев — прозаик, публицист. Публиковался в журналах «Москва», «Новый мир», «Дружба народов». Автор книг для детей и взрослых «Лис», «Дом», «Там, откуда облака», «Номах. Искры большого пожара».

На последнем уроке, когда химичка по прозвищу Глюкоза, дама за сорок, весьма жесткая и, вопреки кличке, совсем не «сладкая», муштровала класс, смартфоны почти всех ребят вздрогнули, принимая сообщение. Федькин айфон, не переведенный в беззвучный режим, громко тенькнул.

— Дорохов, к доске, — моментально отреагировала Глюкоза.

— Да ё-моё, — тихо выругался Федор. — Что ж так не везет-то…

До конца урока оставалось целых десять минут, и шансы схватить пару были самые очевидные.

Глюкоза вцепилась в жертву, а десятиклассники тем временем успели глянуть на экраны смартфонов.

Писал Андрей Лубоцкий: «Дядя Федор, Лиза, Безнос, Батайцевы, Шерга, останьтесь после урока. Есть серьезное дело».

— Лубок, ты охренел? Ты чего пишешь посреди урока? — наехал на Андрея Федька, когда за Глюкозой закрылась дверь. — Я еле-еле на трояк вытянул.

— Извини-извини, — примирительно поднял руки Андрей. — Но дело срочное, я боялся, что вы разбежитесь. Петька! Безносов! Стой, не уходи. Поговорить надо. Вечно я забываю про твою

«нокию».

По техническим причинам Петя был единственным, кто не состоял в чате.

Класс опустел, остались только перечисленные в сообщении и почему-то Вася Селезнев.

— Василий, дружище, ты чего домой не идешь? — спросил Андрей.

Селезнев неловко оглянулся на Шергину и чуть покраснел.

— Да вот тоже решил послушать. Интересно.

— Ну, сиди, если хочешь.

Лубоцкий оглядел собрание:

— Как там у Гоголя было? «Я пригласил вас для того, чтобы сообщить пренеприятнейшее известие». Хотя это уже никакое не известие. Короче, отец тут на днях все как следует разузнал. За Калачёвку берутся всерьез. В течение месяца, максимум двух, окончательно решится, будут ее сносить или нет. Правда, Аня?

Между Лубоцким и Шергиной никогда не было особо теплых чувств, скорее ровные, подчеркнуто нейтральные. Андрею не очень нравилось, что Аня по делу и без дела использует свой английский (пусть и вправду безукоризненный), а девушка не без оснований полагала, что Лубоцкий считает себя самым умным. И плюс к тому

Аня как ни убеждала себя, так и не смогла полностью преодолеть ощущение, что она здесь самая старшая. Опять же, «Шерга»… В пятнадцатилетнем возрасте клички воспринимаются как само собой разумеющееся, а в семнадцать смириться с ними уже сложнее. Детским садом отдает.

Впрочем, Аня была неплохой актрисой (уже три года играла в любительском молодежном театре), и скрывать от посторонних свои переживания для нее труда не составляло.

— Дюш, Дюша, — подал голос Вася, — мы ж уже все обсудили. Это не ее вина. Она тут вообще не при делах. Ты хотя бы представляешь, насколько серьезные дядьки будут решения принимать?

— Представляю, — заверил его Андрей. — Только у Ани папа тоже, знаешь, не просто так погулять вышел. От его позиции многое зависит, не?

Одноклассники внимательно смотрели на Шергину. Даже Федька оставил *GTA* и вынырнул из смартфона.

— В общем, так. Ни я, ни моя семья не хотим переезжать куда-нибудь в Бутово или Балашиху. Кого-нибудь тут манит Бутово?

— На фиг, на фиг, — заметил Федька, снова ныряя в экран.

— Я тоже не хочу никуда переезжать, — подал голос Петя, — только, по-моему, Василий прав. От Ани тут вообще ничего не зависит.

— Она дочь своего отца, пусть повлияет! Мне все равно каким образом. Я хочу остаться в своей квартире и своей школе. Меня тут все устраивает.

Сестры Батайцевы поднялись со стульев.

— Ань, правда, поговори с отцом, — заговорили наперебой. — Мы тоже не хотим ни в Бутово, ни в Саларьево! Москва большая! Пусть найдет другое место для своего комплекса!

Лиза Дейнен стояла рядом с Лубоцким, всплескивала руками и увещевала Аню и остальных глубоким красивым голосом:

— Аня, девочки, парни! Нельзя это так оставлять! Андрюша прав, надо что-то делать!

Аня вскочила и закричала, перекрикивая общий гомон:

— Да поймите же вы! Отец меня даже не послушает! Это для него дело всей жизни. Он знаете с какими людьми завязался, чтобы этот комплекс пробить? Выше только звезды. Даже и говорить с ним на эту тему не стану!

— Станешь! — наперебой выкрикивали одноклассники. — Станешь! Иначе не подходи к нам!

Аня чувствовала, как лицо ее идет пятнами. Встал Вася, взял ее за плечо и потащил к выходу.

— Алё! Кончай базар! — проорал он, внезапно растеряв всю интеллигентность, отступая и прикрывая собой подругу. — Вы чё упертые-то такие? Сказали вам, без вас дело решать будут. Как ее батя отрежет, так и станете носить.

— Вот пусть Шерга и поговорит с ним! Тридцать пять человек, блин, пострадают! Не считая учителей!.. А если и школу снесут, то гораздо больше!

— Всё! Закрыли вопрос!

Вася хлопнул дверью.

— *As it turned out, Vasya, you could be a harsh person*[9], — нервно посмеиваясь, сказала Аня, шагая по опустевшему коридору школы.

— *I got that from my father*, — успокаиваясь, сообщил парень. — *He defended a lot of thugs in the 90s! Some really spirit-lifting words are just popping out from his lips every now and then, haha!*[10]

Василий сделал паузу.

— *Why didn't you talk to your father?*

---

[9] Примечания: 9

Какой ты, Вася, оказывается, можешь быть резкий (*англ.*).

[10] Примечания: 10

Это я от отца нахватался. Он в девяностые таких отморозков защищал! У него и сейчас нет-нет да и вырвется что-нибудь эдакое… бодрящее (*англ.*).

— I talked to him! He told me not to ask him such questions any more[11].

* * *

Обстановка в классе меж тем медленно, но верно накалялась. Через три дня после той стычки Лубоцкий подошел к парте Ани. За спиной его тенью маячила Лиза Дейнен.

— Ты говорила с отцом? — без предисловий спросил Андрей.

— Нет. И не собираюсь, — ответила Анна, чувствуя, как начинают дрожать пальцы и сохнет горло. — Да поймите вы, в конце концов, я не виновата в этой ситуации и никак, вообще никак не могу на нее повлиять…

— В таком случае мы тоже не видим смысла с тобой разговаривать, — спокойно объявил Андрей и добавил, как припечатал: — Бойкот!

Отвернулся и пошел вдоль рядов парт.

Дейнен вдруг начала размеренно хлопать в ладоши, глядя в упор на Аню. Некоторое время Лиза молчала, а потом, следуя за ритмом, приня-

---

[11] Примечания: 11

А ты чего с отцом не поговорила?

Я говорила. Он сказал, чтобы я этих вопросов ему больше не задавала (*англ.*).

лась бесстрастно выговаривать, словно хлестать мокрой тряпкой:

— Бойкот! Бойкот! Бойкот!

Следом за ней поднялся весь класс и тоже принялся повторять:

— Бойкот! Бойкот! Бойкот!

Эхо от хлопков звенело под потолком, больно отдаваясь в ушах.

Вася, сидевший теперь за одной партой с Аней, с размаху ударил ладонью по столу.

— А ну, завалили пищевод!

Хор рассыпался и смолк.

Три дня после этого Ане никто не сказал ни слова. За исключением Васи, конечно. Он не отходил от нее ни на шаг и сам перестал разговаривать с одноклассниками.

— Вася, ты зря отношения с классом рвешь. Ты тут ни при чем, — пробовала убедить его Аня. — Я бы знаешь как хотела все восстановить, но…

— Я так решил.

А потом в общем чате в *WordApp* появилось новое лицо — *Kuraga*.

Kuraga. 09.09_18:21. Ну что, пупсы, как будем на Шергу воздействовать? Сами видите, бойкот ее не парит. А часики тикают. Осталось меньше месяца.

Лубоцкий. 09.09_18:25. Ты кто вообще?

Kuraga. 09.09_18:25. Какая разница? Важно, что я в этой ситуации тоже лицо заинтересованное.

Лубоцкий. 09.09_18:26. Как ты сюда попала? Или попал?

Kuraga. 09.09_18:26. Тоже мне, бином Ньютона. Это не проблема, если руки откуда надо растут.

Дейнен. 09.09_18:27. Ничего, что Шергина нас тоже тут читает?

Kuraga. 09.09_18:28. А пофиг. Пусть наслаждается. Так есть идеи?

Kuraga. 10.09_15:41. Нет идей? Может, у кого-то есть знакомые хакеры, пусть на школьном портале или на сайте школы крупными буквами напишут «Шергина — …». Я заплачу́. Жду предложений на kuraga666@mail.ru.

Kuraga. 10.09_23:08. Шерга, если ты ничего не предпримешь, беги из города! Я тебе устрою сладкую жизнь.

На следующий день в 10-м «Б» все разговоры были только о таинственной «кураге». На переменах одноклассники сбивались в группы и, то и дело посматривая в сторону Шергиной и Селезнева, вели обсуждение.

— Откуда это существо вообще вылезло? — спросил Петя. — Я посмотрел, кто его пригласил

в чат, там нечитаемый набор букв.

— Похоже, хакнули наш чатик, — согласился Лубоцкий.

— Мне что-то не по себе от этого фрукта, — признался Петя.

— Да, чел отмороженный, походу, — мимоходом согласился Дорохов, терзая мобильник, в котором был открыт *PUBG*.

— Нормально, — сказал Лубоцкий. — Так с Шергой и надо. Словами и мягкостью тут ничего не добьешься.

— Резковато, конечно, но мне нравится, — согласилась Дейнен.

— Аня все-таки наша подруга, — не сдавался Безносов. — Нельзя отдавать ее вот так на съедение.

— Никто ее на съедение не отдает. А насчет подруги… Была бы подругой, поговорила бы с отцом.

— Я считаю, «курагу» надо забанить, — сказал Петя с необычной для себя твердостью.

— Не лезь, Безнос. — Федор закончил миссию и спрятал телефон. — Каждый должен нести ответственность за свои дела. И за бездействие тоже. Вот так. Тем более что добавилась «курага» один раз, добавится и во второй. Если это и вправду

хакер, ничего мы тут не сделаем.

— Был бы это хакер, не просил бы сайт школы подломить.

— А как же он с *WordApp* справился?

— *WordApp*, насколько я знаю, слабо защищен от взлома.

— Короче, вопросов больше, чем ответов. Ладно, понаблюдаем, как дело дальше пойдет.

* * *

Бабье лето накрыло столицу. Солнце лило с небес волны почти июльского жара. Асфальт прогревался и исходил сухой духотой. Липы за окнами школы шелестели пыльной листвой. Воробьи и голуби смотрели скучно, летали лениво и тоже казались присыпанными пылью.

Окна класса были плотно закрыты. На задней стене тихо шуршали кондиционеры. Урок английского в самом разгаре. После невразумительных «выступлений» Лели Абрикосовой и Полины с историями о летних каникулах «англичанка» Мясникова по прозвищу Масонка с восторгом выслушала рассказ Ани Шергиной.

— *…Beautiful country, beautiful people, beautiful music. That's how I would like to finish my report about*

Austria[12].

— Спасибо, Анна, — учительница сияла. — Это лучший ответ, который мы услышали сегодня. Конечно же, пять.

Шергина вернулась на место, стала прятать тетрадь в рюкзак, письменных работ сегодня не предвиделось, и вдруг завопила, будто рука ее попала в капкан.

Все, забыв про бойкот, вскочили с мест, кинулись к ней. Она, не прекращая вопить, вытряхнула из рюкзака на пол его содержимое. С грохотом посыпались учебники, тетради, ручки, линейка, айпод, губная помада, тушь, упаковка влажных салфеток, ключи и… дохлая крыса с голым противным хвостом.

— Мамочки! — закричала Леля, которой тушка грызуна упала прямо на кроссовки.

Класс наполнился движением и шумом. Загрохотали стулья, задвигались парты. Все ринулись смотреть на причину переполоха.

Масонка с трудом восстановила дисциплину. Послала Колю Дончакова за уборщицей, та явилась, убрала труп.

Аня сидела за партой, скривившись, смотрела

---

[12] Примечания: 12

Прекрасная страна, прекрасные люди, прекрасная музыка. Так я хотела бы закончить свой рассказ об Австрии (*англ.*).

на руку, которой недавно трогала грызуна. По всему было видно, что она до сих пор чувствует его в своей ладони.

— Анечка, ты как, в порядке? Сходи вымой руки, умойся холодной водой, попробуй прийти в себя, — мягко посоветовала Масонка, которая, к слову, не входила в число тех, кого должна была коснуться проблема Калачёвки.

— Чья работа, дебилы? — заорал Вася, не смущаясь присутствием учительницы, когда Шергина вышла из класса. — Кто? Это «курага» ваша, да? Кто это, колитесь! Вычислю — под шконарь загоню!

— Вася! Вася! — попыталась утихомирить его Масонка, опешившая от лексики и эмоциональности интеллигентного юноши.

— Лубоцкий, ты? Конец тебе, падла! — не унимался Селезнев.

— Вася, я тут вообще ни при чем, клянусь! — побледнев, твердо ответил тот.

После уроков во дворе школы под липами состоялось собрание класса. Присутствовали все, кроме Шергиной и Селезнева. После английского прошло еще три урока, народ немного успокоился и пытался рассуждать трезво. Федя оперся спиной о мощный ствол, закурил.

— Меня угости, — попросила Соня Батайцева.

Федя взглянул на нее удивленно:

— Ты куришь?

— Летом стала баловаться.

— Вы что, с дуба рухнули? — повернулся к ним Лубоцкий. — Сейчас директор или завуч запалят, родителям настучат. А они вам.

— Мои знают, — равнодушно сказал Федя.

— А мои догадываются, — пожала плечами Соня.

Петя вышел в центр сборища, потер лоб, собираясь с мыслями. Снял очки, подышал на них:

— Ребята, что происходит? Кто это сделал?

— Точно не я… Я не в курсе… Не знаю… — раздались голоса.

— Но я, честно говоря, не вижу в этом большой проблемы, — сказала малышка Лиза. — Ну крыса, ну дохлая.

— Послушай, Лиза, нельзя же так, — укоризненно посмотрел на нее Петя. — Мы же были классом. Единым целым. Всегда все вместе. Один за всех, и все за одного. Откуда этот кошмар вдруг взялся? «Курага», крыса… Зоопарк.

Никто ему не ответил. Петя прошелся взглядом по лицам. Родные, знакомые с начальной школы, а то и с детсада, сейчас они вдруг изменились.

В них поселилась настороженность, недоверие друг к другу.

— Это мог быть только кто-то из нас, — вздохнув, произнес он. — Крысу подсунули во время урока или на перемене, что более вероятно. Не думаю, что это можно было провернуть, пока Аня шла в школу.

— Логично, — согласился Лубоцкий.

— Стопудово, — выдыхая дым вверх, кивнул Федька.

— Кто-нибудь заметил что-то подозрительное? Может, кто-то брал рюкзак Шергиной? Или хотя бы расстегивал? Видели?

Одноклассники помолчали, прокручивая в голове события дня.

— Нет… Не было ничего особенного… Никто вроде не цапал…

Петька водрузил на нос очки, которые все это время вертел в руках.

— Только ведь это все равно кто-то из нас. Понимаете? Ну ладно. Не хотите признаваться, не надо. Но давайте договоримся, что на этом всё, хватит. Больше никаких гадостей. Согласны? Я спрошу каждого, чтобы все было по-честному. Андрей Лубоцкий, с тебя начнем. Неважно, ты это сделал или нет, просто поклянись, что не

причинишь вреда и не обидишь Аню Шергину. Клянешься?

— Клянусь. Но право сохранять бойкот я оставляю за собой.

— Как хочешь. Теперь ты, Лиза.

— Клянусь. Но от бойкота не отказываюсь, — подняла руку Дейнен.

…Класс разошелся по домам. Под липами остались Петя, Федька и Соня.

— Безносик, ну чего ты так расстраиваешься? — спросила девушка, становясь поближе к Дорохову. — Три к носу, все пройдет. Поговорка есть такая, знаешь?

— Гадко все это, Соня, гадко. Федь, дай закурить.

— И ты, Брут? — снова удивился Дорохов.

Петя с каким-то отчаянным видом сделал подряд три глубокие затяжки. Покраснел, потом побледнел и разразился жутким, выворачивающим наизнанку кашлем. Федька и Соня согнулись пополам от смеха.

— Тоже гадость… — проскрипел Петя, держась за горло и отплевываясь. — Ох-х-х… Ладно. Я домой. Пока.

Пошатываясь, он двинулся к выходу с территории школы. Дорохов подался за ним, но Соня

придержала его за рукав:

— Дойдет.

— Дойдешь, Петь? — крикнул ему вслед Федя.

Безносов, не оборачиваясь, покачал в воздухе рукой с поднятым вверх большим пальцем.

Вечером у всех одноклассников звякнул мобильник.

Kuraga. 13.09_18:41. Что, пупсы, понравилось шоу двух крыс? То ли еще будет! Готовьтесь все, и Шерга особенно.

На следующий день перед первым уроком, едва войдя в класс, Безносов демонстративно подошел к парте, за которой сидели Шергина и Селезнев. Протянул руку Василию, повернулся к девушке.

— Аня, привет.

— Привет, — немного подозрительно ответила та.

— Как ты?

— Да ничего, спасибо. Пришла в себя. Уходить не собираюсь, — пошутила она.

— Ну и отлично. Обращайся, если вдруг что-то нужно будет, — чуть повысив голос, чтобы слышали остальные, сказал Петя.

Лубоцкий, склонив голову набок, наблюдал за этой сценкой, потом пожал плечами и отвернулся. Остальные сделали вид, будто ничего не

произошло.

* * *

Когда накануне Петя пришел домой, мама приблизилась к нему, привстала на цыпочки, поскольку была уже на полголовы ниже сына, и втянула воздух.

— Ты закурил? Совсем с ума сошел?

Петю немного мутило от трех затяжек, и выслушивать материнские упреки не было никакого желания. Мать же, напротив, была на взводе. Мысль о свалившемся, но пока недоступном богатстве нервировала ее хуже гвоздя в ботинке. Она то и дело срывалась по поводу и без повода. И чаще всего, конечно, на Петра.

— Уже куришь, да? А что потом будет? Пить начнешь, гулять?

— Ма, ну хватит. Я случайно затянулся… — пробурчал Петька и тут же понял, что сморозил глупость.

— Случайно — это как?! — взвилась мать. — Сигарета тебе сама в рот попала? У тебя головы, что ли, вообще нет? Ты кем хочешь вырасти? Как отец твой? Таким же? Детей бросать?..

Петька понял, что «концерт» может растянуться на целый вечер, и поступил так, как делал уже

не раз. Собрал рюкзак и двинулся к двери.

— Ты куда, опять к Федьке? — спросила мать, оборвав монолог.

— Угу, — максимально неопределенно промычал в ответ сын.

— И ночевать опять у него останешься?

— Если его родители не прогонят.

— Когда это они тебя прогоняли?

Как ни странно, известие о том, что она проведет вечер одна, успокоило Галину Алексеевну. Больше всего она любила одиночество, общение с людьми давалось ей с трудом.

Петя поцеловал мать на прощание:

— Ма, я правда по глупости затянулся. Больше не буду, честно.

— Ладно, ладно, верю, — оттаивая, обняла его в ответ мать. — Точно не будешь?

— Точно.

Петька натянул свои пожившие конверсы («Новые, что ли, купить?») и постарался поскорее выскользнуть из квартиры. Врать он не любил, а между тем соврать ему только что пришлось. Дело в том, что он совсем не собирался к Федьке. С некоторых пор у него образовалось свое убежище, которым он мог пользоваться втайне от матери. Во время последней встречи адвокат по-

койного отца Евгений Адамович Чарторижский передал ему ключи от трехкомнатной квартиры в Колпачном переулке. Одной из многих, что числились за почившим олигархом. Не самой просторной и роскошной, но самой любимой и часто посещаемой.

— Обживайте, юноша. Все равно по завещанию она ваша. Только, чур, без дебошей и шумных компаний. Консьерж проследит.

Когда Петя пришел в Колпачный в первый раз, консьерж, как и было уговорено, связался с Чарторижским, адвокат по видеосвязи перекинулся несколькими фразами с парнем и, удостоверившись, что он именно тот, за кого себя выдает, приказал пропустить гостя.

Высокая, тяжеленная, покрытая резьбой деревянная дверь открылась мягко. «Словно у холодильника», — подумал Безносов.

Потолки под три метра, в лепнине. На окнах тяжелые, словно отлитые из бронзы шторы, стены сплошь покрыты картинами и фотографиями, всюду книжные шкафы и полки с собраниями сочинений, томами в кожаных переплетах. Древняя, огромная, как телевизор, ламповая радиола, рядом стеллаж с пластинками — от Вивальди до Стравинского, от Чака Берри до Ника Кейва.

Массивный письменный стол, на нем лампа со стеклянным витражным абажуром. Диваны, кресла, пуфики, торшеры с бахромой. Ковры на полу. Но больше всего Петю вдохновил отделанный темными изразцами камин со стоящими на каминной полке подсвечниками в наплывах воска.

Петя вышел на лестницу, спустился к будке консьержа:

— Э-э-э… там, в квартире, камин…

— Совершенно верно, — с готовностью отозвался страж подъезда.

— Скажите, он в рабочем состоянии? Можно его затопить?

— Да, конечно. Там есть небольшие хитрости, но ничего сложного. Могу объяснить.

— Хорошо, спасибо. Я пока топить не собираюсь, но, когда похолодает, попробую.

В ящике письменного стола обнаружилось два десятка толстых кляссеров с марками, и Петька с головой ушел в их изучение. Тут были и современные экземпляры, и дореволюционные, и множество советских. В основном отчего-то космос.

Петя никогда не интересовался филателией, но, возможно, только потому, что никогда не

получал в руки такое богатство. А то, что это богатство, он понял сразу. Магия, заключенная в цветных кусочках бумаги, проявила себя внезапно и окатила парня с головой. До трех часов ночи он рассматривал изображения планет, космических кораблей, животных, насекомых, рыб, спортсменов, теплоходов…

С тех пор он при первой возможности сбегал в квартиру отца и «обживался».

После марок настал черед картин, фотографий, книг. Петя научился разжигать камин, полюбил слушать пластинки на ламповой радиоле.

Он сам себе напоминал ученого, открывшего неизвестную страну и жадно ее изучающего.

* * *

В понедельник утром Безносов, как обычно, дождался у своего подъезда Федьку, и они пошли к школе. Петя никогда не отличался внимательностью, да сейчас он к тому же был спросонья, поэтому не сразу заметил, что Дорохов взбудоражен сверх всякой меры. Он молчал, но это было спокойствие закипающего чайника.

— Ты чего такой?

— А какой я должен быть, по-твоему, после этого?!

— В смысле? После чего?

— А, ты ж у нас технически непродвинутый… Купи уже, наконец, нормальный телефон!

Федька достал из кармана смартфон, пробежал пальцами по экрану.

— Смотри. Ночью пришло.

На экране светилось сообщение из *WordApp*: «**Kuraga. 17.09_03:06**. Веселье продолжается!»

Ниже висело черное окошко видеофайла. Дорохов тронул экран, несколько раз нажал на регулятор громкости.

Снимали, судя по ракурсу, камерой, укрепленной на голове по типу налобного фонарика.

На экране был поздний вечер. Снимающий прятался за деревом возле набережной реки, но не Москвы, какой-то поменьше, может быть, Яузы. Параллельно реке шла узкая дорога, машин на ней в этот час почти не было.

— Вот она идет. Наша крыса. Идет… — раздался приглушенный голос.

Говорил явно мужчина, и, скорее всего, молодой. На набережной появился девичий силуэт. Безносов вгляделся, снял очки, поднес телефон почти к самым глазам.

— Шергина? — обратился он к Дорохову.

Тот кивнул.

— Смотри дальше.

— Ну что, поехали, — сказал глухой голос.

Объектив на мгновение заслонила рука, и на камере включился фонарик. Снимающий пересек дорогу и подбежал к девушке сзади. Та, видимо почувствовав угрозу, обернулась и кинулась наутек, но слишком поздно. Преследователь схватил ее за волосы.

— Стоять!

Камера металась, слышались звуки возни, шумное дыхание, крики Ани.

— Отпусти!.. Кто ты?.. Что тебе надо?.. Полиция!..

— Заткнись!

Судя по тряске, девушка отчаянно сопротивлялась. Луч камеры на мгновение выхватывал ее лицо, и изображение тут же снова размазывалось.

Мимо проехала машина, осветила фарами дерущихся, но не притормозила, а вроде бы даже газанула.

Изображение остановилось. Голова Шергиной была прижата к покрытому трещинами асфальту. Вид у девушки был загнанный, глаза метались.

— Тебя ведь как человека просили, поговори с отцом, убеди. Неужели не пойдет навстречу лю-

бимой дочке? Не зверь же он? — сдавленно цедил напряженный голос. — Ты хоть понимаешь, что с тобой может быть, а?

— Отпусти, — прохрипела девушка. — По-хорошему отпусти.

— А то что?

Та замолчала, сообразив, что злить напавшего сейчас не стоит.

— А то что, крыса? — Камера вплотную приблизилась к лицу Ани. — По-плохому будет?

Девушка закрыла глаза от бьющего в упор света.

— Ты хоть понимаешь, что я с тобой могу сейчас сделать? Понимаешь, а?

Он рывком поставил ее на ноги. Видео снова расплылось, заметалось, опять послышались звуки борьбы.

— Пусти, я сказала!..

Когда изображение зафиксировалось, Аня лежала на перилах, наполовину свешиваясь над водой.

— Не дергайся, а то уроню, — посоветовал, тяжело дыша, мужчина.

Аня замерла, затихла и только иногда всхлипывала.

— Нравится? — спросил он, насладившись

страхом жертвы. — Хочешь вниз?

— Нет! Нет! — выкрикнула истерично Шергина.

— Тогда делай, что говорят, ясно?

Он качнул ее, словно собираясь сбросить в реку, Аня снова взвизгнула. Человек уронил ее на асфальт. Девушка, рыдая, сжалась в комок, прижавшись спиной к перилам.

Камера отвернулась, похоже, человек пошел прочь от своей жертвы. Снова появилась рука, выключила фонарь. Прежде чем изображение угасло, послышался выкрик, похожий на истеричный хохот.

— Что скажешь? — спросил Дорохов, пряча смартфон. — Финиш, да?

— Финиш, — согласился Петр. — Но одно обстоятельство меня радует.

— Какое?

— Голос этого человека и близко не похож на голос кого-то из наших.

— Может, на компьютере исказили?

— Нет, Анин голос шел без искажений, значит, и его не искажен. — Безносов вздохнул с облегчением и заулыбался. — Это не из наших, понимаешь? Вот что главное!

— В принципе, да, — согласился Дядя Федор. —

Но как же крыса? Как она попала в шергинский рюкзак?

Безносов потер лоб:

— Вопрос, согласен.

До начала урока было еще пятнадцать минут, однако весь класс был уже в сборе и плотной стеной стоял вокруг парты Шергиной и Селезнева.

На щеке у Ани виднелись несколько небольших запекшихся царапин, «асфальтная болезнь», как называют обычно такого рода ранения. Выглядела девушка бледновато, но в целом неплохо. Бойкот был явно позабыт и похоронен, и класс наперебой выражал Ане свое сочувствие.

Глава 3
«Двенашка»
Григорий Служитель[13]

Почти каждый день после уроков Петя шел пешком из Замоскворечья в Колпачный переулок. Путь занимал около часа, и все это время, предоставленный самому себе, Петя размышлял о последних событиях. Он по-своему любил «двенашку» и всю их школьную компанию. Петя не особо задумывался о предопределении, но если уж они оказались вместе, значит, это неспроста, значит, так зачем-то нужно. И все же в глубине души к предстоящему сносу школы он был почти безразличен. Петя оглядывался вокруг: на маму, на Федю, на учителей, на случайных прохожих — и видел, что вся жизнь состоит как бы из кругов. Если разобьется один круг, то сразу обязательно возникнет другой. И так будет всегда. А раз так, имеет ли смысл горевать из-за «двенашки»? В конце концов, если одноклассники захотят, они

---

[13] Примечания: 13

Григорий Служитель — писатель, солист группы *O'Casey*.Актер «Студии театрального искусства», автор романа «Дни Савелия». Лауреат премии «Большая книга», специального приза премии «Ясная Поляна».

смогут видеться и вне старой школы. А если не захотят, получается, что не так уж и сильна была их привязанность (насчет Дяди Федора он не сомневался: с этим корешем они пройдут вместе через всю жизнь). А вот ситуацией с Шергиной Петя был искренне возмущен. Несколько раз даже набирал ее номер, желая как-то поддержать, но Аня сбрасывала звонок. Вот и сегодня в столовой он попробовал уступить ей место в очереди. Но вышло это как-то неловко и глупо: как будто если она поест раньше на одного человека, то обида ее ослабеет. Она вежливо отказалась. Петя сказал:

— Ань, слушай. Я на твоей стороне. Ты ни в чем не виновата. Это все какая-то жесть. Теперь вон до побоев дошло. Если тебе нужна какая-то помощь, сразу скажи!

Аня молча смотрела в пол.

— Ты только не подумай, я не подкатываю к тебе.

На этих словах Аня быстро взглянула ему в глаза, криво ухмыльнулась и отошла. Петю смутила такая реакция, высокомерная и злая. Тем более что он и правда даже в мыслях не имел к ней подкатывать. Еще полгода назад хотел, но боялся, а теперь и желание пропало.

В сентябре Пете всегда казалось, что он вернул-

ся с каникул обновленным и обогащенным, что за лето достаточно вырос, научился быть самим собой и обрел долгожданную уверенность. В начале каждого учебного года он не сомневался, что уж на этот раз класс наконец воспримет его всерьез. Но то ли он ошибался насчет себя, то ли одноклассники за летние месяцы тоже успевали сильно измениться, но они снова оказывались на два-три вершка впереди Пети. Летом, знакомясь с новыми людьми, Безносов сам себе удивлялся, каким он может быть раскованным и легким. А в школе старые связи брали свое, и получалось, что отведенное ему однажды место слишком крепко держит его.

Петя успел по-настоящему полюбить квартиру в Колпачном. Он бывал в ней уже много раз, но как бы тщательно ни исследовал каждый угол, его не покидало ощущение, что он тут впервые. Три просторные комнаты вернее было бы назвать залами. Судя по всему, последний жилец (отец ли?) покинул квартиру несколько месяцев назад. Холодильник, если не считать мумии лимона на дверце, был пуст. Комплекты белья аккуратно сложены в шкафах. Кроме двух халатов и почему-то овчинного тулупа, никакой одежды в доме не оказалось. В ванной не водилось ни зубных

щеток, ни шампуней. Тем не менее квартира представляла собой настоящий паноптикум, склад различных диковин. Пете быстро наскучило разглядывать бесчисленные альбомы с марками. Он тут и там находил предметы, до этого ускользавшие от его внимания. То склеенную заново китайскую вазу. То слоновий бивень в стеклянном саркофаге (внутри бивня был высечен целый город: рыночная сутолока, сценка суда, кто-то играл в шашки, ловил рыбу). На одной стене висела фотография отца, пожимающего руку мэру Лужкову на фоне нового торгового центра, на другой — икона в серебряной ризе. Над входной дверью, больше напоминавшей резной портал в готический собор, красовались две перекрещенные сабли времен наполеоновских войн. С эфесов свисали сине-бело-красные кисточки, на рукоятках можно было различить букву *N* в обрамлении лавровых листьев. Наконец, на глаза Пете попалась старинная гравюра, которую он раньше не замечал. На ней была изображена церковь. Внизу вилась надпись: «Церковь Святаго Трофима Ираклионского, 1776». Петя уже было отвлекся на чучело рыбы-шар, но вдруг снова уставился на гравюру. Склонил голову влево, потом вправо, приблизился к изображению, затем

отошел подальше. Да, не было никаких сомнений — эта церковь стояла на месте «двенашки». Собственно, она и дала название трем прилегающим к ней переулкам.

«Фигасе! — произнес Петя вслух. — Это же наш Трофимовский!» На гравюре был изображен въезд во двор с высокими воротами. Сейчас от них уцелели только два столба. Двухэтажный домик рядом с церковью прирос еще одним этажом. Пете даже показалось, что коробейник с пышными усищами в углу картинки — точь-в-точь охранник дядя Саша из их школы. В остальном узнать современный Малый Трофимовский было почти невозможно. Петя плохо знал историю «двенашки». Он что-то слышал про церковь, которая стояла на месте будущей школы, но понятия не имел, снесли ли ее большевики или она сама сгорела еще раньше.

Разумеется, прогуглить он ничего не мог — на его «нокии» просто не было интернета. Ни компьютера, ни ноутбуков, ни планшетов в квартире не водилось. От досады он выругался: давно пора собраться и купить новую «трубу»!

Петя еще с полчаса бродил по квартире, изучая каждую мелочь, каждый закуток, но из раза в раз возвращался к гравюре. Порывшись в фонотеке,

поставил пластинку *The Doors*, открыл бар и выпил подряд три рюмки коньяку. Через десять минут Петя в овечьем тулупе кружился по квартире, подпевая Моррисону: *I'm a backdoor man*. Позвонил Дяде Федору и предложил ему подъехать в Колпачный — осмотреть хату и заодно отведать коньяка («Только колу захвати. Нормальный коньяк без колы не пьют»). Пока друг был в пути, Петя решил исследовать последний в квартире загадочный остров — отцовское бюро. Одну за другой он открывал полки и извлекал их содержимое. Стопки старых фотографий. Какой-то младенец, насупившись, хмуро смотрит в объектив. Потом мальчик с выбритой макушкой и длинной челкой верхом на деревянном конике. На следующем снимке уже можно было угадать и додумать будущие черты отца. Вот маленький Кирилл Владимирович на общей школьной фотографии (причем поначалу Петя принял за него совсем другого парня и даже чокнулся с ним рюмкой). А тут отец в армии, в пилотке набекрень, расхлябанно облокотился о корпус танка. А здесь он с лопатой, в косынке, завязанной на голове узелками, стоит по пояс в яме. Что-то копает. Фотография старинного кувшина, монеты, черепа. Затем начались засвеченные поляроидные

снимки из девяностых. Вот отец в казино, вот ест с кем-то шашлыки. Какие-то девицы липнут к нему в ночном клубе: лица у всех очень радостные, но глаза закрыты от вспышки.

Петя выдвинул другую полку. Там в больших конвертах были сложены какие-то записки, письма, награды за первые места в исторических олимпиадах и грамоты за участие в археологических экспедициях. «Кирюша, узна́ю, что ты целовался с Ежовой, — отрежу сам знаешь что!» «Кира, отче купил в Венгрии двойник Джизас Крайст Суперстар, заинтересован?» На другом клочке нервным почерком было нацарапано: «Ставь на пики, Кира, не тупи! 150 косарей». Петя перерыл весь стол: вымпелы, медали, аттестаты и дипломы. Наконец добрался до блокнотов отца. Выбрал записную книжку за последний год. Открыл на странице, заложенной тесемкой, и обомлел: наискосок крупными, несколько раз обведенными буквами было написано: «Позвонить Паше Шергину!!!» Запись была дважды подчеркнута.

Петя внимательно пролистал записную книжку, но Паша Шергин больше ни разу не упоминался. Он встал, скинул тулуп и заходил по комнате. Почему Аня ничего не говорила о том, что их отцы

были знакомы? Или она сама этого не знала? Не может быть, чтобы не знала. Или это вообще однофамилец и к отцу Ани он никакого отношения не имеет? Ну еще чего, не имеет! Петя разозлился на себя за то, что столько выпил и голова отказывается работать. Оставалось дождаться Федю и, пока тот не выскажет своих догадок, коньяка ему не давать.

Петя еще раз рассмотрел запись в блокноте. «Позвонить Паше Шергину!!!» Представил себя детективом: что странного он смог бы заметить в этой фразе? «Да все тут странное!» — сам себе ответил Петя. Ну да, не «Павел», а именно что «Паша». Значит, знакомство длительное и, судя по всему, в прошлом отношения были приятельские. Что еще? Несколько раз обведенные буквы. Кажется, отец обвел их не для того, чтобы отметить их важность, а как будто делал это на автомате, думая уже о другом. О чем? Мысль Пети дальше не шла.

Все, все было странно! Наконец домофон залился трелью. Пришел Федя.

— Поднимайся, скажи, к сыну Кирилла Владимировича.

В первый раз Петя открывал гостю дверь своей квартиры. И почему-то именно в этот момент он

окончательно осознал, что это его дом, что это не шутка и не розыгрыш.

— Ну у тебя охрана жесткая тут, блин.

— Федя, тут такое дело! Не поверишь!

— Хоть впусти хоромы посмотреть.

— Да заходи, конечно.

Дядя Федор переступил порог и, оказавшись в коридоре, бесстрастно произнес по слогам:

— А-хре-неть.

— Ты понимаешь…

— Понимаю. Это ж, блин, ваще.

— Нет, я не про это!

— Ну ни хрена ж себе! — сказал Федя и даже засмеялся. Такой роскоши он никак не ожидал.

Пока Федя осматривал комнаты, Безносов путано пересказывал ему суть последних открытий.

— Это же реальные доспехи!

— Но я только не понимаю, при чем тут отец Ани!

— Гусарские сабли! Дай стул, хочу подержать в руках!

— Да подожди! Блин! Это же все взаимосвязано.

— Вау! Бивень мамонта! Тебе сюда билеты надо продавать.

— Слона! Федя. Подожди ты.

— Неси рюмки. Кто обещал дать бухну́ть? — Дядя Федор останавливался перед каждым предметом, чтобы сделать селфи.

— Посмотри на эту гравюру! Посмотри внимательно!

Федя, нахмурившись, вгляделся в изображение и вдруг расплылся в улыбке:

— А-ха-ха-ха! Точно, мужик с усами — вылитый дядя Саша!

— Да нет! Ты посмотри на церковь! И вокруг нее посмотри, что и как!

— О! Подожди-ка… Фигасе! Это же на месте нашей «двенашки». Точно, церковь Трофима. Круто. И все по-другому.

— Ты вообще меня не слышишь. Пойдем в комнату, я тебе еще раз все расскажу.

— Блин… Просто музей у тебя тут какой-то…

Друзья вошли в комнату, где стояло бюро.

— А-а-а-а, камин! А чё у тебя пластинка шумит? Переверни.

Петя и не заметил, что пластинка уже час как вхолостую шипела на проигрывателе.

— Да хрен с ней! В общем, что-то тут совсем неладно с отцом Шергиной.

— Ну это мы все и так давно без тебя поняли.

— Нет!!! Мой отец его знал!

— Ну, на родительских собраниях, разумеется, мог встречаться.

— Да какие собрания, Дорохов! Блин! Я отца первый раз увидел за пять минут до его смерти.

— А, ну да. Прости, забыл…

— В общем, тут какая-то тайна.

Федя делано привычно выдохнул, опрокинул рюмку и скривился:

— Я правильно тебя понял, что снос Калачёвки, эта картинка с церковью, твой папаша и папаша Шергиной… что все это как-то взаимосвязано?

— Именно.

Федя вытер слезы, навернувшиеся после рюмки, сделал большой глоток колы и спросил друга:

— А кстати, от чего твой отец умер?

— В смысле?

— Да так. Приятель, у тебя квартира не прослушивается?

— Да нет вроде. Не замечал.

— В общем, влипли мы с тобой, Петруша, в историю. Будем выкарабкиваться. Мне нужно связать все ниточки, — сказал Федя, многозначительно потирая переносицу, хотя очки никогда не носил. — Ясно одно: это вопрос больших денег и еще большего тщеславия.

— В смысле?

— Не ссы. Будем разбираться.

Глава 4
Разговор на Калачёвке
Эдуард Веркин

— *Rakhmetoff, really*![14]

Дейнен быстро сфотографировала Лубоцкого, замершего с гирями в позе классического циркового атлета.

— Я в том смысле, что он тоже не ел апельсинов, — пояснила Дейнен и сфотографировала Лубоцкого тщательнее.

Лубоцкий уронил гири, благовоспитанно остановил их падение в сантиметре от пола и осторожно установил на самодельный деревянный помост.

— У меня просто на цитрусовые аллергия, — пояснил Лубоцкий, потирая запястья. — А ты откуда про Рахметова знаешь?

— Лагерь интеллектуального резерва, литературная смена, отряд имени Державина, — зевнула Дейнен. — «Что делать?», «Как закалялась…», «И в гроб сходя…» — ну и вообще, сплошной бетон

---

[14] Примечания: 14
Точно, Рахметов! (*англ.*)

и железобетон, весь август мимо… А мастер тухло косплеил Мастера… — Дейнен отстраненно хихикнула.

Лубоцкий опустил руки в оловянный тазик, обильно вспылил магнезию, растер между пальцами, похлопал в ладоши, принялся вращать плечами, разминая передние и средние дельты.

Дейнен вытянула ноги и поставила их на старый телевизор.

— Знаешь, такой мужичочек, лет тридцати, — брезгливо рассказывала Лиза. — Волосенки, штанишки узкие, бороденка карасем, хипстота вроде как и шапочка с буковкой…

— Неужели М?

— Не, W, вроде как Writer. Так он эту шапочку постирал, вывернул и случайно надел, как? Голова кругом от этих разночинцев…

— Да уж…

Лубоцкий подпрыгнул, легко повис на перекладине. Дейнен чихнула.

— А ты зачем туда ездила? — Лубоцкий подтянулся. — Ты же вроде передумала в писатели?

— Не передумала. Потом, там все уже были…

Дейнен достала из сумочки блокнот с Коньком-горбунком на обложке и изгрызенный оранжевый карандаш.

— У меня обострился кризис идентичности, — пояснила она. — Но теперь я излечилась березовой почкой.

— Л-карнитин тоже помогает, — заметил Лубоцкий. — Л-карнитин и кроссфит — и все кризисы… отступят.

Лубоцкий продолжил мягко, с легким хрящевым хрустом в левом локте подтягиваться. Дейнен сидела в кресле, листала блокнот.

— Моей маме помогли пиявки. Знаешь, там, на углу с Трофимовским, открыли чудесное пиявочное бюро…

— Имени Дуремара, — не удержался Лубоцкий.

Лиза поглядела на Лубоцкого порицательно, всякую пошлость она не переносила с детства.

— В пиявках — гирудин, — попытался исправиться Лубоцкий и подтянулся еще раз.

— Ну да… А ты слышал, что в восемнадцатом доме исчезли две пенсионерки?

Лубоцкий помотал головой, подтянулся.

— Да, исчезли, — подтвердила Дейнен. — Средь бела дня две пенсионерки. Словно растворились… Прямо как у Тарковского в «Зеркале», помнишь?

Лубоцкий замер в негативной фазе движения, пытаясь вспомнить пенсионерок Тарковского. Дейнен снова чихнула.

— Как в июне сопли текут, аллергии мне не хватало, что за погода… Роман, что ли, написать…

Погода держалась удивительная, бабье лето заблудилось в старых московских переулках, похоже, надолго, вода в реке зацвела и стала изумрудной, впрочем, многие грешили на ирландцев.

— Я думаю, это все Шергин-старший. — Дейнен высморкалась в платок. — Его мутантство.

— Похищает пенсионерок?

— Ну зачем похищает? Просто денег им дал и вывез в Чертаново.

— В Чертанове — пришельцы, — сказал Лубоцкий. И подтянулся.

— А все думают, что пенсионерки исчезли, потому как там портал…

На портал Лубоцкий не нашел что сказать, вспомнил про отца и «Госуслуги», где тот нашел информацию по сносу, подтянулся молча.

— А чтобы недвижимость подешевела, Шергин распространяет слухи. — Дейнен почесала лоб карандашом. — Пенсионерки пропадают — это раз. Некоторые слышат вот такой зловещий звук… — Дейнен вытянула губы свистком и протяжно погудела.

На балкон ворвался словно бы высвистанный

Лизой ветер, колыхнул органзу штор, взболтал магнезию и железо, Лиза чихнула в третий раз.

— …Это два. Некоторым звонят в дверь, человек открывает, а там пустота…

— Мне так звонили, — согласился Лубоцкий. — Я открыл — а там пустота.

— А на чердаках каменная плесень.

Лубоцкий едва не сорвался с турника фирмы «Хват и Ко», поставщика инвентаря для понимающих атлетов.

— Каменная плесень? — уточнил он.

— Ну да. Камнееда. Она ест кирпичи, превращая их в прах.

Дейнен достала телефон, быстро сверилась:

— Да, есть такая. Если в домах заводится такая плесень, то все — недвижимость катастрофически дешевеет. Скупай — не хочу.

— Пожалуй… — Лубоцкий повис на левой руке, отдыхая и размышляя о несомненных преимуществах «мексиканки», немного о разночинцах, о Шергине и о плесени.

— Шергин выводит пенсионерок через портал, — сказал Лубоцкий, перекинувшись на правую. — Через портал… В Чертаново. Так?

— Он — Чичиков!

Дейнен, сидящая на подлокотнике монумен-

тального вишневого кресла, сверзилась от восторга на пол. Не поднимаясь, принялась быстро писать в блокнот, энергично пиная пяткой чугунную двухпудовую гирю.

Из мебели в комнате имелось лишь кресло, старинное, красной кожи, и телевизор, тоже старинный, все остальное пространство занимала спортивная коллекция Лубоцкого: штанги, шведские стенки, булавы, цепи, колосники, кувалды и колесные пары вагонеток, стальные цирковые шары и разновесные купеческие гири, одну из которых энергичной пяткой пинала в тот погожий сентябрьский день Лиза Дейнен.

Иногда, видимо в шаг с мыслями, Лиза отрывалась от записей и смотрела в потолок с видом настолько изумленным, что Лубоцкий, продолжавший висеть на турнике, опасался, что она может укусить себя за руку.

Лубоцкий возобновил подтягивание и сделал четыре подъема.

— Чичиков не Шергин. — Дейнен оторвалась от раздумий. — Чичиков — сама Шерга!

— Почему? — спросил Лубоцкий.

— Это же ясно: она лечилась в Швейцарии, — ответила Лиза.

Лубоцкий хотел почесать голову, но были за-

няты руки.

— Да ладно, это же все знают. — Дейнен принялась обмахиваться Коньком-горбунком. — Сизый давно рассказывал, его папенька пробивал, а ты все мимо. Она в Швейцарию уехала в восемь лет, во второй класс ходила. И приехала — тоже во второй класс пошла, тоже в восемь лет. Где два года?!

Лубоцкий почувствовал усталость в предплечьях.

— Вот и рассуждай. Что она два года делала?

— Лечилась? — предположил Андрей.

— Да она здоровая, как зебра! Лечилась… Известно, где она лечилась! — Дейнен пощелкала зубами.

— И что? — не понял Лубоцкий.

— Как что? Я же говорю — это все она! Она своему папочке в уши поет: давай снесем Калачёвку, давай снесем, а я всех уговорю съехать в Бибирево!

Лубоцкий замер. Подтягиваться и думать одновременно было нелегко.

— Она вроде не уговаривала, — заметил Лубоцкий после паузы.

— Это тебе так кажется. Ах, я не при делах, ах, это мой папа, а сама… а сама… — Дейнен замол-

чала.

— А как же пенсионерки? — спросил осторожно Лубоцкий. — Как же плесень?

Дейнен замерла, задумавшись, а потом хлопнула себя блокнотом по лбу.

— Ее подменили!

Лубоцкий замер на перекладине, попытался подтянуться, не смог. Он шумно выдохнул и спрыгнул на пол.

— Сорок восемь, — сказала Дейнен. — Ничего так, плюс пять с июня…

— Мало. — Лубоцкий вздохнул. — Отстаю от графика на сто километров.

— Ты что, в космонавты готовишься? — усмехнулась Дейнен.

Лубоцкий не ответил.

— Ты слишком длинный для космонавта, — сказала Лиза. — Иди в вертолетчики, там длинные нужны.

Лубоцкий подошел к подоконнику. Из западного окна открывался унылый вид на стену соседнего дома, в окне напротив сидела мрачная белая кошка.

— У Шерги никаких моральных устоев, — сказала Лиза. — Могу поспорить — она сама убила эту крысу из травмата!

Лубоцкий надел синюю толстовку, достал из кармана телефон и набрал номер Анны.

— Привет, Шерга, — сказал он неприятным сутяжным голосом. — Да, конечно, тридцать три! Ракетчики лошадь в овраге доедают! Не благодари…

Дейнен показала Лубоцкому язык, встала и громко прошептала:

— Ее подменили на чучело!

— Да, Аня, нам это не нравится! — сказал Андрей. — Тут слухи нехорошие ходят… Да, да, про тебя… В каком вагоне?

Лубоцкий внимательно слушал в трубку. Дейнен сняла с полки резиновый жгут, наступила на него ногами и попыталась растянуть.

— Нет, я могу, конечно, хоть в рынду, но ты пойми, это не выход!

Лубоцкий сел на подоконник, стал слушать. Мрачная кошка в окне не шевелилась.

— Воблер? — удивленно спросил Лубоцкий. — Кость? Сама, Шерга, замотайся!

Дейнен забыла про растягивание жгута и смотрела на Лубоцкого.

— Какой-какой? — пораженно спросил он. — При чем здесь жабры? Ты погоди бычить, вот и Лиза со мной согласна…

Жгут звонко шлепнул Лизу в лоб. Дейнен ойкнула и сощурилась на Лубоцкого.

— Сама крыса, — сказал Лубоцкий и отключился.

Он озадаченно потер ладони и положил телефон на подоконник.

— Сказала, что вырвет гланды. — Лубоцкий пожал плечами.

Несколько секунд Лиза сидела с обиженным лицом, потом захохотала. Лубоцкий тоже засмеялся, и они некоторое время смеялись вместе, Дейнен прекратила первой.

— Да-да, Андрюшенька, ловко ты, молодец! — сказала она. — Крыса или кость! Не, я, конечно, знала, что ты не тормоз, но ты вообще… Зачем тебе в космонавты, иди в скоморохи.

— О чем ты?

— Сделал вид, что позвонил Шерге, а сам не звонил! — Дейнен похлопала в ладоши. — Браво, буратинка, Бернард Шоу одобряет! Не зря к тебе зашла сегодня, буду веселиться. Ну-ка помоги кресло сдвинуть!

Дейнен принялась выталкивать кресло на балкон. Кресло было тяжелое, толкалось туго, хотя Лиза старалась упираться ногами не только в пол, но и в стену. Лубоцкий помогать не спешил.

— А если так? А если они не торговый центр строить собираются, — говорила Дейнен. — То есть наверняка не торговый центр, зачем в Москве еще один торговый центр, их и так девать некуда… Если они собираются строить… — Дейнен уперлась в стену крепче. — Я ей сама все гланды вырву, козе…

Кресло сдвинулось и застряло поперек выхода, Дейнен толкнула еще раз, устала, бухнулась на сиденье, вернулась в блокнот.

— У Шергиной, кажется, истерика, — сказал Лубоцкий. — Несет поразительный бред.

Он вытер руки полотенцем, снова похлопал в тазике с магнезией, поднял с пола цепь, пропустил ее за спиной и принялся сосредоточенно растягивать.

— Знаешь, почему я с тобой дружу, Лубоцкий? — не отрываясь от блокнота, спросила Лиза.

— Я подарил тебе зеленые санки.

Цепь натянулась.

— Ты, Андрюша, нескучный. Хотя и санки тоже. Жаль будет с тобой расставаться.

— Почему расставаться?

— Ты уедешь в Свиблово сегодня, завтра в Люберцы уеду я. Шерга, которую подменили

в Швейцарии, скупает у жителей Калачёвки квартиры, чтобы снести квартал и на его месте построить пирамиду… Увы, мы бессильны перед поступью гремящего хаоса.

Лубоцкий распустил цепь, пожал плечами.

— Необязательно, — сказал он. — Совсем и необязательно пирамиду. Возможно, это будет небоскреб. Я слышал, собираются его построить в виде огромной ракеты.

Лубоцкий напрягся, цепь зазвенела, но не поддалась.

— В виде ракеты?

Цепь звенела, но не рвалась.

— Мой прадед мог порвать, — вздохнул Лубоцкий печально и опустил цепь. — Он преподавал в гимназии.

— Имени Бернарда Шоу?

— Имени Кржижановского.

— Говорят, они были друзьями.

Дейнен взяла маленькую бутылочку с минералкой, открыла и стала мелко пить.

— Шерга, конечно, не Чичиков, — сказала печально Дейнен, — до Чичикова ей далеко, нет, обычная дура с папой… Помнишь, она мне кликуху придумала?

— Не очень… Белка?

— Бобр.

Дейнен улыбнулась, Лубоцкий отметил, что на бобра она похожа все-таки больше, чем на белку, и снова натянул цепь.

— И что? — спросил он.

Лубоцкий достиг изометрического пика, высчитал двенадцать секунд, расслабил мышцы.

— А у меня тогда как раз черная полоса началась, из художественной школы выгнали, все вокруг как озверели… — Дейнен выпила полбутылки. — А тут Шерга подойдет так и говорит потихоньку: «Эй, Бобр! Эй, Бобр!» Потом мне полгода снились, знаешь, такие мордастые, всё ходят, ходят, ходят…

Лубоцкий несколько потерял нить разговора и не уловил, кто именно настойчиво снился Дейнен, бобры или мастера художественных искусств.

— Я же тебе жаловалась, — напомнила Дейнен.

— Я думал, про бобров ты иносказательно.

— Нет, — покачала головой Лиза. — Ты не представляешь, как я ненавижу бобров. Иногда мне кажется, что я чувствую их запах…

Дейнен понюхала воздух, поморщилась. Лубоцкий вооружился резиновой лентой. Кошка

напротив оказалась не чучелом и принялась умываться лапой.

— Моего отца в детстве бобер укусил, — сказал Лубоцкий. — А сейчас их еще больше стало…

Лиза пила минералку. В широкие окна четвертого этажа задувал теплый ветер, пятница, и в школу завтра не надо, и… Лубоцкий пробовал почувствовать радость от предстоящих выходных, но почему-то не чувствовал ничего. Завтра они собрались встретиться у Дорохова и обстоятельно обсудить сложившееся положение, потом куда-нибудь сходить посидеть, отдохнуть.

Лубоцкий поглядел в северное окно на каштаны. Каштаны гораздо лучше весной.

— Я как вижу Шергину, так у меня… Да ну их… Я даже перевестись из нашей школы хотела. Просила у мамы…

Дейнен допила воду, свинтила крышечку, приладила ее на левый глаз, как монокль, встала в кресле, уставилась на Лубоцкого.

— «Это лучшая английская школа! — пропищала Дейнен, видимо, передразнивая мать. — Туда очередь как до Владивостока! Ах, Лиза, Бернард Шоу ходил по этим коридорам! Он опирался на эти стены и оставил на них свой автограф! Здесь все дышит культурой! Здесь творилась история!

Здесь…»

Дейнен замолчала и вдруг пошла красными пятнами, Лубоцкий испугался и подал Лизе еще бутылочку. Дейнен вернулась в кресло с пробкой в глазу.

— То есть ты за? — не понял Лубоцкий.

— Не знаю. Если Шергина снесет квартал — в старших классах я ее не увижу. Если Шергина не снесет квартал — я порадуюсь, что ее планы расстроились.

— А я?

— Тебя, конечно, жаль. Но…

Дейнен допила вторую бутылочку, открутила пробку, зажала ее правым глазом. Лубоцкий взял пружинные кистевые эспандеры.

— Я буду грустить о тебе в Мытищах. Вспоминать, писать стихи. Это хорошо для души.

— Это хорошо для души?

— Это хорошо.

Дейнен подняла брови и уронила пробки. Лубоцкий закрыл эспандеры.

— Но до Чертанова не так уж и далеко, — с сомнением заметил Лубоцкий.

— Не надо! Нет, нет, это вселенная, я в Мытищах, ты в Чертанове, между нами Москва, как бездна. Только так, только так…

Дейнен достала телефон, набрала номер, приложила трубку к уху и приготовила лицо. Улыбнулась, верхние зубы чуть подвыступили и подняли губу.

— Анечка! Как у тебя здоровье?! Нет, не чешется. Вот Андрюша Лубоцкий тебе тоже приветки передает…

Дейнен заквирикала в трубку. Лубоцкий сосредоточился на эспандерах.

— Да-да, да-да, — говорила Дейнен, легкомысленно покачивая ногой. — Да-да, подпрыгнула. Самбисты всегда в авангарде… Нет, на идиотов не похожи…

Лубоцкий щелкал эспандерами.

— Что делаем? Да как сказать… Страдаем. Да. У Андрюшеньки бабушка… да-да, та самая — с носками! — Дейнен подмигнула Лубоцкому. — Это точно, одной ногой в Валгалле, но еще ого-го! Короче, кое-как держится. Хочет помереть в своей постели, а ее постель в доме нумер три Калачёвского проезда. Что значит — «ну и что?» Ты совсем старость не уважаешь?!

Дейнен попыталась сделать строгий голос, получилось что-то вроде болгарки, кошка в соседнем доме убралась с окна.

— Нет, крысу тебе не Петька подкинул, — про-

должала беседу Дейнен. — Крыса — это вроде как…

Дейнен замолчала, слушая.

— Сама коряга, — сказала Дейнен через минуту и отключилась.

У Лубоцкого не было бабушки, тем более с носками.

— Ответный удар? — спросил Лубоцкий.

— То есть? — не поняла Дейнен.

— Сделала вид, что позвонила, а сама не звонила.

Дейнен зевнула. Лубоцкий закрыл эспандеры.

— Это Шерга! Сделала вид, что ее топят, а сама ничуть не тонула!

— Ты думаешь?

Лубоцкий открыл эспандеры и закинул их в тазик с магнезией.

— Молодежный театр имени неистового Тыбурция, — пояснила Дейнен. — Она сама себя высекла, у них это повсеместно.

— Зачем ей это? — не понял Лубоцкий.

— Какой именно ей? А может, их две? — Дейнен выразительно постучала пальцем по виску.

— Одна хочет снести Калачёвку, а другая хочет сама себе помешать. Ну вроде как у нее ментальное раздвоение. Залечили в Швейцарии. И теперь

она как бы сама себя каждый день высекает на подмостках.

— Не. — Лубоцкий покачал головой. — Раздвоение — это было. У всех раздвоение…

Лубоцкий посчитал по пальцам, некоторое время смотрел на них задумчиво.

— Со счета сбился… Короче, штук двадцать с раздвоением. Джекилл и Хайд, Тайлер Дёрден…

Дейнен почесала голову карандашом.

— Ну, не знаю, — сказала она. — Если не Чичиков и не раздвоение, то что?

— Заговор тамплиеров…

Дейнен хихикнула.

— Заговор лилипутов, — передразнила она. — Знаешь, заговоров тамплиеров в сорок раз больше, чем раздвоений. В сердце каждого графомана бешено стучит маятник Фуко.

Дейнен понравилось, она немедленно внесла фразу в блокнот и отделила ее от прочих записей зубчатым заборчиком.

— А вообще, воблер и кость, — сказала она. — Так я все и назову: «Воблер и кость». Произведение литературы. Книгу! Роман!

Дейнен потрясла блокнотом и пририсовала Коньку-горбунку на обложке букву З.

Лубоцкий снял с полки жестяную банку, вытряс

из нее белковые батончики, предложил Дейнен со вкусом клюквы, себе взял со вкусом черники. Стали жевать.

— А почему тебе пирамида не нравится? — спросила Дейнен, доев батончик. — Пирамида — это красиво и неслучайно.

— По-моему, скучно, — возразил Лубоцкий, тоже доев батончик. — Пирамиды вышли из моды семнадцать бестселлеров назад, придумай чего-нибудь, ты же литератор.

— Хорошо, — сказала Дейнен. — Легко. Слушай. А если не пирамида? Если башня? Знаешь, по-моему, в Москве давно хотели построить башню…

Дейнен потерла пальцами виски.

— Башню ленинского коммунизма, — сказала она. — Так, кажется?

— Вряд ли сейчас такую даже в книгах строить будут. Какую-нибудь другую построят.

— Башню имени Бернарда Шоу.

— Бернард Шоу был мужем Сары Бернар, — сказал Лубоцкий и протянул руку к миске с магнезией. — У него была широкая саксонская кость, он мог…

Договорить Лубоцкий не успел, громыхнуло, пол подпрыгнул, гантели, гири и прочий инструментарий, знаменующий полтора столетия

увлечения семьи гигиенической гимнастикой, тяжело звякнули. С полки на стене осыпались медали и кубки, завоеванные предками Лубоцкого в спортивной борьбе.

Дейнен прикусила язык и зашипела, Лубоцкий же опрокинул магнезию на себя.

— Что бы это могло быть? — поинтересовался Лубоцкий.

— Взорвалось, кажется, — ответила Дейнен.

Она достала зеркальце и рассматривала окровавленный кончик языка. На улице орали автомобильные сигнализации.

— Что могло взорваться? — Лубоцкий тер нос.

— Похоже на газовый баллон, — проявила осведомленность Дейнен. — У нас на даче у соседей взорвался — весь погреб разворотило.

И Андрей, и Лиза перебрались через кресло на балкон. Снизу, со стороны переулка, поднималась кипящая пыль.

— Что это? — Лубоцкий сощурился.

— Она, — ответила Дейнен.

У Дейнен зазвонил телефон, она ответила. Молчала в трубку.

Лубоцкий наблюдал за пылью. Пылевая стена поднялась до третьих этажей и теперь приближалась и бурлила, как при взрыве Кракатау или

Везувия. Но метров за сто до дома Лубоцкого туча выдохлась и осела, и стала видна улица. Все дома были на месте, припаркованные вдоль тротуаров машины посерели и мигали аварийками, на перекрестке возник затор от погасшего светофора, но люди из машин не выходили, опасаясь пыли, и Лубоцкий узнал странное сиротливое чувство, точно умер мир и остались только они с Дейнен на балконе, и даже пыль не поднялась.

Он оглянулся на Лизу и чихнул в первый раз за этот день.

Дейнен спрятала телефон.

— Безносов звонил, — сказала она.

— И что? — осторожно спросил Лубоцкий.

— Водокачку взорвали. Рядом с его домом старая водокачка, ну помнишь же, с буквами? Взорвали. Сложилась, как спичечная.

— Да. — Лубоцкий потер лоб. — Что бы это значило?

— Это Шерга, — уверенно сказала Дейнен. — Посылает нам зловещий знак.

— Какой?

— Сегодня водокачка — завтра ты.

Дейнен указала пальцем на Лубоцкого. По улице, вопя сиреной и моргая мигалками, проехала пожарная машина. Пыль снова поднялась,

ненадолго.

— И еще… — Дейнен замолчала.

— Что еще?

— Там вроде как стену начали строить.

— Какую?

Дейнен пожала плечами. Лубоцкий нахмурился.

— Надо завтра все это серьезно обсудить на собрании, — сказал Лубоцкий и чихнул.

— Взрыв водокачки? — уточнила Дейнен. — Стену?

— И стену тоже. Если уж Шерга взялась за водокачки…

— Ты серьезно? — перебила Дейнен.

— Абсолютно. Бирюлево не пройдет. Надо оказать ей сопротивление.

— Ага… — усмехнулась Дейнен.

— Придешь? — спросил Лубоцкий.

Дейнен не ответила. Она смотрела на обезлюдевшую улицу, на замершие машины и на пыль. Дорогу наискось медленно переходила толстая ленивая собака, в пыли за собакой оставались круглые следы. Неожиданно Лизе стало сильно грустно. Обычно грусть приходила ближе к ноябрю, но в этом году случилась раньше. То ли Лубоцкий со своими эспандерами, то ли взрыв

водокачки, то ли ситуация с Шергиной, но Лиза загрустила. Она вдруг подумала, что это надолго, на год и дальше и, может быть, навсегда.

— Приходи, — опять предложил Лубоцкий.

Лиза снова не ответила. Она поудобнее пристроила блокнот с Коньком-горбунком на перила и стала писать.

Глава 5
От Калачёвки к Колпачному
Нина Дашевская[15]

— Ну ты и накрутил, — сказала Наташа. — Ты что, действительно во все это веришь?

— Лубоцкий врать не будет, — отозвался Петя, — да и Дядя Федор…

— Федя вечно строит из себя самого умного. А твой Андрей вообще возомнил себя сверхчеловеком, от него уже телефон можно заряжать.

Они шагали с Петей по узкому, в неровной плитке, тротуару. Навстречу шла нестарая еще тетка, споткнулась, пробормотала привычное «гори в аду» в адрес нынешнего мэра. Соседний дом с забитыми окнами (под снос) зацепил Петю за капюшон болтающимися проводами. Наташа освободила его, оглянулась: ругательная тетка испарилась, как привидение.

— Вот видишь! — обрадовался Петя. — Зуб даю,

---

[15] Примечания: 15

Нина Дашевская — детский писатель, музыкант. Автор книг «Семь невысоких гномов», «Около музыки», «Вилли», «Я не тормоз», «Вивальди. Времена года». Лауреат конкурса «Книгуру», Международной премии им. В. Крапивина, Литературной премии им. С. Маршака.

она уже в Чертанове. Лубоцкий зря не скажет.

— Петя! Твой Андрей, как всегда, строит теории заговора, а ты ведешься!

Петя хмыкнул. У Наташи Батайцевой была нежная привычка называть одноклассников по именам, даже Шерга во время бойкота у нее оставалась Аней. Вообще Петя не собирался никуда идти с Наташей, она не казалась ему интересной. Наташа была самая младшая в классе и, откровенно говоря, интеллектом не блистала. В школе сестры Батайцевы оказались только из-за своих звездных отцов, но старшая, Соня, была упертая, честолюбие не позволяло ей учиться хуже других. Маленькая же, Наташа, хватала свои тройки, хлопала черными глазами и не расстраивалась. Вот и сейчас она замахала руками, как только Петя попытался хоть как-то проанализировать ситуацию.

— Лубоцкий, может, и строит теории заговора, а водокачку взорвали, — сказал Петя. — Верь не верь — все равно окажешься в Чертанове, как исчезающие пенсионерки. А потом и подальше.

Наташина бестолковость начинала его раздражать. Вот это ее «ничего не будет, а если и будет — ничего не изменишь, а я так и буду хлопать глазами, хоть в Чертанове, хоть в Бутове».

— Чего ты привязался к Чертанову? — спросила Наташа. — Нормальный район… У меня там бабушка живет.

— Вот и поезжай в свое Чертаново, — огрызнулся Петя.

Калачёвку, кстати, они уже прошли, чего вот Наташа за ним тащится, домой не идет? Не обиделась, ну и ладно. Нырнули во дворы, где возле кинотеатра рос старый дуб.

— Дуб ведь тоже спилят? Жалко… А мы тут с Андреем во втором классе желуди собирали, — ностальгически произнесла Наташа. — Он потом в меня с балкона кидался…

Петя на секунду представил Лубоцкого, интересующегося желудями. Хмыкнул. И вообще Наташа сумасшедшая, конечно. Дуб ей жалко, а дома что, не жалко?

Тренькнул телефон. Сообщение от Лубоцкого: «Тайная ветка метро. Заговор хамовников?»

Какие, к черту, еще Хамовники, это совсем другая сторона; что они, всю Москву накрыли, что ли? И в Хамовниках давно есть метро, красная ветка… «Фрунзенская». «Парк Культуры». Чего там еще… на МЦК какая-то станция…

«Заговор храмовников», — исправился Лубоцкий. А, тамплиеры. Лубоцкий в своем репертуаре.

Вот… из-за одной потерянной буквы весь смысл… хотя какой тут вообще смысл? Никогда не поймешь, Лубоцкий это всерьез или они с Дейнен придумывают там всякую пургу. Хотя, с другой стороны, не раз уже выходило, что пурга авторства зубастой Дейнен оказывалась ближе всего к истине.

Ветер гнал навстречу пустую пивную банку, Петя наступил на нее, смял — и банка будто обняла его конверс, прицепилась и хрустела при каждом шаге. Петя запрыгал на одной ноге, отцепляя ее, Наташа засмеялась:

— Какой же ты, Петя… в самом деле!

Ей нравилась Петина неловкость, да и весь Петя. Хотя, надо признаться, Наташе нравились все. И Толя Абрикосов, похожий на актера Камбербэтча, и Федя Дорохов, и — как бы ни хотелось скрыть это от самой себя — сверхчеловек Лубоцкий. Но все они видели в ней в первую очередь дочь Батайцева. Конечно, в «двенашке» у многих были звездные родители, но не у всех же это написано прямо на лице, а лицо не спрячешь. Вот же угораздило — Наташа была ужасно похожа даже не на отца, а на дядю Женю, который смотрел на людей с каждой второй киноафиши. Наташа походила на него даже больше, чем Соня,

его родная дочь. «Ах, вы дочь Батайцева?» — слышала Наташа, сколько себя помнила, и нужно было отвечать, что да, Батайцева… да не того. Наташин отец всегда жил в тени брата, а потом еще нелепая смерть Евгения, до сих пор кормящая журналистов желтых изданий… Наташа уже привыкла к заголовкам «Шок! Смерть Батайцева и банда черных археологов!» Виноваты были то археологи, то сектанты, то спецслужбы, то инопланетяне; журналисты изощрялись в догадках. Каково было Соне, лучше не думать. Но Соня умела уходить от переживаний и учиться, учиться, как псих. А Наташа отключать эмоции не умела. Да и быть в первую очередь дочерью и племянницей ей изрядно надоело. Поэтому ей так легко было именно с Петей, который однажды спросил: «Батайцев? А это кто такой?»

Они вынырнули на шумные улицы ближе к центру, быстрым шагом перешли оба моста и двинулись дальше. Для Пети это был привычный путь: он любил обходиться без метро, кеды будто сами выучили путь до Колпачного. Москва то разворачивалась перед ними — через мосты до самого университета, — то опять сворачивалась узким Хохловским переулком.

— Что это, орга́н? — спросила Наташа.

Петя кивнул:

— Да, это в «Петре и Павле» репетируют.

Лютеранский собор со своим органом, озвучивавший кривые московские улицы, вызывал у Пети легкое кружение головы.

На стене зачем-то был вырезан кусок штукатурки, обнажился квадрат красной кирпичной кладки. Наташа потрогала кирпич и серые пятна на нем:

— Смотри… Рыцарь и дракон. Ты видишь?

Детский сад… Петя вгляделся в пятна оставшейся штукатурки, но ничего не увидел.

— Какой еще рыцарь?

— Ну, не знаю. Тамплиер.

Петя вздрогнул. Наташа вдруг вытащила маркер и подписала прямо на стене: «Рыцарь верхом на драконе».

«Во дает. У себя бы на стенах писала», — с неудовольствием подумал Петя. Выходит, он уже чувствует себя здесь своим? «Снесут Калачёвку — останусь в Колпачном», — внезапно подумал он.

Он шел, будто совсем к себе домой. Там тихо… можно спокойно подумать… Только Наташа-то ему здесь зачем?

— Ничего, что я с тобой иду вдруг? — спросила она.

Петя вздрогнул и будто почувствовал себя виноватым. И тут же ляпнул:

— А у меня, кстати, тут квартира.

— Чего? — опешила Наташа. — Какая еще квартира?

— Ну… — Петя замялся. — Это… Отец оставил. Наследство.

Наташа присвистнула, как пацан:

— Ничего себе. Так это правда, что ли? Твой отец олигарх? Я думала, врут всё…

— Вот видишь. Иногда самые невероятные теории оказываются правдой, — вздохнул Петя (он, кстати, совершенно не умел свистеть). — Зайдешь?

Консьерж посмотрел на Петю неодобрительно, но промолчал. Наташа вдруг покраснела:

— Что он про нас подумал?

— Ерунда, — отмахнулся Петя: его голова была занята другим.

Он внутренне поморщился, предполагая Наташины восторги по поводу квартиры. Вот же дурак, не смог отвязаться. Но Наташа ничего такого особенно не сказала, аккуратно сняла кроссовки (Петя же ходил прямо в конверсах и не парился) и сразу бросилась к фотографии на книжной полке:

— Ой, какой котик!

На снимке Кирилл Владимирович косплеил известную фотографию Юрия Кнорозова, где тот тоже был изображен с котом. Этого кота, кстати, Кнорозов пытался как-то протащить в соавторы научной статьи. Кота же Кирилла Владимировича Петя не знал. Их не знакомили.

— Твой отец? — спросила Наташа, изучая то фотографию, то Петино лицо. — Да, вроде на тебя похож…

Петя аж поперхнулся: лицо на фотографии имело довольно инфернальное выражение… чего там похожего?

— А ведь я его знаю, — сказала вдруг Наташа.

— Как знаешь?! Откуда?

— Ну, у папы вечно народу толчется, он любит гостей… ходит кто попало, то есть… извини. Просто у нас не дом, а проходной двор. Папа говорит, это для профессии нужно. Играешь профессора физики — общаешься с физиками. Бандита — с бандитами…

— Вампира — ищешь контакты с потусторонним миром, — подколол Петя (а говорил, не знает, кто такой Батайцев!).

Наташа терпеть не могла фильм, где отец играл вампира, поэтому поспешила продолжить:

— Археолога — с археологами… Да на самом деле просто папа любит тусоваться, принимать гостей. Ходят, ходят… часто знакомые лица, а потом и не поймешь, где видела, то ли на «Дожде», то ли в рекламе «Макдоналдса».

— Так твой отец разве не умер? — ляпнул Петя.

— Это Сонин же умер. — Наташа задумалась, стоит ли ей обижаться, но решила: тут у нее одной был живой отец, так что нечего. — И… постой… кажется, на похороны дяди Жени как раз вот этот твой и приходил… точно, он был!

Петю кто-то будто дернул за язык, и он спросил:

— А шергинского отца там случайно не было?

— Аниного? Конечно. Они вообще с дядей Женей дружили.

Петин телефон снова дернулся. Эсэмэс: «На месте водокачки обнаружен тайный ход. Заложен кирпичом».

Вот же Лубоцкий, неугомонная работа мысли…

Стоп.

Это не Лубоцкий. Эсэмэс пришло от Дорохова.

Тайный ход. Тамплиеры. Наташа… нет, Петя вроде бы еще ничего не пил… Нельзя, необходима ясность мысли.

— А твой этот… дядя Женя, — спросил Петя, —

он где снимался? Какую роль играл, последнюю? Ну, с кем общался?

— Да они с папой вместе… там сериал какой-то, исторический. Они тогда так загрузились историей, археологией… черт знает, документы какие-то искали про наш квартал.

— Про Калачёвку? — быстро спросил Петя. Он смутно помнил, что смерть Батайцева была какой-то непростой, связанной… с чем? И тело то ли нашли, то ли нет…

— Может, твои Батайцевы из-за этого общались с моим отцом? — стал думать он. — Он тоже вроде… историей увлекался. Тоже… про Калачёвку есть документы…

— Петя, — так же быстро спросила Наташа. — А твой отец. Он… умер от чего?

— От старости, — отмахнулся Петя.

— Чего-то мне не нравится, — сказала Наташа, — когда люди умирают. Особенно внезапно.

— Прости, — Петя снял очки, потер переносицу, — мне нужно задать тебе идиотский вопрос. А твоего дядю Женю… вообще нашли?

— Да… только как-то непонятно. То ли он… то ли… А что?

— А то. В Чертанове искать не пробовали?

Глава 6
Марки и маски
Алексей Сальников[16]

Мусор на месте снесенной водокачки стремительно расчистили, само место огородили красными и белыми пластиковыми секциями, чем-то похожими на гигантские детали лего. По пути в школу и домой Лубоцкий то и дело заглядывал в яму, в которой имелось еще одно углубление, где кирпичную кладку убрали, предвкушая, возможно, подземный ход или сундук с сокровищем. Однажды вечером Андрей даже спустился, чтобы посмотреть, что там, хотя все и так знал из новостей. Остатки печки, метла, угольная пыль на полу — вот и все добро, что там обнаружилось. Андрей чувствовал неловкость, когда вспоминал, как надеялся на совсем другое — чтобы там была находка (что за находка, Андрей не мог придумать), которая бы помешала

---

[16] Примечания: 16

Алексей Сальников — поэт и прозаик. Автор романов «Петровы в гриппе и вокруг него», «Отдел» и «Опосредованно», сборника стихов «Кот, лошадь, трамвай, медведь». Лауреат премий «НОС» и «Национальный бестселлер».

стройке.

Он вспоминал, как телеведущий, практически неотличимый от других телеведущих местного канала, наверняка неузнаваемый в толпе, когда оказывался вне экрана, с ленивым разочарованием в голосе рассказывал, как ломали кладку. Лубоцкий догадался не соваться к телекамере, но затем, когда сюжет попал на ютьюб, пересмотрел его несколько раз, пытаясь зачем-то различить свое присутствие за кадром. Камера почти повторяла взгляд тогдашнего Андрея — оглядывала шевеление немногочисленных любопытствующих и мерные взблески металлического лома, которым охаживали кладку позади телекорреспондента.

Лубоцкий не знал твердо, но догадывался, что реальность соткана все же не из топорных ходов, что на любое человеческое действие у жизни имеется какой-то непредсказуемый ответ. Иначе каждый выпускник института тут же шел бы на любимую работу, где до старости к своему удовольствию продвигался по карьерной лестнице, а любой актер, следуя рецепту предыдущих актерских поколений, становился бы звездой театра или кино. Это был странный логический вывод, который, похоже, отчасти опирался на

все те случаи, когда Андрей был дошкольником, а кто-нибудь из родителей приносил домой съедобную ерунду, да те же «киндеры», и сообщал, что это Андрюше передал зайчик, встреченный по дороге. В любом случае эта неудача с найденной при сносе временно загадочной стенкой в пустой каморке некоторым образом взбодрила Андрея. Жизнь как бы сказала ему: «Вот сейчас если сдашься, больше ничего не будет, а если не сдашься — у меня есть новые сюрпризы». Чтобы объяснить эту мысль не столько другим, сколько самому себе, он решил собрать всех «переселенцев» из класса и поговорить об этом.

Решено было встретиться в кофейне неподалеку от школы, но у Лизы внезапно обнаружились дела, Батайцевы же слились другим, более доходчивым способом — просто послали Лубоцкого подальше и никак это не объяснили, только чуть позже закинули в группу свои селфи из кинотеатра.

Слегка застопорились у дверей кофейного заведения, поскольку Федя, не отрываясь от телефона, сделал несколько попыток стрельнуть сигарету у прохожих. Но те на глаз определяли его возраст и отмахивались.

— Ты бы хоть вейпил, что ли, — с досадой сказал

ему Андрей, но Федор отмахнулся от него так же, как от самого Федора отмахивались прохожие.

Наконец Феде улыбнулась удача: некий желтый и худой гражданин, похожий на ходячую агитку антитабачной кампании, в желтых от никотина пальцах протянул Дорохову полупустую открытую пачку.

— Такое брать, — снова не удержался Лубоцкий, как только щедрый мужчина удалился на некоторое расстояние, — это ж тубер ходячий, капец, он туда руками лазил, а ты вон суешь.

— Ой, иди лесом, — отвечал Федя, не выпуская дымящейся сигареты изо рта. — На Анькиных тусовках неизвестно какими руками что приносят, и ничего, никаких вопросов, хотя в доме совсем чужие люди, можно сказать, и неизвестно, как они к Аньке относятся, к ее матери и к ее отцу, к ее гостям. Возможно, что вовсе без любви.

Все трое одновременно вспомнили «Бойцовский клуб» и зачем-то переглянулись.

— А вот забавно, — сказал Федя уже у стойки, — почему в кофейнях всегда тихо и колокольчик звенит у входа, а в пабах всегда ор, и вообще, в фастфудах музыка на всю катушку, а в кофейнях — нет.

— Можно подумать, ты был в пабах, — поддел

Лубоцкий.

— Можно подумать — нет, — поддел его в ответ Федя.

— Давай еще расскажи, как ты со своими друзьями — гиками, поклонниками шутеров и *RPG* — завалился в пивную и драку устроил с футбольными фанатами.

Дорохов досадливо крякнул, но не на сарказм Лубоцкого, а на то, что произошло на экране смартфона. Однако перескочил на другую тему:

— А еще удивляют эти люди с ноутами, которые задумчиво сидят, как бы работают над чем-то, но ни разу не видел, чтобы кто-то напряженно что-то писал, только в экран пялятся по нескольку часов, и всё. Я как-то раз из интереса сел за спиной одного такого кадра, так он просто «Вконтакте» листал, но с видом, будто занят очень важным делом.

— Может, и важным.

— Кажется, что важным, потому что у каждого такого шарф на шее в виде петли, словно он сейчас пойдет и руки на себя наложит, — совершенно не задумываясь, сразу же отбрехался Федя.

— Я понял, где мы ошиблись, когда решили до Шергина достучаться, — начал Лубоцкий после некоторого затишья в разговоре, вызванного

поиском свободного места среди множества пустых столов, что было еще сложнее, чем если бы кофейня была забита до отказа.

Федор хмыкнул, да так сильно, что почти дернулся от своего смешка:

— Где ошиблись, где ошиблись. Где родились, там и ошиблись.

— Вот именно, — вцепился в него Лубоцкий, ободренный согласием с тем, что он еще даже не произнес. — Мы исходили из того, что ему не все равно. Как исходим из того, что между взрослыми там, наверху, есть какая-то огромная разница. Что, грубо говоря, пропасть между главными оппозиционерами и теми, у кого сейчас власть, не такая широкая, как между нами и главными оппозиционерами. А на самом деле, при всем моем английском и других побрякушках, мне, как бы я ни хотел, ближе даже вот тот утырок, который тебе сигарету дал, чем любой представитель оппозиционной элиты. От меня любой представитель любой из элит далек астрономически, я не могу у него сигарету стрельнуть, ведь так?

Петя заметно покраснел, а Дорохов заметил:

— Ничего себе тебя перековало.

— Просто я не вижу никого в рубище, знаешь, — сказал Лубоцкий. — Это как моя мама говорила,

когда детство вспоминала, что очень завидовала семье одноклассника, родители которого могли ему джинсы купить по мере надобности, не выкраивая ничего из бюджета, а просто шли и покупали, какие нужно, чуть ли не в тот же день, когда они становились нужны. И тут так же. У них с обеих сторон (понятно, что с провластной еще проще) все замечательно. Пока какой-нибудь рядовой школотрон у репетиторов произношение отрабатывает, у них уже языковая практика за границей, а кто-то там вообще растет с рождения. И даже если случится вот это вот, с баррикадами, флагами и очередным триумфом воли, они же друг с другом давно знакомы, эти ребята, и дети их, скорее всего, друзья — не разлей вода. Это не их из универа попрут в случае чего, так что никто потом и не вспомнит, а кого-нибудь из нас, потому что наши предки уже отпрыгались, их статус давно «экс», причем у многих. Мы сейчас в окружении этих переулков, как помещики, которых уже купцы сместили, чего-то еще трепыхаемся, а что Васин батя, крутой адвокат, что шергинский — известно, что они могут своим детям сказать.

— И что же они могут им сказать? — поинтересовался Федя.

— Один скажет, если самого Васи это касаться

не будет, про закон, который суров, но это закон. Другой заметит, что, в конце концов, никто жилья не лишается, что это просто прихоть — желание жить в определенном районе, что родители каждого из нас могли также захотеть переехать, и мы не стали бы спорить, вот и все. Ну и еще какую-нибудь телегу задвинул бы про статус, про то, что если сможет заработать, то не все будет тратить на себя, а часть на благотворительность пойдет в любом случае. А от этого польза не только нам, нескольким, а десяткам других детей и взрослых. Что-то такое, в общем. А доведись нам с ним лично пересечься вот сейчас, он бы нашим эгоизмом нам бы в нос и натыкал, так что мы бы еще и краснели, что родились не в то время и не в том месте.

— И что делать тогда? — спросил Федор.

— Четыре варианта действий есть, но один от нас почти не зависит, — сказал Лубоцкий и увидел, как у Дорохова дернулась от любопытства бровь.

— Первый вариант — террор, — объяснил Лубоцкий, и оба его товарища расслабленно развалились на стульях, переживая волну скепсиса.

— Ну да, да, — заторопился Лубоцкий. — Конечно, бессмысленно это даже и обсуждать. Тем

более мы больше гуманитарии, чем химики, если брать самый примитивный вид террора, и если даже начать гуглить это все, то гораздо быстрее, чем планируем, переедем на новое место, только это будет далеко не квартира в новом районе, поэтому, конечно, этот вариант отпадает.

— Второй вариант — шантаж, — продолжил Лубоцкий и увидел, как на лицах друзей буквально вспыхивает бегущая строка: «Да ты издеваешься, Лубок». — Понятно, что и это отпадает категорически, — отмел Андрей возможные возражения. — Только если у кого-нибудь из нас нет чего на Шергу-старшего, а понятно, что нет, иначе уже давно названивали бы ему с левой симки и что-нибудь там предлагали. И если уж брать две чаши весов, на одной из которых что-то, какой-то скелет в шкафу, а на другой — сумма вот этой застройки, то, думаю, это «что-то» должно быть на самом деле запредельным. Такой жесткий лютый трешак, потому что в ином случае это явно не сработало бы. Людоедом он должен оказаться, не знаю, Брюсом Уэйном.

— Было бы круто, — признался Дорохов. — Я бы тогда улыбку на лице намалевал и ходил на встречи с ним в белом гриме.

— Ой, кого ты обманываешь! Женщиной-кош-

кой ты бы наряжался! — не выдержал Лубоцкий.

Они радостно поржали, даже Федя.

— Третий способ самый неосуществимый, — сказал Андрей, когда они отсмеялись. — Подкуп. Потому что если первый, в принципе, при сильном желании накосячить, еще туда-сюда, с этим даже отбитые ребята справляются при минимальной подготовке (правда, и результат известен, и он почти на сто процентов — не то, чего бы хотелось), ну и второй вариант тоже вполне бюджетный. А подкуп, знаете, совсем нет смысла обсуждать. Потому что если бы у нас были деньги, чтобы сунуть на лапу тому, кто за это все взялся, то мы бы тупо могли жилье купить всем, чьего отъезда мы бы не хотели, и всё.

Петя зачем-то еще раз покраснел, что не укрылось от Дорохова, потому что он заметил:

— Вот этого вот не нужно, Безнос. Я лучше под забором сдохну. Честное слово.

И, уже к Андрею обращаясь, оторвался от смартфона:

— Что четвертое?

— Чудо, — сказал Лубоцкий.

Безносов и Дорохов промолчали, заметно сочувствуя инфантилизму Лубоцкого.

Лубоцкий попытался расшифровать собствен-

ные слова, и чем дальше объяснял, тем больше было в нем уверенности:

— Как мой дядя говорит, в наше время можно не то что взрослых закатать в кутузку по любому поводу и выпустить опять же по любому поводу, но даже группу детского сада в «Кресты» закрыть без объяснения причин. Ну, выйдет несколько тысяч человек, ну, огребут от космонавтов, затем еще выйдут люди, опять огребут, на этом все и кончится. А в нашем случае даже этого не будет, потому что квартиры дают, все вроде бы в порядке, со стороны это выглядит, будто мы с жиру бесимся, что бы мы ни предпринимали. Понимаете? Тут реально нужно что-то абсолютно иррациональное. Чего совершенно не ждешь.

— И как это сделать? — спросил Федя. — К экстрасенсам и гадалкам сходить?

— Нет, это как раз рационально: эти-то ребята вполне себе реалисты и практики, они просто деньги берут за сеансы своеобразной психотерапии. Они, может, и пообещают утешение, но самого утешения не будет, да нам и не утешение нужно, а некий результат. Нам нужно, чтобы человек, который дергает Шергу и других таких же кукол за ниточки, передумал это делать, совсем отказался от своей идеи. И кажется, взрыв водо-

качки и то, что за кирпичной кладкой ничего не оказалось, кроме какой-то ерунды, — это первое явление того самого чуда.

* * *

Петя никак не выдал себя, не показал Лубоцкому, что сам думает о том же, хотя действительно думал примерно о том же. Он давно уже три раза обшарил отцовскую квартиру в поисках какой-нибудь подсказки, даже перетряхнул конверты с пластинками, пролистал все книги, перебрал архив писем, бегло читая каждое, но в основном там были глупости, подчас остроумные, подчас грубые реплики старых друзей, которые именовали друг друга не иначе как «черти» или «сволочь»: допустим, в описании какой-то научной конференции были слова «собрали там нас, архивистов, палеонтологов и прочую сволочь». Но были и другие письма, с многочисленными предварительными и финальными расшаркиваниями, наполненные латынью, французским, английским, немецким, ссылками на тексты и схемами.

Для писем имелся отдельный каталог. Каталог имелся и для книг и пластинок. В книжном каталоге нашелся отдельный каталог марок, где Петя

обнаружил малопонятное описание, как он понял, каждой марки, сопровождаемое вереницей чисел. Все было упорядочено. И только несколько кляссеров не было учтено. В этих альбомах марки были рассованы как попало, будто их складывали второпях. Сначала Петя принял эти кляссеры за своеобразный запас марок на обмен или склад дубликатов, которые не было смысла помещать в причесанные каталогизацией альбомы.

После разговора с Лубоцким Петю осенило, что если где и искать чудо или некую к нему подводку, то лишь в этих безумных альбомах.

Первым делом Безносов оглядел каждую марку с обратной стороны, но там не было ничего, кроме сладковатого клея (да, Петя зачем-то попробовал одну марку на язык), никаких подсказок не имелось и под марками — никто не выдавил никаких букв на податливом картоне кляссеров, у одного из альбомов имелась съемная обложка, но ни под ней, ни в ней не было ничего. Петя подумал было, что бабочка, маяк, панда, жаба, змея, самолет на первой странице одного из кляссеров могут составить какое-то слово, если читать только первые буквы, но тут же понял, что нет, не могут, даже если брать их английские аналоги, не поленился и достал русско-французский и русско-немецкий

словари, но все было без толку, постоянно получался у Пети ряд никоим образом нечитаемых согласных.

Буквально в шаге от того, чтобы сдаться, он сел возле камина, готовый бросить в огонь бесполезные, бессмысленные альбомы, наполненные дурацкими мелкими бумажками, каждая из которых как бы щерилась своими мелкими зубчиками по краю.

А затем внезапно на первой странице одного из альбомов нашлись буквы, сложившиеся в два слова: *dear* и *friend*. «Так-так-так, стоп-стоп-стоп, как это получилось?» — не сразу понял Петя, вглядываясь в марки с собакой, бабочкой, настольной лампой и королевой Англии, пока не сообразил, что слово *dear* образуется из первых букв надписей. То есть надо было не на картинки смотреть, а на слова: *dobermann, Earias clorana, Anglepoise Lamp* и *Red Cross Centenary Congress*.

Friend начинала марка со словом *Foroyar*, где первая «о» была почему-то зачеркнута.

Не успел Петя приступить к чтению, как телефон сначала раздражающе завибрировал, а затем не менее раздражающе зазвонил. Это была мама, которую отсутствие сына начало удивлять, злить и печалить. Безносов потратил какое-то время,

чтобы объяснить ей, что ничего страшного не происходит, что он не в наркоманском притоне, в конце концов, да, совершенно точно не в притоне, и нет, не пьет, не курит, и даже гостей у него сегодня нет. Вслед за мамой позвонил Лубоцкий и сразу же стал смеяться в трубку.

— Блин, ну чего ты нормальный телефон не заведешь? — спросил он воинственно. — Тут часть «переселенцев» на ушах стоят.

— Я тоже кое-что нашел, — начал было Петя, но Андрей его перебил:

— По сравнению с тем, что Лиза сегодня находила по улицам, это наверняка пустяки.

— Еще не знаю, — ответил Петя.

— Тогда слушай, тут просто что-то с чем-то.

Оказалось, что Лизу зацепила новость про исчезнувших старушек, и когда она, возвращаясь домой, увидела еще одну парочку бабулек, то решила посмотреть — пропадут они или нет. И они пропали: зашли в «Бургер Кинг» да так больше и не появились, сколько Лиза их ни ждала. Чтобы не прослыть сумасшедшей, она решила, что больше старушек не упустит, и какое-то время околачивалась после школы вдоль Среднего Трофимовского переулка, где встретила тех бабок впервые. Недели две она убила на эти прогулки,

сама себя уже убедила, что все это ей привиделось, как вдруг снова повстречала тех самых старушек и заметила, что на ногах у обеих кроссовки: у одной с оранжевыми шнурками, у другой — с черными. На этот раз бабушки зашли не в забегаловку, а в подъезд, куда Лиза в начальной школе ходила на уроки фортепиано, а потому знала, что там есть черный ход. Разумеется, обошла дом, стала поджидать на другой стороне дороги. И тут увидела, как подъезжает такси, а из дома выходят мама Шергиной (не такая уж она глупая) в кроссовках с оранжевыми шнурками и кто-то похожий на слегка загримированного покойного Батайцева. Оба садятся в такси — и привет.

— Нужно их поймать! — бодро заключил Лубоцкий. — А у тебя что?

Петя рассказал про начатое письмо.

— Ты прочитал?

— Только начал.

— Тогда подожди! Давай соберем всех и прочитаем вместе!

Глава 7
У Петра
Елена Нестерина[17]

Миллионер Петр Безносов перестал быть миллионером. Первая же пицца, доставленная на дом, превратила семизначную цифру на его счету в шестизначную. 999 тысяч 501 рубль… — бесстрастно вспыхивал экран телефона, 998 тысяч 139 рублей…

То и дело раздавался звонок домофона, хлопала дверь, вносилась новая заказанная еда, на телефон приходила отбивка: еще, господин хороший, снялось с карточки, еще, еще.

Он впервые устраивал прием. Да к тому же в собственном доме. Это оказалось делом приятным, тем более что ловкости его рук не потребовалось: соседка по парте Леля Абрикосова раздобыла номер телефона — и, как только Петр вошел в свою

---

[17] Примечания: 17

Елена Нестерина — прозаик, драматург. Автор более тридцати книг для детей и подростков (цикл повестей «Братство Белой Руки», «Ужасные истории»), романов «Женщина-трансформер», «Разноцветные педали», пьес «Шоколад Южного полюса», «Отец ЧБ», «Мать Фелицата»; лауреат драматургического конкурса «Евразия», премии «Долг. Честь. Достоинство» журнала «Современная драматургия», дипломант международной премии им. Ф. Искандера.

квартиру, из кейтеринговой службы приехали два официанта с набором еды и предметами сервировки. Красотой и статью они переплюнули горничную Ани, единственное, что смущало, — одеты и экипированы они были для пижамной вечеринки. Потому что рассеянная Леля ткнула пухлым пальчиком не в ту строку меню — и не заметила этого. Петр заказал коктейль-пати, а получил пати в костюмах для сна и отдыха. Со смущением справились быстро: каждый гость сообщил, что он будет есть, где это заказать, — и со всех концов Москвы в Колпачный переулок устремилась еда.

Быть богатым и ни в чем не отказывать друзьям Пете понравилось. Появился смысл обмена кнопочного телефона на усиленный паутинной связью.

Но. Пока все собирались и рассматривали интерьеры, хватались за сабли, бодались с бивнем и крутили виниловые пластинки, Безносов… гнал от себя мысль, что ему жалко тратить деньги! Что хочется скорее начать их преумножать, чтобы вернуть подкинутую на карманные расходы заветную цифру 1 000 000, сделать из нее 2 000 000 и дальше, дальше… Пока это он вступит в наследство! Сейчас, надо сейчас.

Он не узнавал себя, мысленно вглядывался в свое новое положение — и тысячи состояний проносились через его трепетную душу.

Очередной звонок домофона отвлек от смущающей мысли. Петя вздохнул с облегчением: Скруджем быть не хотелось…

Вошли одновременно курьер с коробкой суши для Батайцевых и непривычно стеснительный Селезнев, в последний момент все-таки решивший прийти…

…Все артефакты, выложенные Безносовым для осмотра, были изучены. И конверты с записками, и каталоги, и марки, и начатое таинственное письмо, и фотографии альбомами-россыпью-пачками, и блокноты Безносова-отца. Раз оставлены наследнику — значит, изучать можно.

Осмотреть осмотрели, но яснее не стало. Сначала казалось, что можно быстро схватить все улики за хвосты, приладить их друг к другу, а потом столкнуть лбами — вот смысл и появится. Но он не появился…

И тогда слово взял Федор.

— Мы собрались, чтобы связать все ниточки того, что происходит с нами, нашей школой и кварталом. Становится ясно, что и сейчас, и, наверное, в будущем всегда среди нас или рядом

будет кто-то, способный кардинально менять судьбы людей. Целого города. Страны. Как-то нам надо научиться правильно реагировать и влиять на это, вы не находите?

Одноклассники сидели и молчали. Не сказать, что их официанты смущали. Те заняли пост у разожженного камина и оттуда бдительно следили за наполненностью стаканов и тарелок.

— Я сейчас выходил из дома — к родителям от застройщиков пришли, — сказал Лубоцкий. — Принесли документы на подпись. Нас ждет трешка в Ватутинках. На переезд выделят автотранспорт и спецрабочих.

— Мы едем туда же… — Коллективная жалоба на жизнь сразу сплотила, и все заговорили разом:

— Нас прописано двое, предложили однушку в Заможай-Загонове-Перспективном, но папа всем отбашлял и поменял с доплатой на Серпуховку…

— Встретимся в Ватутинках, нас туда же!

— «Бирюлево-Товарная»!

— Моим на «Госуслуги» пришло сообщение — у нас новостройка в Саларьеве.

— Батайцевых в Саларьево! — ахнул Федор. — А как же теперь устраивать тусовки — никто из ваших богемных гостей туда не поедет! Как

твой отец в роль будет входить? Где черпать материал?

— Ух, Шерга… — нахмурился Абрикосов.

— Об отсутствующих всё или ничего, — пресек его стенания Вася Селезнев, — а поскольку всего о возможностях Ани влиять на отца мы знать не можем, давайте только о том, что имеем на данный момент. Поправляйте и дополняйте меня. Снос домов — реальность. То, что на месте нашей школы был храм Трофима Ираклионского, снесенный при царизме, как мы поняли сейчас, тоже реальность. Безнос, метни нам неприукрашенный фактаж.

Петя бросился к столу, на котором были собраны самые информативные артефакты, заволновался, но верный Дорохов пришел ему на помощь.

— Папа, в общем… археолог… Он знаком был с отцом Ани. В планах он имел раскопки. Помешал какой-то случай… А вдруг он собирался восстановить храм?

— Поставить его вместо наших домов и школы? Как по-христиански!

— Но дома же когда-то тоже поставили, а храм снесли?

— Так, может, он просто развалился — вот и снесли…

— Надо изучить…

— Изучай!

— А чтобы общественность не сносила заборы, храм построят в рамках реновации и явят миру уже полностью готовым. — Петя повысил голос. И опять почувствовал свою силу — ведь если его не будут слушать, он может заплатить, придут спецлюди — и уж тишину-то точно соблюдать заставят. Эта мысль придала ему уверенности. — Да-да, в составе торгово-развлекательного комплекса.

— Все правильно: там согрешил — тут кайся! — усмехнулся Вася.

Петя уверенно гнул дальше:

— Мама Ани в компании с кем-то, похожим на погибшего при странных обстоятельствах отца Сони Батайцевой, — извини, Соня, тоже реальность. Взрыв водокачки…

— Отсутствие связанной с ней тайны, — акцентировал Лубоцкий.

— Или же грамотное этой тайны сокрытие, — подала голос Лиза Дейнен.

Все посмотрели на нее.

— Фальшстена, фальшпол, потолок, унылая метла для отвода глаз… — продолжила Лиза. — Кто-то уводит внимание от объекта. Может такое

быть?

Все согласились, что может. Наверное…

— Стоп, Безносов! — Андрей с гусарским шиком сбросил с плеча овечий тулуп и подошел к столу. — Я сейчас анимирую свою мысль.

Расставив разноцветные кексики на столе так, что композиция была похожа на модель их квартала, Лубоцкий протянул двухслойное пирожное Лизе.

Она отставила его подальше:

— Водокачка?

— Ага.

С другой стороны пристроил кочерыжку с листьями ананаса:

— Районный дуб. Узнаете пейзаж?

— А мы с тобой, Андрей, под ним желуди…

— А сверху на вас кот ученый…

— А знаете, да и пес с ним! — громко сказал Дорохов. — Нам переезжать. Вы не о том говорите…

Наташа Батайцева насупилась: тема сбора желудей так и просилась в эфир, но снова ей наступили на горлышко. А все этот неромантичный Дорохов. Или это так выражается крепкая брутальность?

— Какой пес, ты посмотри — по форме это натуральный орел, — нахмурилась Лиза, постучав по

столу кочерыжкой. — Ну, упитанный орел, орел-руководитель… — Скепсис соратников удивлял ее — и вдохновлял одновременно.

— Что может значить орел в тайной эстетике смыслов? — сверкнула глазами обычно невозмутимая Лиза. — Если обратиться к записям царского Тайного приказа… Что, нет? Орденских шифровок храмовников? Майя и узелковый орлан чилийского Возрождения тоже не туда?

— Тут показано, где спрятан клад? — предположила Леля Абрикосова, подставляя невозмутимому официанту хайбол под поток живительной пепси-влаги.

— Это виноваты детские детективы середины прошлого века, бронзовые вы мои птицеловы, — вздохнул Лубоцкий. — Развлекательная детская литература последующих времен довела до абсурда идею зашифрованного послания. Так что не страдайте зря. Я сложил эту композицию только для того, чтобы показательно разрушить. — С этими словами он запрыгнул на стол, встал на руки — и, перенеся опору на одну, другой рукой развалял кексы по столу. Неумолимый рок. Бог дал, Бог взял. Собравшиеся притихли… Одна только Наташа Батайцева не сдержала восторженного вздоха: романтика мускулистой плоти

приводила ее в экстаз и трепетное восхищение.

— Мы не в силах бороться со злом, — спрыгнув со стола, продолжил Андрей. — Добро не может сносить наши родовые гнезда, значит, нас сносит зло. Но в масштабах города это не зло, а просто бизнес, ничего личного. Отец Шергиной не злодей, а лучший человек нашего общества. Потому что смог, реализовался, заставил в себя поверить. С ним застройщики, акционеры, унтер-девелоперы, будущие арендаторы и арендодатели, целая армия экономически заинтересованных. Идея террора отпадает — заметут, шантаж и подкуп тоже нереальны, мы бессильны перед властью денег. Остается последний вариант — «ждать чуда». Давайте последние мгновения детства мы проведем, играя в детективов…

Его перебила умная Соня Батайцева:

— Предлагаю придумать себе квест. Тем более что базовые ориентиры есть — исчезающие старушки, портал в Чертаново, выход Зла через взорванную водокачку…

— Будем встречаться на руинах дуба, ностальгировать, а после ролевой игры, сняв зал в одном из рестиков будущего торгового центра шергинского папаши, весело отмечать это? — фыркнул Дорохов.

— Никакой иронии, космонавты смыслов, — невесело усмехнулся Лубоцкий. — Наши предки пакуют имущество, впереди суровый мир демократического капитализма, так что представляем случившееся с нами как прививку перед вхождением в эту реальность.

— В чем смысл твоего социалистического спича? — Нежный макарун хрустнул в кулаке Лизы и прахом ссыпался на пол. Крем девушка стерла салфеткой с мишутками.

— Предлагаю сдаться.

— Сдать Москву Наполеону еще на его подходе к границам? — ахнул Вася.

— Ага, — подтвердил Андрей. — Даже без квеста. Честно расслабиться и получать удовольствие.

— А в детективов играть? Точно нет смысла?

— Никакого…

— Шергину бойкотировать?

— *Really? It's dull and ineffective*[18]…

— Тогда надо как минимум извиниться перед Аней за то, что мы на нее давили, — сказал Вася, — а бойкот ваш — это просто…

— Да поняли, завтра и сделаем, — красноречиво

---

[18] Примечания: 18
На самом деле? Лень и неэффективно (*англ.*).

глядя на Лизу, проговорила Леля.

Лиза отвернулась, но у остальных совесть самоочистилась.

Стало легко.

В декорациях пижамной вечеринки сдаваться было сложно, но ученики 10-го «Б» постарались. Обладая немалым набором улик, фактов и загадочных знаний, они с упоительным и гибельным восторгом превратили тайное детективное собрание в полноценную пижама-пати. Не было ничего, а что было — то пусть разгребают взрослые, которые пакуют вещи. Раз они сдались, то что ожидать от тех, кого они породили, дали им денег и продолжают опекать?

Дверь перестала закрываться — поставщиков продовольствия по просьбе Безносова отслеживал и впускал консьерж. Заказывали и сами: не привыкнув еще к Петиному миллиону, одноклассники выщелкивали себе в телефонах любимую еду. И она прибывала.

Играла музыка, вокруг танцевали. Петя проследил взглядом, как Лубоцкий, который явно еще что-то хотел сказать, свирепо составлял башню из артефактов папенькиного прошлого. Петя видел, а Андрей нет, как альбом с фотографиями упал на пол и раскрылся как раз на папиной

археологической юности. Так хотелось встать и поднять его, но Безносов не мог себя заставить: восемь упругих подушек подавляли его желание двигаться.

Музыка качала на волнах, заставляла следовать за ритмом.

Но вот по квартире поплыл запах щей — это Вася Селезнев открыл расписной судочек. Василий любил эпатировать. Его привозили в школу на «гелендвагене», который по особой договоренности с руководством парковали прямо у здания. В большую перемену погожим днем Вася частенько спал на его крыше, накрыв голову тряпичной сумкой.

Официанты разлили щи по тарелкам, будущие переселенцы собрались у стола с артефактами, взяли пластиковые хохломские ложки, неуверенно пробовали. Под кексы оказалось самое оно.

Да, тайна по-прежнему манила, но надо было себя заставить быть расслабленными.

Не собиралась расслабляться только Лиза Дейнен. Она дула пустой чай, то и дело поглядывая на дверь. Полчаса назад ее силы поддержал энергетический батончик, случайно завалявшийся в рюкзаке верного друга Андрея. После шести вечера она практиковала тульские пряники с

теплым молоком, и вот они-то и застряли где-то на просторах Москвы.

Так что, когда все уже были умиротворены, она все еще к чему-то призывала.

— …Шергина преувеличивает свое значение, — говорила Лиза, — понятно, что на нас она учится вертеть общественным мнением, повелевать массами. Получается у Ани плохо. Мы видим, что девчонка не лидер. Скорее всего, ее ждет карьера жены олигарха. И когда я подложила ей в рюкзак дохлую крысу…

— Что ты врешь, я сама ее туда положила! — раздался вдруг пронзительный голос.

Все ахнули и вздрогнули.

На пороге стояла Аня. Она вошла с парнем из «Яндекс-еды» и, получается, слышала весь монолог.

— Как — «сама положила»?

— Зачем?

Глаза у Лизы вспыхнули: удалось! Не зря она гипнотизировала дверь: неожиданно увидев Аню, сумела скрыть удивление, повернула свой спич в нужную сторону и вынудила бедняжку проболтаться. Довольная Лиза вонзила свои беличьи зубы в пряник, приняла из рук патимейкера подогретое молоко. Обхватив голову руками,

Лубоцкий плюхнулся на пол.

Потрясенный Вася замер в углу над щами. Потихоньку сполз на пол. Аня, конечно, видела его. Как ей объяснить, что он пришел и за себя, и за нее? Послушать, узнать, повлиять… Да и она читала чат группы, никто ее не удалял. Адрес Петечки Дорохов там для всех выложил. Никакой вины! Так думал Василий — и продолжал сползать. Подкатился к боковине дивана, принакрылся рукавом тулупа…

Аня не заметила Васю; оправдываясь, рассказывала, как вошла в группу — «курага курагой», — как снимала видеоролик с молодым артистом своего театра, как…

— Да мы и сами перестарались! — раздались голоса.

— Мы хотели извиниться!

— С бойкотом вышла глупость…

— Ты прости…

Ноги Ани подкосились. Она села на пол. Катарсис, слезы очищения так нужны страдающему человеку. Ее класс, такие разные, такие любимые люди. Все ошибаются. Не зря она пришла. Она наплакала целое море на плечо Лубоцкому, который первым ее обнял. Остальные тоже плюхнулись к ней на пол — неловкие объятия, робкие

похлопывания по плечу. «Надо позвать Васю. Он страдает, ради меня не тусуется со всеми…» — промелькнуло в Аниной голове, и… она еще крепче прижалась к сильному плечу Лубоцкого. И конечно, в этот самый момент Вася поднял голову. Их глаза встретились. Так он, оказывается, пришел сюда, к тем, кто еще недавно бойкотировал ее. Он был тут с самого начала! Слезы примирения у Ани мгновенно высохли.

— Здравствуйте, господа, — раздалось вдруг.

Она вошла — и все мужчины встали.

Все, кто тут был. Все-все.

Дивной красоты женщина шагнула от двери. Стена статусных духов тут же отрезала ее от остальных, заставляя не прилипать к ней, а почтительно держаться на расстоянии. Все и держались.

— Аня, доченька, вот ты где!

Да, это была мама Ани Шергиной. Ну ладно, «курага» прочитала переписку группы и явилась, но мама-то тут как и зачем?

Анина мама постучала ноготком по экрану телефона:

— А что вы думаете, ваши родители тоже отслеживают ваши передвижения. И наверняка тоже тайно. Безопасность ребенка для мамочки

— самое главненькое.

Она хотела убрать телефон в большую мягкую сумку, висевшую на плече. Сделала шаг вперед, поставила сумку на стол, но та соскользнула на пол. Покатились в разные стороны помада, тушь, винтажное зеркальце…

Дети бросились собирать вещички по гостиной.

Незваная гостья изящно нагнулась, подняла сумку, прижала к себе. С милой улыбкой получив от Толи Абрикосова последнюю потеряшку, сказала:

— Аня, очень торопимся. Попрощайся с друзьями. Всего доброго, ребята!

Повернулась и ушла. Облачко духов ударило по щам, победило и улетело.

— Проветрите свою бобровую хатку — дышать нечем, — презрительно бросила Аня, обожгла взглядом Лизу, с усмешкой глянула на Селезнева и двинулась вслед за мамой.

— А ты говоришь, не умеет повелевать массами! Шергины вертят людьми и обстоятельствами — мы только что это видели.

— Шерга была как Шерга, а теперь она рвет нам мозг! Как это понимать?

— Давайте пока никак не понимать, — на этот

раз на стол запрыгнул Дорохов. — Нам требуется перезагрузка!

Да, после катарсиса она нужна была обязательно. Не сговариваясь, все схватили телефоны и бросились прокручивать свои плей-листы. Выбрали музыку самую зверскую, самую переустановочную.

С разрешения Безносова Вася снял со стены сабли, взмахнул ими, вышел в круг. Круг расширился. Никто не хотел остаться без носа или конечностей. Все надеялись, что танец с саблями изгонит его горе. Нынешние жильцы приветствуют строителей прошлого. И благодарят — за толстые стены!

* * *

Мелькала за окном вечерняя Москва. Аня и мама ехали в машине. Аня гнала от себя мысли о Васе. Она не имеет права ни в чем его упрекать, что это за дворовые разборки? Мама тоже удивила. Оказывается, ей до дочери есть дело, раз она отслеживает Анины передвижения. Как странно, что до сих пор, когда речь заходила о маме, Аня больше верила домработницам, чем себе…

— Аня, я бы никогда не стала вмешиваться в твою жизнь, — начала мама, — но когда ты ока-

залась в этом доме, я очень испугалась.

— А что это за дом?

— Ну…

— Что за дом, мама?

Аня увидела, что они едут не туда. Не к дому — не к их, в смысле, дому. И вопросительно посмотрела на маму.

— Никакой интриги — просто надо прокатиться и договорить в машине, — улыбнулась та. — Послушай. Моя жизнь не привлекала тебя — и за это я ставлю себе пятерку. А знаешь, что я делаю? Я езжу по всему свету…

— Знаю, конечно. Курорты, спа, недели моды, шопинг.

— Я езжу по всему свету, — повторила мама, — и заговариваю свищи, грыжи, рожи. У тех, кому нельзя помочь. Еще в школе я прославилась тем, что умела заговаривать прыщи. Вывела их всем знакомым, окружила себя красивыми людьми. Один раз увидела, как у соседей умирает ребенок, — отказывает поджелудочная железа. Я глянула на его прыщавое рыльце с губками в коросте, представила, как он будет плохо смотреться в гробу. Думаю: дай хоть уберу прыщи. Его коляска стояла у фонтана, журчала вода… Я накинула на мордашку платок, сама плачу,

а заговариваю. Утром смотрим — коросты отвалились, личико чистое, а УЗИ показало, что поджелудочная рубцуется, даже разрастаться стала. Как печень. Ну вот… Но главное, я умею заговаривать русалочью болезнь — знаешь, такую, когда вместо ножек хвост? Я не афиширую это, у меня нет диплома врача. Не знаю как, но у меня получается. Мне нужно только сесть у воды, я говорю, говорю и…

Прыщи, свищи… Аня напряглась. А ведь у нее самой никогда не было прыщей! Она тут же вспомнила, как лет в двенадцать мучилась от маминого присутствия: та садилась вечером у ее кровати, включала пошлейший домашний фонтанчик, создавая общность матери и ребенка, махала батистовым платочком и напевала какую-то умильную чушь. Но. С прыщами были дети олигарха Палкина, прыщами обсыпало мраморное чело Абрикосовой. А у Ани никогда, ни одного! Вот это поворот!

— …Я и тебя хотела вылечить — папа не дал, он же у нас традиционалист, — продолжала мама. Кажется, она говорила что-то и до этого. Аня просто не слышала, вспоминая. — Но ради этого моего дара он и женился. Да-да, я ведь еще и клады умею видеть. Он тогда был увлечен ар-

хеологией, мы в университете вместе учились. Я ведь по образованию гидролог. Вода…

Мама не договорила. Зазвонил ее мобильный. Ошарашенная Аня скосила глаза: на экране было написано БАТЯ.

Прислушиваясь к словам мамы, Аня думала: что за батя? Мамин отец умер, бабушка жила одна, родители папы были в том же составе — только бабушка. Мама могла звонить на тот свет?

И зачем мама вдруг ей про себя рассказала? Придумала себе такой светлый образ, потому что поняла, какой курицей была все это время? Или наоборот… Все эти годы она специально выстраивала имидж глупенькой беспечной красотки? Имидж. О-о…

— А теперь пришло время, когда ты должна стать моим союзником, — обрывая размышления Ани, сказала мама. Няшечным своим голосочком. — Ты думаешь, папа из своих бизнес-соображений сносит квартал? В Новой Москве сейчас гораздо выгоднее строить. Нет, Аня, квартал этот хочу снести я, и мне удалось грамотно вложить папе в голову то, что теперь он считает своей идефикс и ради чего готов на многое.

— Но зачем сносить-то? Раз в Новой Москве выгоднее строить?

— Я гидролог. Они археологи. А здесь течет подземная река. Когда еще при царе построили водокачку, чтобы она снабжала водой этот квартал, русло реке перерубили, и воды ушли куда-то в сторону. На месте вашей школы когда-то стоял храм, при храме святой источник… А дальше как в сказке — в определенное время он становился более святым, в определенное — менее. Можно было объяснять это плохим поведением паствы, а можно…

— Свойствами воды! — ахнула Аня.

Оказывается, с мамой тоже было интересно говорить! И ведь тоже о спасении людей. Ане уже и так хотелось поспорить с папой и доказать, что бездомному надо дать не ужин и ночлег, а дом и работу, но…

— Но есть проблема, — вздохнула мама, паркуясь на подземной стоянке, — и не одна. Так что давай обсудим вот что…

* * *

Наступила ночь. Патимейкеры всё убрали и ушли. Перед сном уставший Петр обошел свои владения. Все стояло и лежало на привычных местах. Даже артефакты на столе были выложены как по линеечке. Только альбома с фотографиями

среди них не было…

Глава 8
Засохший дуб
Мария Ботева[19]

— Слушай, сколько можно? — спросил Безнос и уселся на ближайшую лавочку в торговом центре. — Ты думаешь, обязательно покупать сегодня?

Уже часа два они с Лелей Абрикосовой бродили по «Изуми Plaza», обходя салоны связи один за другим. Откуда-то Леля знала про все модели телефонов не хуже продавцов этих самых салонов. И она рассказывала о них Пете так, что ему хотелось купить буквально каждый телефон. Но чем больше она говорила, тем неувереннее он становился. Мямлил, что ему надо подумать, и они шли в другой магазин.

Леля, кажется, надулась:

— Покупай тогда сам, чего я время трачу?

«И правда, чего она время тратит?» — подумал

---

[19] Примечания: 19

Мария Ботева — журналист, писатель, драматург. Публиковалась в журналах «Урал», «Новый мир», «Октябрь», «Волга», «Дружба народов». Автор книг «Световая азбука. Две сестры, два ветра», «Мороженое в вафельных стаканчиках», «Фотографирование осени», сборника стихов «Завтра к семи утра». Лауреат премии «Триумф».

Петя. На каждой перемене Абрикосова заваливала его названиями моделей телефона. Каждая была как-то оценена:

— Отличный телефон! — говорила она про некоторые. — Если не будет лучше, сойдет, — про другие.

Вот и вся разница.

После уроков она сказала:

— Так, я все поняла. Пойдем вместе, — и взяла его под руку.

Дядя Федор заикнулся было, что пойдет с ними, но Леля отвернулась и вышла с Петькой на улицу. Тот только успел оглянуться и увидеть, как Дядя Федор стучит пальцем по виску.

И вот теперь они с Абрикосовой торчат в этой «Плазе».

— Слушай, ну давай зайдем куда-нибудь. Есть охота, — сказал Петька.

Абрикосова оживилась:

— Может, к тебе? Закажем пиццу.

Петька поморщился. Он бы с радостью пошел в свое убежище, но один. Не зря ли он раскрыл всему классу квартиру в Колпачном? Хотя от пиццы он бы не отказался, пожалуй.

— Не хочешь? — Леля села рядом, посмотрела ему в глаза так, что Безносов смутился.

— Нет, давай пойдем, конечно.

Они встали, пошли к выходу.

«Ты скоро?» — пришло сообщение от Дяди Федора, а следом за ним от Лубоцкого.

Лубоцкий спрашивал, где его носит.

Черт! Он же договорился встретиться с Андреем и Федькой, обсудить историю с пропавшим альбомом. Больше он никому не рассказал об этом. Решил пока понаблюдать за одноклассниками, вдруг кто-то выдаст себя?

— Слушай, Лель, — начал Безнос виноватым голосом, — ты извини. Мне тут надо отлучиться. Срочно.

— В смысле?

— В смысле, я уже договорился. Давно уже, то есть сегодня. Совсем забыл. Извини еще раз.

И он буквально растаял. Был — и нет. Абрикосова даже головой потрясла и заморгала почаще: вдруг показалось и Безнос на самом деле где-то рядом. Нет.

Дядя Федор с Лубоцким уже ждали его возле дома в Колпачном. Консьерж слегка кивнул головой, когда они прошли мимо него.

— Держи, — сказал Федька в квартире и отдал Пете большой пакет, — поедим.

— Что ты думаешь? — спросил Андрей, вытас-

кивая из пакета хлеб, колбасу и колу.

— Абрикосова? — предположил Безнос. — Целый день рядом крутится.

Федька закашлялся и снова покрутил у виска, как в школе:

— Дурак. Это же Абрикосова. Она вчера увидела твою хату, угостилась на пиру. И готово.

— Что готово? — не понял Петя.

— Взялась за тебя, — объяснил Лубоцкий. — Больше никаких мыслей нет?

— Чаю бы.

— Хорошая идея, — одобрил Дядя Федор. — Но я одного не понимаю: кому это надо?

— Колы не хочется, — сказал Петя.

— Да я не о том! Про фотоальбом! — сказал Федька. — Вчера же решили, что все, больше в это не лезем.

— Лезем, не лезем. А что-то там было, в этом альбоме.

— Давайте рассуждать логически, — предложил Федор. — В альбоме фотографии. Так? На фотографиях твой отец и другие люди. Так? Значит…

— Ну? Дальше-то? — спросил Петя.

— Надо искать среди тех, кто есть на фотографиях.

— Браво, — оценил Лубоцкий и нажал кнопку включения на своем смартфоне, — искать будешь долго. Кажется, никто из наших со старшим Безносовым знаком не был.

— А Аня? Шерга? То есть ее отец? Мой-то его знал. Даже собирался звонить. И этот, Батай…

— А вчера пришла ее мамаша. Внезапно. — Дядя Федор не слышал его и продолжал рассуждать логически.

— Ясно. — Лубоцкий начал что-то искать в телефоне. Потом приложил его к уху. — Добрый день, — сказал в трубку, — будьте добры, мне нужен Павел Николаевич. Кирилл Безносов. Да.

Дорохов и Безносов посмотрели друг на друга. Кажется, каждый увидел тревогу в глазах друга.

— Умер не умер, — продолжал говорить Лубоцкий, — а разговор к Павлу Николаевичу есть. Хорошо. Жду, — и нажал отбой.

— Э-э-э, — протянул Петя.

— Что это было? — спросил Дядя Федор.

— Ждем, — ответил Андрей. — Можете засекать время, — и посмотрел на часы. Достал из рюкзака энергетический батончик и не спеша распечатал его.

— Погоди, — сказал Петя, — ты позвонил Шергину?

— Правильно мыслишь. Только не ему самому, а в приемную его конторы.

— И что? Ты что, представился моим отцом?

— Ты же слышал.

Петя начал ходить по комнате. Взял бутылку с колой, сделал несколько глотков, облился, но не заметил этого. В это время зазвонил его телефон. Петя посмотрел на экран, но не стал отвечать.

— Абрикосова, — объяснил он.

Все молча дождались, когда телефон перестанет звонить.

Андрей посмотрел на часы.

— Сейчас позвонит Шергин. Поговоришь с ним.

— О чем?

— Об археологии.

— Мне что, тоже сказать, что я Кирилл Безносов?

— Не поверит. — Андрей снова посмотрел на часы.

У Пети опять зазвонил телефон.

— Абрикосов, — сказал он. — Уже знает. — Он держал телефон обеими руками и смотрел на экран.

— Да, — наконец ответил Петя. — Со мной, да. Ага. А Леля? Ясно. Да, я в Колпачном. Адрес пом-

нишь? Ага. Давай, да.

— Уже? — спросил Дорохов.

— Да не, он один. Какое-то дело. К Лубоцкому.

Андрей смотрел на часы и как будто не слышал, о чем там разговаривают приятели.

Зазвонил его телефон.

— Семь минут! — сказал он и снял трубку. — Алло!

Какое-то время он слушал, потом заговорил сам:

— Павел Николаевич, простите, что пришлось так поступить. Передаю трубку Петру Безносову. — И он в самом деле передал ему трубку.

— Алло, — сказал Петя, — да, здравствуйте. Это я, я сын Кирилла… Кирилла Владимировича. Дело в том, что… Я одноклассник Ани. Вашей. И я, да, я сын Кирилла. А у него было написано, в блокноте, позвонить Паше Шергину. И вот я, вот мы тут… Вы его знали? Ну вот. В блокноте, да. В его квартире. Он хотел что-то сказать. Нет, я не знаю.

В это время Лубоцкий написал на последней странице одной из своих тетрадей: ФОТО! Показал Пете. Безнос долго ждал, когда на том конце провода ему что-то договорят, и наконец сообщил:

— Пропал альбом. С фотографиями отца. Ну там детские, армейские. Из экспедиций, черепки,

монеты. Хорошо. Хорошо. Запишите номер. Ясно. До свидания.

— Придет? — спросил Лубоцкий, как только Петя нажал отбой.

— Сказал, свяжется. И номер не стал записывать. Говорит, служба охраны пробьет.

— Отлично! А теперь послушаем, что нам скажет наш товарищ Анатоль! Я слышу его шаги, — и он открыл входную дверь. За ней стоял Абрикосов. Да, все-таки Лубоцкий — сверхчеловек.

— Приветствую, — кивнул Толя. Аккуратно повесил сумку на вешалку у двери, Дорохову даже показалось, что сначала проверил, крепко ли сидит крючок. Задержался у зеркала, прошел в комнату. Посмотрел на хлеб и колбасу, сморщился. — Среди таких вещей — и такая трапеза. Ну, господа…

— Угощайся, — предложил Петя.

Но Абрикосов даже не взглянул на него.

— Какие новости?

— Портал захлопнулся, — ответил Андрей, — а в нем как раз были старушки. Пару часов назад. Вызвали полицию, разбираются. Следственный комитет что-то копает. Пожарные приехали, скорая. Кинолог с собакой. Ищут. Вот-вот район оцепят, введут чрезвычайное положение,

комендантский час. Документы у тебя с собой? Уже готовы ориентировки на старушек, скоро мы увидим их в интернете и на каждом столбе знакомых с детства улиц. Но мы можем не ждать, мы уже все знаем. А главное, нам известны особые приметы.

Во время этого монолога Петя снял очки, протер их, нацепил на нос и внимательно посмотрел на Лубоцкого. Снова отпил колу из бутылки, посмотрел на Дядю Федора. Федя вращал глазами и, кажется, хотел куда-нибудь присесть, но стул был примерно в метре от него. Только Абрикосов спокойно отреза́л колбасу, хлеб, делал бутерброд.

— Ну-ну, — сказал он, — приметы.

— Кроссовки, — продолжил Андрей, — обе они были в кроссовках. У одной зеленые шнурки, у другой — белые.

— Не, — возразил Толя с набитым ртом, — какие это особые приметы? К тому же цвет был другой.

— Это новые старушки. И новые кроссовки.

— И ориентировки новые, — вмешался Федя.

Петя хмыкнул.

— Вот Дорохов понимает, — кивнул в его сторону Андрей, — новые приметы, новые старушки, старый портал. Захлопнулся.

— И дуб засох, — сказал Толя. — А на провода́х в

городе — вы видели? — иногда кроссовки висят. Так вот, я сейчас видел кроссовки с черными шнурками возле дуба. А другие, Безнос, как раз под твоим окном.

Петя вздрогнул, в два прыжка они с Федором оказались у окна. Петя открыл его, высунулся наполовину на улицу. Спрыгнул с подоконника, кивнул:

— Висят.

Дорохов, наоборот, сел на подоконник, закурил.

— Я слышал, их на провода закидывают в том месте, где убили кого-то, — сказал он.

— Или наводчики ворам показывают место, где добыча. А цвет шнурков — этаж, — объяснял Толя, — может быть, рыжий как раз третий. Хотя точно не знаю. У тебя ничего не пропало?

Федя присвистнул.

— Пропало, — сказал Петя, — у меня…

— Кстати, что там с дубом? — переменил тему Андрей. — Как это он засох? Может, листья облетели просто? Осень же.

— Поверь мне, камрад. Просто поверь. Он засох. Бесповоротно. Можешь убедиться лично.

— Это потом. А теперь давайте подумаем, почему Шерга сегодня не пришла. Сначала за ней

приезжает мамочка, потом она не приходит на уроки.

— Портал? — спросил Толя.

— Так надо было спросить у… — начал Петя, но Дядя Федор перебил его:

— Стресс, — сказал он.

— У Шерги? — спросил Толя. — Не смеши мои мокасины.

— У дерева, — объяснил Федя, — я слышал, что у растений бывает стресс. Проводили исследование. Спилили деревья, посмотрели годовые кольца, некоторые были тоньше остальных. Посчитали, в какие годы, оказалось, во время войны.

Некоторое время все молчали. Потом Абрикосов очнулся:

— Ну? Что это дает? Мало ли.

— Стресс.

— Ну допустим. Была война. Стресс. А дуб-то? А взрыв водокачки? А портал? Старушки в Чертанове?

— Квартал будут сносить, — неуверенно сказал Петя.

— Вот!

— Вообще-то деревья засыхают на болотах, — сказал Толя, — мне кто-то говорил. Но у нас ведь

тут не болото. — И он включил смартфон.

— А может, раньше было? — спросил Андрей. — Может, и каменная плесень от этого. И другие явления, так сказать. Анатоль, ты краеведов знаешь? Пробей это дело.

Абрикосов что-то искал в Сети:

— Ну, болото не болото, но речка тут была когда-то. Подземная. А может, и сейчас есть, куда ей деваться? Дома высокие нельзя строить, вот что. Фундамент размоет.

— А дуб-то при чем? — спросил Безнос.

— Может, разлилась речка? Весна сырая была, лето дождливое.

— Или усохла, — предположил Федя.

— Вроде там летом что-то копали. Трубы прорвало или что-то такое, — вспомнил Петя. — Или укладывали новые, может.

— Это не там копали, это ближе к школе, — сказал Толя, — не путай.

— Ну я не знаю тогда.

Петя подошел к отцовскому столу, стал автоматически выдвигать ящики. Он в сотый раз трогал и переворачивал отцовские бумаги, блокноты. Ему вдруг захотелось домой, пусть даже мама будет ворчать, что его носит не пойми где.

— Безнос, иди сюда, — позвал его Дядя Федор, —

мы сваливаем. Погнали к дубу!

— К дубу? Мне как-то… К дубу.

— Лелька собиралась, — сказал Толя.

— Я домой. Мама ждет.

В это время и правда позвонила мама.

— Да, мам! — сказал Петя. — Почти подхожу. Срочно? Кто? Зачем? Когда она приедет? Я успею. — Он нажал отбой.

— Ничего не понимаю, — пробормотал Петя. — Оля Мамонова приезжает. Через полчаса.

Глава 9
Немощь
Александр Феденко[20]

— Что-что она лечит? Повтори.

— Свищи и прыщи.

— Свищи и прыщи?! Граф ты мой Толстой… — Лубоцкий нырнул в пену «Адам и Ева», но тут же всплыл перед лицом Дейнен и сообщил: — В мясные лавки Мытищ уже тянутся люди за твоим бессмертным романом. Жителям самих Мытищ приходится переться в Чертаново, чтобы встать в конец очереди.

— Тебе это нравится? — Лиза, не сводя глаз с Лубоцкого, двумя пальчиками взяла один из листов рукописи, на котором зияло: «Предлагаю сдаться».

Лубоцкий разогнал пену и осмотрел открывшееся.

— Сам Федор Михалыч не написал бы лучше.

---

[20] Примечания: 20

Александр Феденко — прозаик. Автор книги «Частная жизнь мертвых людей», рассказов «Кирпич», «Муха». Публиковался в журналах «Октябрь», «Дружба народов», «Юность». Дважды финалист премии им. И. Бабеля.

Лист полетел в ванну. Дейнен взяла другой:

— Нравится?

— Божественное явление Настасьи Филипповны Герасиму. У Мумы эпилептические припадки. — Он подмигнул. — Множественные.

Второй лист последовал за первым.

— Тебе нравится?

— Кругосветный круиз по Бирюлеву с лекциями о гигиене.

Еще один отправился на дно. Лубоцкий сиял мириадами мыльных пузыриков.

— Первый канал. Ростовые куклы свища и прыща. Прайм-тайм!

Следующий.

— Премия имени Флеминга по литературе.

Дейнен остановила процесс топления бессмертного:

— Какого Флеминга?

— Того, конечно. Не этого же.

Остатки рукописи посыпались в воду.

Лиза встала, перешагнула край ванны, обернулась к Лубоцкому:

— Это не мой текст!

— А чей, Чехова? Конечно! Это же чистый Чехов.

Она замоталась в огромное полотенце.

— Я нашла рукопись в почтовом ящике.

Лубоцкий замолчал, неспешно затонул, пена недолго поволновалась иллюзией бури, но стихла, успокоившись. Лиза вышла.

* * *

— Чувствуешь, какое в этом всем бессилие?

— Ты про текст? — Лубоцкий поправил плед на пригревшейся рядом Лизе. Поленья в камине взволнованно засипели, мокрая бумага, разложенная тут же, испускала пар и душноватый запах «Адама и Евы».

Лиза повернулась:

— Я про все. Про нас, про то, что дом Глюкозы и Дорохова уже расселяют, а мы ищем спасение в старых фотографиях и марках, в сто лет назад ушедшей под землю кирпичной кладке. Взрослые смирились и пишут петиции о милости тем, для кого сама наша жизнь — лишь пена для ванны и кто давно уже вынул пробку. И да, текст — та же немощь… Это не «Воблер и кость», это даже не «Война и мир». Сплошные «Свищи и прыщи».

— Ты драматизируешь и сама знаешь почему. Через неделю пройдет. А «Прыщи» — работа Чичикова, это даже покойному Пушкину понятно было, он оттого и застрелился.

— Через неделю Дорохов поедет жить в Капотню. Чичиков тут ни при чем. Это безумие совсем другой выдержки. Такое могла бы накатать ее маман, мучаясь невостребованностью глубин и широт своей бессмертной души. Мессианские фантазии про лечение прыщей околоплодными водами так просто не возникают.

— Ты права. Она прошла ад каннских притонов, потом ее долго и безуспешно лечили Швейцарией. Страшно подумать, сколько ей лет на самом деле. Если Чичиков выпал из реальности на два года, то ее маман сейчас не меньше ста пятидесяти по юлианскому календарю. Шергин и не догадывается, с какой археологической развалюхой проводит свой интимный досуг.

— Типичная ведьма. Иначе откуда ей знать подробности происходящего в классе?

— Ну, в ее беллетристике больше фантазий, чем реальности, впрочем, знакомство с деталями налицо. Наверняка почитывает наш чатик, да и Анечка делится. Гнилая семейка, как ни крути.

— Как ни крути, а ради спасения обреченного в границах Калачёвки человечества надобно маму Анечки убить и в ее лице — весь порожденный ею же бред.

— Убить? Насовсем?

— Нет, до пятницы. Что за вопрос?

— И… как ты это осуществишь?

Бархатным переливом забили каминные часы. Лубоцкий вздохнул.

— Пора собираться, сейчас Безнос вернется.

Встал и принялся искать одежду.

* * *

— Есть одно затруднение.

Лубоцкий молча шел по сыпавшейся желтым Москве, пиная вальсирующие листья.

Дейнен пояснила:

— В романе для подростков нельзя просто так взять и убить человека.

— А ведьму?

— Ведьма по законодательству — тоже человек.

— Тяжело быть писателем.

— Вот-вот.

Лязгнул трамвай, они, не сговариваясь, перебежали улицу, влетели в вагон, садиться не стали.

— А что, если она не переживет мук душевного разложения и бросится под поезд, как Раскольников?

Старушка в кроссовках со шнурками цвета крыжовника откровенно уставилась на них,

прислушиваясь.

— Нет, пропаганда выпиливания тоже запрещена.

— Пусть ей на голову упадет кирпич, пораженный камнежоркой, — предложил Лубоцкий, разглядывая старушку сверху вниз. — Наверняка эту камнежорку навела она же.

— Лубоцкий, это немощь — перекладывать бремя действий на случай и кусок черствой глины. Это капитуляция. А я ведь знала тебя сверхчеловеком.

— Хорошо, что напомнила. Кстати, как насчет дуба?

— Под которым ты желуди Наташе на уши вешал?

— Именно.

— Прекрасный был дуб, но ушел корнями в Толстого и засох.

— Да, русская литература и граф в частности многим жизнь запоганили, но дело не в них, а в дубе. Пока его не спилили и он досасывает Толстого, повесь на этом дубе Анечкину маман.

Дейнен изумленно оглядела Лубоцкого. Старушка тоже.

— Ты гений, Андрюша.

— Не отвлекайся на обыденное. Понимаешь,

к чему я? — Разговаривая с Лизой, Лубоцкий смотрел на старушку. — Место преступления закроют. Дуб не спилят, пока идет следствие. А снести дороховский дом, не обрушив его на дуб, никак не получится. Стратегически — пустяк, но тактическая отсрочка нам не помешает.

Трамвай остановился, ребята вышли.

— Но они скоро сообразят и переключатся на следующий дом. — Лубоцкий стал серьезен. — Например, на наш.

Дейнен повисла на его руке:

— В любом случае это займет время и заставит их нервничать, а значит, совершать ошибки.

Трамвай поехал дальше, старушка со шнурками цвета крыжовника внимательно осмотрела удаляющуюся в осеннем воздухе пару, суетливо достала телефон и позвонила.

* * *

— Вот скажи, Андрюша, если Толстой и Достоевский будут биться — кто победит?

— Пункт приема макулатуры победит.

— А папенька говорил, что Чехов.

— У тебя был папенька? — Лубоцкий покрылся изумлением.

— Не был, конечно, но я его выдумала, а то

больно уж тяжело без папеньки.

— И кто он?

— Сварщик.

— Сварщик — любитель Чехова?

— Ну, Чехова он вспоминал только выпивши.

— И часто вспоминал?

— Постоянно. Как встанет с утра, так уже весь «в Москву, в Москву — на Курский вокзал». Там и зарезали. Пришел домой весь зарезанный, с жасминами в руках. А через неделю помер в Астапове не пойми от чего.

* * *

— Понял, мы тут рядом. — Толстощекая морда с рыхлым носом повернулась к водителю: — Езжай на Большой Трофимовский, видели их недалеко от бывшей водокачки.

Машина развернулась через две сплошные и, не обращая внимания на гудки, направилась в сторону Калачёвки.

* * *

— Надо позвонить Шерге и сказать, чтобы устроила вечеринку прощания с маман.

— Зачем?

— Гуманизм, толстовство, все такое. Как-никак, последние дни в семейном кругу, идиллические воспоминания, торт «Наполеон» с чаем. Наконец, долгожданные скелеты в шкафу, который придется открыть, чтобы взять теплые носочки для прогулки по Стиксу, там осенью дует. Торжество, хлопушки, проводы.

— Андрюша, не будет никакого Стикса, если мы не придумаем, как усадить ее в лодку.

— Ах да, литературные «затруднения». По-моему, это сущие пустяки, ничто не мешает тебе пропустить описание убийства и предъявить читателю уже готового повешенного.

— Убивать, с некоторыми оговорками, как раз никто не запрещает. Нельзя описывать способ убийства.

— Изъясняйся яснее.

— Смотри: можно предъявить труп, висящий на дубе, но говорить, что он был повешен, нельзя.

— То есть вешать можно, а говорить об этом нельзя?

— Именно!

— Счастье мое, это шизофрения.

— Это закон, Андрюша.

— Одно и то же, впрочем, неважно. — Лубоцкий, не останавливаясь, обнял длиннющей рукой

крохотную Лизу и, согнувшись, поцеловал, попав губами в затылок. — Записывай: «На старом высохшем дубе висел труп женщины, умершей от неизвестных причин».

Лиза достала блокнотик имени Конька-горбунка и записала.

Слева медленно проехала полицейская машина, остановилась метрах в пятнадцати, из нее с трудом выбрались двое в форме. Один — толстый, второй — очень толстый, его туловище было перетянуто ремнем так, что бóльшая часть находилась сверху. Казалось, отпусти пряжку — и весь он тут же вытечет через штаны на асфальт. Они грузно и как бы рассеянно двинулись навстречу. Лубоцкий и Лиза отклонились в сторону, но перетянутый с напарником преградили им путь. Андрей оглянулся: сзади приближалась еще одна столь же очаровательная парочка.

— Пойдете с нами, — сказал перетянутый. Когда он произносил слова, лицо его оставалось неподвижным, только губы жирными червями шевелились вокруг рта, как отрезанные пальцы брадобрея.

— Спасибо за приглашение, но у нас уроки еще не сделаны, приходите завтра, — отозвался Лубоцкий.

— А мне мама не разрешает ходить с незнакомыми уродами, — добавила Лиза. — Впрочем, я с уродами и сама как-то не очень.

Резиновая дубинка скосила Лубоцкого, пройдясь сзади по ногам. Вторая выела часть спины. Дальше удары пошли по голове, Лубоцкий закрылся руками, молча терпя и выжидая. Лиза закричала и бросилась на ближайшего, но кто-то уже держал ее сзади, бесцеремонно лапая и выкручивая руки.

Прохожие, издали завидев акт торжества правопорядка, заранее обходили, отворачивались и ускоряли шаг. Некоторые, напротив, останавливались, хотя и на расстоянии, и наблюдали, кто-то снимал на телефон.

Старушка в нестерпимо коричневых шнурках громко объясняла:

— Провокаторов поймали! Школу хотели взорвать!

Когда краснеющее небо опрокинулось и стало закатываться куда-то вбок и Лубоцкого поволокли к машине, он извернулся, ища глазами Лизу, но вместо нее увидел спрятавшегося в редеющей толпе мужичка лет тридцати, лицо которого сверху было скрыто ерепенистой бороденкой, а снизу — шапочкой с большой буквой М. Или это W, пы-

тался сообразить Лубоцкий, смутно догадываясь, что «верх» и «низ», как и все прочие ориентиры в жизни человека, — понятия бесконечно зыбкие.

* * *

Лизы в машине не было, Лубоцкого впихнули на заднее сиденье, лицом вниз, с застегнутыми за спиной руками. Лежать так было невозможно, все тело сразу превратилось в одну большую боль. Он начал медленно поворачиваться. Губастый обернулся, вяло ударил Лубоцкого в печень, отчего сам окончательно выдохся и растекся. Лубоцкий помедлил и продолжил, пока не увидел перед собой сизый потолок с выжженными сигаретой литерами «Б» и «Л». Громко засмеялся.

— Эй, доходяги, закурить найдется?

Губастый покосился, оценивая силы на удар, но зазвонил телефон, и он не без облегчения в глазах потянулся за трубкой.

— Да, на Малом Трофимовском… Понял, едем. Сверни в Калачёвский и к кинотеатру.

* * *

Взвизгнула и смолкла сирена. Лубоцкий оттолкнулся ногами от двери, пытаясь приподняться

и выглянуть наружу. Когда они затормозили, вокруг уже стояло несколько бесшумно мигающих машин. В одной из них он увидел лицо Лизы, загнанное, беспомощное. Лубоцкий забил ботинками в окно, но Лиза смотрела не на него, а куда-то наискось, не отрывая глаз от чего-то неведомого Лубоцкому. Полицейские тоже смотрели туда. Он вывернулся. Люди стояли рядом, будто придавленные.

На старом высохшем дубе висел труп женщины, умершей от неизвестных причин.

На левой ноге ее болталась кроссовка, вторая валялась на земле. Руки и ноги связаны двумя оранжевыми шнурками.

Один из зевак поднял руку, показывая куда-то выше, намного выше, попятился и вдруг бросился в сторону. Другие тоже начали разбегаться. В лобовое стекло машины с невероятной силой, взорвав тишину ожидания оглушающим ударом, влетел кирпич.

Толстый и очень толстый задергались, словно в припадке. Лиза увидела Лубоцкого и закричала.

Глава 10
Кукла
Анастасия Строкина[21]

— Оля! Смотри! Там что-то произошло! — подпрыгнул Петя и чуть не ударился головой о лобовое стекло.

Оля Мамонова приехала к Галине Алексеевне взволнованная и немного не в себе. Он никогда ее раньше такой не видел. Ее лицо — красивое, но всегда словно каменное, как будто из северного мрамора, — покраснело, и синяя жилка на виске пульсировала так, что, казалось, вот-вот разорвет тонкую кожу и вырвется наружу маленькой птицей. Когда он зашел на кухню, Оля стояла у окна с полной чашкой чаю, но не пила, а просто держала ее дрожащей рукой и смотрела на часы.

— Наконец-то! — обрадовалась Оля. Чай выплеснулся и оставил на ее розовом платье

---

[21] Примечания: 21

Анастасия Строкина — поэт, переводчик, детский писатель. Публиковалась в журналах «Октябрь», «Дружба народов», «Иностранная литература», «Континент». Автор детских книг «Кит плывет на Север», «Совиный волк», «Девятая жизнь кота Нельсона», «Держиоблако», сборника стихов «Восемь минут». Лауреат Волошинского конкурса, конкурса «Книгуру», премий «Новая детская книга», «Дальний Восток», премии для переводчиков им. С. Апта.

мрачный след.

— Петенька у нас дома теперь не частый гость, — язвительно заметила Галина Алексеевна. — Тут хоть потоп, хоть пожар — его не дозовешься!

— Мама, ну перестань! Что еще за пожар тут у вас?

Галина Алексеевна посмотрела на Олю. По маминому взгляду Петя понял, что она и сама толком не знает, что случилось, но дело это важное и срочное.

— Разбирайтесь тут без меня, — обиженно произнесла она. — Я уже и не вмешиваюсь. Не хотите мне ничего рассказывать — и не надо.

Петина мама покачала головой и сникла. Ей бы, конечно, хотелось узнать, в чем дело, что так растревожило Олю, хотя она никогда не понимала, откуда в ней это — подобное материнскому — чувство по отношению к племяннице Кирилла, о котором она и слышать не могла.

— Галина Алексеевна, мы потом… потом все расскажем. Сейчас мне надо поговорить с Петей.

Петя посмотрел на маму: она сидела на табуретке, растерянная и какая-то маленькая. Он давно заметил: чем старше он становился, тем мама делалась меньше. «Так она скоро превратится в

улыбку Чеширского кота», — мельком подумал Петя. Он хотел было обнять ее, но Оля ворвалась в его мысли:

— Пойдем! Чего ты замер? Пойдем скорее!

— Мам, не сердись! — только и успел сказать он и выбежал вслед за Олей.

Она приехала на машине — стареньком «рено», который водила с восемнадцати лет. Катя, ее сестра, сколько ни старалась, так и не смогла освоить вождение, а у Оли все получилось быстро и на удивление легко. Иной раз она любила прибавить скорости или посигналить зазевавшимся водителям — странная, казалось Пете, привычка для такой хрупкой девушки. «Когда я получу права, тоже буду обгонять и сигналить», — решил он — еще два года назад.

Они сели в машину. Оля тяжело и быстро дышала.

— Петя, — выдохнула она и снова сделала вдох, — Петя…

Ей было тяжело говорить, слова как будто застряли в груди и не могли вырваться. Она завела машину. «Рено» загудел, и от этого шума Оле сделалось легче. На одном дыхании под шум и подергивание мотора она выпалила:

— Петя, кажется, ты мой брат!

Петя замер. Теперь и ему стало не хватать воздуха.

— Ты пошутила? — спросил он, понимая, что это не шутка. Оля вообще не любила шуток и розыгрышей.

— Так, смотри, — она приложила ладони к лицу и надавила пальцами на глаза. — Надо прийти в себя. Я как поняла — сразу к тебе. Не знаю почему. Никому пока не хочу говорить. Петя, мне страшно от всего этого.

Петя понял, что пора брать ситуацию в свои руки. Он обнял ее, потряс за плечи и громко, по слогам проговорил:

— Ус-по-кой-ся! Слышишь меня? Что случилось, Оля? Сделай глубокий вдох и спокойно мне все объясни!

— Сейчас… сейчас… представляешь, как мне было с Галиной Алексеевной! Она спрашивает: «Что? Как?» А я ничего не могу сказать. У меня руки дрожат. Сейчас… в общем. Помнишь, я говорила, что дядя Кира оставил мне — ну, среди разного прочего — большой альбом с марками?

Петя не помнил. В тот момент, когда все выяснилось, он сам был в таком волнении, что вряд ли обратил бы внимание на какие-то там марки.

— Я отложила его. Марки и марки. Тебе ведь то-

же досталась куча марок в квартире в Колпачном. А потом я от нечего делать стала их разглядывать и заметила, что они очень странно разложены. Я, конечно, не разбираюсь в этом. Но тут только слепой не заметил бы. Вот представь. Сначала марка, например, из Испании, рядом из Норвегии, следующая — откуда-нибудь еще, и тут же снова из Испании. То есть вразброс. А это очень непохоже на Кирилла Владимировича. Он был… педантичным. У него всегда все по полочкам. И в доме, и в мыслях!

Петя, может быть, второй или третий раз в жизни почувствовал досаду и даже горечь оттого, что ничего не мог сказать о своем отце. О том, каким он был, что любил, чего опасался. Может, ему тоже нравился Ники Лауда?

— И тогда я стала произносить вслух названия стран: Португалия, Румыния, Испания, Вьетнам, Египет и вдруг — Тобольск! Тобольск, Петя!

— Давай уже скорее! — не выдержал он. — Мы же не на уроке географии!

— Прости. Я просто волнуюсь. Боюсь что-то упустить… Короче, я переписала названия стран из первого листа с марками. Названия стран, понятное дело, с больших букв. И тут эти большие буквы сложились в предложения!

Петя пристально посмотрел на Олю. Они с ребятами давно догадались, что эти марки не просто так. Но, похоже, настоящее послание предназначалось именно ей.

— Ну и что там? Показывай уже! Ты ведь все переписала? Письмо с тобой?

— Конечно! Я даже точки расставила.

Оля достала из сумки смятый лист, исписанный размашистым почерком. Она явно торопилась, когда писала. Петя взял лист и принялся читать вслух:

— «Привет, дочка. Ты поняла шифр».

Он еще раз посмотрел на Олю и теперь даже уловил сходство — ее и отца. И снова ему сделалось грустно:

— Тут личное что-то. Читать?

— Личное закончилось. Читай давай.

Петя продолжил:

— «Завещаю состояние. Сделай правильно. Скоро снесут дома».

— Так он знал? — Петя отложил письмо. — Знал… и поэтому оставил мне квартиру в Колпачном! Значит…

Петя замолчал и снова взялся за письмо. Он ровным счетом ничего не понимал в том, что происходило, но ему стало ясно: отец был в курсе

грядущих перемен и подумал о нем! О том, чтобы ему было хорошо. Он снова стал читать, но уже не вслух.

— «Ни в чем не участвуй. Клад у меня. Ключ под землей. Полтора метра. От дуба метр на юг. Не знает никто. Никому. Потом уезжай из страны. Навсегда. Оля, люблю тебя. Папа».

— Папа, — повторил Петя вслух. — Папа.

— Да! Учудил наш папа! — улыбнулась Оля.

— Слушай, а что это за дуб? Наш, что ли?

— Ну да, он тут один такой. Мы с дядей Ки… с папой… часто к нему приходили. Просто когда гуляли. Мы правда много времени проводили вместе. Я никак не могу… Почему?

— Потом обсудим отца. Сейчас надо ехать.

— Куда?

— Конечно, к дубу!

— Так день ведь! Люди кругом!

— Осмотрим территорию. Я же не копать тебе предлагаю! Надо сначала приглядеться.

Оля нажала на педаль, и ее белая кроссовка тихо скрипнула.

Они ехали в полной тишине. Даже радио не включили. Петя думал, что ему все-таки жаль этот тихий уголок города. Что больше здесь не будет прежних домов, по вечерам не будет зажи-

гаться свет. Больше ему не придется спешить по знакомой дороге в школу. И эта дорога забудет его шаги. Неужели все из-за какого-то клада? Или из-за чьих-то амбиций? Неужели нет ничего, что бы могло помешать людям мучить других людей?

Машина резко затормозила.

— Смотри! Там что-то произошло!

Они подъехали к обочине, вышли и направились к дубу — именно там толпились люди. Прохожие подходили, смотрели куда-то вниз, качали головами, недовольно цокали.

— Что? Что тут случилось? — спросил Петя пожилого человека с собакой.

— Да придурок какой-то повесил на дерево манекен! Тут уже и полицию вызвали, подумали — и правда женщина там! Идиот! — прорычал человек с собакой, взглянул на Олю, хмыкнул и ушел, недовольный как будто всем на свете, кроме того, что живет в доме, из окон которого не видно ни одного дерева.

— Заметил, как он на меня посмотрел? Как призрака увидел!

— Ага! И вон бабка… Пялится страшно!

Петя и Оля подошли к дубу и — с другой стороны ствола — увидели огромную куклу в человеческий рост. В розовом платье и одной белой

кроссовке — вторая валялась тут же — она была похожа на Олю как две капли воды. Кукла висела беспомощно и грустно.

Глава 11
Плоды просвещения
Сергей Лукьяненко[22]

Выбравшись из машины, Лубоцкий бросился к Лизе.

Как ему удалось выскользнуть из старого полицейского «форда», он в общих чертах понимал. Беспокоился лишь о том, что успела написать Лиза и позаботилась ли о себе.

В машине, где двое полицейских, таких же карикатурно ненастоящих, как и схватившие его, — только эти были не толстый и еще толще, — а худой и болезненно тощий, держали Лизу, происходило какое-то мельтешение. Плясали в воздухе Лизины руки, крепко сжимающие блокнот, худой полицейский, перегнувшись с переднего сиденья, рвал листы из рук девочки, а доходяга за рулем только верещал, держась за оцарапанное лицо.

---

[22] Примечания: 22

Сергей Лукьяненко — писатель-фантаст. Автор множества фантастических циклов и отдельных произведений, среди которых романы «Рыцари Сорока Островов», «Звезды — холодные игрушки», «Лабиринт отражений», «Геном», «Спектр», «Ночной дозор». Лауреат премий «Аэлита», им. А. Грина, «Звездный мост», «Еврокон», «РосКон».

Андрей рванул дверь машины — ура, не заперта! И со всего маху влепил худому полицейскому по голове. Тот сразу отпустил Лизу и втянулся обратно на переднее сиденье, словно дождевой червяк во влажную землю.

— Лиза! — Андрей рывком выдернул ее из машины вместе с блокнотом.

Девочка еще продолжала по инерции отбиваться, и Лубоцкий понял, что у нее закрыты глаза. Времени приводить подругу в чувство не было — он обнял ее, подхватил на руки (как все-таки хорошо, что он такой большой, а она такая мелкая, компактная) и побежал по переулку.

Накачанные годами тренировок и семью поколениями предков-физкультурников мышцы не подвели. Хорошие гены, усердные тренировки и протеиновые коктейли позволили Лубоцкому умчаться от дуба и поверженного манекена так легко, словно он был героем комиксов. Лишь мелькнуло обалдевшее лицо Безносова, рядом с Петром стояла Оля, спокойно отряхивающая ладони. И всё — был Лубоцкий с Дейнен и нет его, лишь аромат пены для ванны «Адам и Ева» остался в воздухе.

Несколько секунд вокруг дуба царила мертвая тишина.

Потом Петя схватил Олю за руку, все еще испачканную кирпичной крошкой. Прошептал:

— Ты что? Это же полиция!

Оля задумчиво посмотрела на разбитое стекло полицейской машины, где двумя вялыми грудами мяса и жира шевелились несоразмерно крупные люди в форме. И сказала:

— Так было надо. Но ты прав, да. Пора валить.

В свою квартиру (Петя и сам не понял, в какой момент стал легко и просто думать о ней как о своей, начисто забыв прежнее жилье, да и маму, честно говоря) они с Олей ехали неожиданно долго. Похорошевшая за последние годы Москва выкатила перед ними все пробки, какие только нашла, — и в переулке, где снимали асфальт и клали плитку, и на бульваре, где меняли старую плитку на новую, и на улице, где сдирали плитку и клали асфальт.

Но Петя, который по причине таких вот дел предпочитал перемещаться на своих двоих, сейчас был рад задержке.

— Ты уверена, Оль? — спросил он. — Что мы… ну… брат с сестрой?

— Да, — не изменившись в лице, ответила она.

— Я ведь в тебя был влюблен, — сказал Петя. — В детстве. Помнишь, когда ездили в Крым?

— Помню, — кивнула Ольга. — Ты был смешной мальчишка. Я видела, что ты с меня глаз не сводишь.

— Почему я ничего не почувствовал, если ты моя родная сестра?

— А почему ты на меня пялился, если знал, что я двоюродная? — отрезала Оля. — Лучше скажи, отчего эта кукла была на меня похожа? И зачем полиция схватила твоих приятелей?

Петя пожал плечами:

— Встречный вопрос: ты зачем в полицейских кирпичом кинула?

Некоторое время Оля обдумывала ответ. И честно призналась:

— Это был совершенно инстинктивный, ни на чем не основанный поступок. Я вдруг поняла, что должна это сделать.

— Что-то очень много стало вокруг ничем не обоснованных поступков, — вздохнул Петя.

Дальше ехали молча.

В подъезде консьерж посмотрел на них каким-то особенным взглядом. И, открывая дверь старинного лифта, произнес:

— Ваши друзья только что поднялись.

Петя и Ольга переглянулись. Почему-то даже сомнений не возникло, кто успел их опередить.

Из лифта они кинулись к двери, едва не отталкивая друг друга, Петя достал ключи, но дверь была не заперта.

А в квартире царил полный разгром!

Пахло догоревшими дровами — камин недавно топили. Повсюду валялись влажные полотенца, кто-то явно второпях вытирался и не озаботился повесить их на сушилку. Сладкий аромат пены для ванны щекотал ноздри.

Еще пахло коньяком, и встроенный в дубовый буфет бар был открыт.

Лубоцкий сидел на краю потертого кожаного дивана и пытался влить в рот Дейнен коньяк из кофейной чашечки. Лиза лежала с закрытыми глазами, мертвой хваткой сжимая блокнот с Коньком-горбунком.

— Мальчик, вы давно пьете коньяк по утрам? — спросила Ольга сурово.

— У нее шок, — ничуть не удивившись и не смутившись их появлению, ответил Лубоцкий. — Я слышал, что коньяк надо дать.

— По мозгам вам надо надавать! — Ольга отобрала у него чашечку, понюхала, удивленно качнула головой и залпом выпила коньяк. — Ничего себе… нектар… Тащи мокрое полотенце! Только выжми! И лед!

— И шампанское, — мрачно сострил Петя. — Что с ней? Полицейских испугалась?

Метнувшийся было на кухню Лубоцкий остановился и продемонстрировал синяки на руках.

— Полицейских? Видал, чтобы полицейские хватали несовершеннолетних, били дубинками и кидали в машину?

— Ну… — Петя запнулся. — Если подумать… Вы что, драться с ними начали? Или убегали?

Лубоцкий покрутил пальцем у виска и ушел на кухню. Зашумела вода в кране.

— На самом деле странно, — задумчиво сказала Оля. — Без всякого повода, не на запрещенном митинге, не при сопротивлении… В центре города, на глазах у людей… Избивать двух школьников дубинками? Да их собственное начальство сожрет и выплюнет, никому такие новости не нужны! К тому же перед выборами.

— И полицейские какие-то странные, — добавил Петя. — Два амбала и два кощея. Хоть в комедии снимай.

Вернулся Лубоцкий с пакетом льда и полотенцем, с которого капала вода. Оля вздохнула, выжала полотенце прямо на пол и положила его Лизе на лоб.

— Колись, Лубок, — сказал Петя. — Ты что-то

знаешь и понимаешь о происходящем. И ты мне обязан.

— За что? — удивился Лубоцкий.

— Да хотя бы за этот бардак! — возмутился Петя. — Ты взял запасные ключи из стола? Без спроса? Тебе не кажется, Лубок, что это свинство?

— Я — Андрей, — вяло сказал Лубоцкий. Он и впрямь смутился. — И я все уберу. И постираю.

— Красава! — Петя понял, что Андрей и впрямь чувствует свою вину, и продолжал давить: — А то, что мы укрываем беглых преступников? За это не обязан?

— Хорошо, хорошо. — Лубоцкий взмахнул рукой, словно рубя невидимую стенку. — Как Лизка?

— Да все с ней будет в порядке, — успокоила Ольга. Попыталась вынуть из рук девочки блокнот. — Надеюсь. Ей поспать бы надо…

Она склонила голову набок и с неожиданным умилением сказала:

— Бедная девочка. Совсем малышка. Сопит себе как… как бобренок… Ты давай, рассказывай. Я ее за руку подержу, ей так явно спокойнее.

Лубоцкий глубоко вздохнул:

— Петя… Оля… В общем, это я во всем виноват.

Ну и Лиза… немного. Но она бы ничего, если бы я ее не подначивал… Я виноват.

— В чем? — Петя не выдержал и принялся собирать полотенца и вещи с пола, брезгливо поднимая их двумя пальцами.

— Во всем! Дело в том, что Лиза… она, ну… — Андрей вздохнул. — Помнишь, Петь, как мы с ней подружились?

— Твоя подруга — ты и помни. Вы с первого класса вместе.

— Нет, в первом классе я на нее и внимания не обращал, — вздохнул Андрей. — Мне Соня нравилась. И Леля немножко, она красивая. И чуточку Наташка.

— Да ты у нас Казанова… — бросила Оля.

— А во втором классе я вдруг в Лизу влюбился. Разом. Сижу, смотрю, как она что-то в блокноте калякает. И вдруг понимаю, что не могу глаз отвести. На перемене подошел и говорю: «Давай с тобой дружить!» Лиза глаза опустила и шепчет: «Давай».

— Да, вспомнил! — оживился Петя. — Мы же вас дразнили полгода!

— Ну вот… она уже потом мне сказала. В пятом классе. — Андрей вздохнул. — Мне никак не удавалось трапецию накачать. Она узнала и

говорит: «Я помогу». Взяла блокнот и написала… ну вроде рассказ такой… как я легко накачался… Я и накачался. Быстро.

— Она тебя так хорошо мотивирует? — спросила Оля.

— Она так пишет, — сказал Андрей шепотом. — У нее дар, понимаете? Если Лизка чего-то хочет или во что-то верит, то ей надо только написать про это. Убедительно и лучше без ошибок. Тогда это происходит. Если бы она жила лет двести назад и писать не умела — никаких чудес бы не происходило.

Наступила тишина. Лиза все так же лежала с мокрым полотенцем на лбу, Оля сжимала ее ладонь, Петя смотрел на Андрея.

Андрей, похожий на юного греческого бога, по ошибке облаченного в современную одежду, понуро стоял возле дивана.

— Шутишь? — спросила Оля. Не дожидаясь ответа, взяла кофейную чашку и двинулась к бару. Остановилась и поставила чашку на стол. — Нет, правда? Все что угодно?

— Не всё, — сказал Андрей. — То, что совсем невозможно, не получится. Ты не станешь негром…

— Чернокожим, — поправила Оля, поморщив-

шись.

— …потому что ты уже белый, — продолжил Андрей. — И если руками взмахнешь, не полетишь, ведь люди не птицы. И то, что уже случилось, назад не вернуть, — про то, что мы убежали от полиции, Лизка написала, и все получилось, но совсем отменить задержание не смогла… А вот если придумать, что женщина повелевает водой и лечит всякие водянки и прыщи, то это хоть и глупо, но получится.

— То есть тут дело не в законах физики или здравом смысле, — сказала Оля задумчиво. — А в ее способности поверить…

Она вернулась к Лизе и попыталась взять ее блокнот.

— Дело не в блокноте, — сказал Андрей. — Дело в ней самой.

— Обидно. — Ольга задумалась. — Да. Но мне кажется, у нас появились перспективы!

Глава 12
Меня зовут Эрика
Валерий Бочков[23]

Память возвращалась фрагментами. Обрывками, не связанными между собой ни временем, ни местом. Всплыла фамилия — Эрхард. Доктор Эрхард. Этот лечил ее в Швейцарии: из темноты проступили его руки, тонкие, почти женские. На мизинце стальное кольцо. И запах — странный, холодный. Но разве запах может быть холодным? Конечно, может — так зимой пахнет промерзшее железо.

А вот и голос: «Земля имеет оболочку, и эта оболочка поражена болезнями. Одна из них называется „человек“».

Нет, это не доктор, это сказал кто-то другой. А доктор сказал вот что: «Будь добра к Эрике. Это в

---

[23] Примечания: 23

Валерий Бочков — художник, писатель. Иллюстрировал книги и периодические издания, выходившие во многих странах мира. Основатель творческой студии *The Val Bochkov Studio*. Его работы экспонируются в музеях Европы и США. С 2005 года пишет прозу. Автор романов «К югу от Вирджинии», «Медовый рай», «Коронация зверя», «Обнаженная натура», «Латгальский крест», «Горгона». Лауреат международных литературных премий *ADDY Award*, «Русской премии», премии Э. Хемингуэя, дипломант премии Н. Гоголя.

твоих же интересах».

Аня открыла глаза. Ванная комната. Теплый мрамор под щекой. Она попыталась подняться, встала на четвереньки, дотянулась до края ванной. Пол неожиданно куда-то нырнул, комнату качнуло, сталь и хром ослепительно блеснули. Аня зажмурилась. Не отпуская край ванны, медленно выпрямилась.

— Меня сейчас вырвет… — пробормотала.

Держась за стену, она добралась до раковины, открыла холодный кран. Сунула голову под струю. Чей-то голос, женский и строгий, произнес:

— *Nabelküsser ist tod*[24].

Аня оглянулась. В ванной комнате никого не было. Она закрыла воду. Где-то рядом звякнул мобильник. На полу возле унитаза лежал ее телефон. Аня осторожно опустилась на колени, дотянулась до мобильного. На экране была та же фраза: *Nabelküsser ist tod.* Чуть ниже крутился кружок, проценты загрузки добежали до ста, телефон снова звякнул и выдал надпись: «Активация прошла успешно».

На место тошноты пришла слабость. Даже не

---

[24] Примечания: 24
Шибздик сдох (*нем.*).

слабость — немощь: когда нет ни сил, ни воли пошевелить даже пальцем. Состояние было знакомое, так отходишь от анестезии. Так было в Швейцарии. Много раз. После операций. Сперва появляется свет — его кто-то делает все ярче и ярче. До ослепительно белого. Потом — звуки. Под конец появляются запахи.

Аня подошла к зеркалу. Она была совершенно голая. Только сейчас до нее дошло, что она находится в ванной комнате матери. Аня приблизила лицо к своему отражению, от дыхания на зеркале появился туманный кружок. Она стерла его ладонью. Потом потрогала пальцем нос, провела по губам. Оттянула вниз веко правого глаза.

На полке среди материнского хлама — целого хоровода разноцветных бутылочек, стеклянных баночек, пузырьков и флакончиков — лежала упаковка бритв. Ярко-розового цвета. Аня вынула одну, сняла с лезвия защитный пластик. Аккуратно, стараясь не пораниться, сбрила брови, сначала правую, потом левую. На месте бровей остались бледные полоски, впрочем, совсем незаметные. Оказалось, что если сбрить брови, то очень сложно изобразить на лице удивление. Да и другие эмоции тоже.

Аня отступила, разглядывая отражение. Ли-

цо, шея, тощие ключицы. Груди были острые и неубедительные — «козьи сиськи», как обозвала их Лелька Абрикосова в раздевалке. У самой Лельки был крепкий третий номер уже в восьмом классе.

— Корова… — Аня ладонями провела по плоскому животу. — Поглядим на тебя через десять лет.

— Ну что, Анна, — обратилась к своему отражению. — Знакомиться будем? Я — Эрика.

* * *

Калачёвка напоминала зону военных действий. На месте водокачки высилась гора строительного мусора и колотых кирпичей. Большой Трофимовский был перегорожен забором. Тут же стояла патрульная машина. Два мрачных мента молча курили, изредка сплевывая под ноги.

Эрика оказалась покладистой девкой. И на редкость компанейской. К тому же Аня никогда не чувствовала себя так классно — такой бодрой, такой энергичной, такой радостной. Должно быть, примерно так ощущает себя счастливый человек.

— Господа полицейские! — писклявым голосом обратилась она к ментам.

— Ну и чучело, — буркнул один другому. — Ко-

ляныч, пошли-ка ее отсюда.

— Гражданка! — Коляныч, набычась, грозно двинулся к Ане. — Гражданка, проход закрыт! Строительные работы!

Гражданка — черные очки, блестящий белый плащ (материнская «Прада» из змеиной кожи, на два размера больше), красная бейсбольная кепка козырьком назад — подошла вплотную к машине.

— Куда прешь? — заорал Коляныч. — Ты чё, слепая?

— Да, — без запинки ответила гражданка. — А что — и это запрещено?

Коляныч растерялся. Гражданка подошла к нему вплотную и уперлась в тугое брюхо.

— У вас тут радиостанция есть? — спросила гражданка, ощупывая крупное тело полицейского. — Чтоб всем постам Российской Федерации…

— Какой еще федерации… Гоша! — обратился Коляныч к напарнику. — Вызови скорую, пусть эту чумичку увезут на фиг.

Гоша выбросил окурок, лениво достал рацию из кабины, щелкнул.

— Алё! Алё, сорок второй это. С Калачёвки. Алё…

Он не успел договорить. Дальнейшее про-

изошло стремительно и почти одновременно. Коляныч взвыл и, раскинув руки крестом, перелетел через капот машины. Гоша — он как раз начал поворачиваться на крик — успел увидеть лишь метнувшийся к нему бело-красный смерч и почувствовать удар в челюсть. В голове взорвался ослепительный шар. Шар лопнул и рассыпался на тысячу золотых искр. Точно такой фейерверк Гоша видел прошлым летом, когда ездил с женой на Кипр.

Гоша сполз по крылу на асфальт. Как же то место называлось? Смешно как-то называлось… Ага, Пафос…

Его рука продолжала сжимать рацию. Оттуда доносился голос оператора. Гражданка взяла рацию.

— Внимание! Экстренное сообщение. Работают все радиостанции Советского Союза!

Она хихикнула, кашлянула в кулак и продолжила загробным голосом:

— Земля больше не принадлежит живым. Она принадлежит нам, мертвым. Мы уходим в землю, мы уходим вглубь, мы прорастаем корнями. Подводные реки несут наши останки в моря, ветер поднимает капли в небо, и мертвецы дождем проливаются на головы живых. Ваше время кон-

чилось! *Nabelküsser ist tod.*

Она выключила рацию. Взмахнула руками и легко, будто на пружинах, запрыгнула на крышу полицейской машины. Огляделась. Распахнув полы плаща, как два белых крыла, ловким футбольным пинком долбанула по мигалке. Та, описав дугу, перелетела через забор.

Там, за ограждением, высились горы битого кирпича. Все, что осталось от углового дома. Его крушили наспех, кран с гирей даже не успели увезти. Из обломков стен торчала ржавая арматура, канализационные трубы, веревками болтались провода. На чудом уцелевшем кирпичном дымоходе дремала крупная розовая птица. Это был фламинго. Он стоял на одной лапе.

— *Das ist echt Spitze!*[25] — Эрика ткнула рукой в сторону печной трубы. — Все тип-топ, сестричка! Вот он — Портал! Вход в Нижний Мир. Река Стикс и все такое. Там была водокачка, помнишь? Калачёв построил под ней лабиринт, точную копию критского лабиринта. Того самого, где…

— Минотавр прятался! — закончила Аня. — На острове Крит.

---

[25] Примечания: 25
Это супер! (*нем.*)

— *Genau!*[26] Только никакой он не купец, этот Калачёв. Некромаг Дувренн. Именно он украл священный меч Кухулина. Тогда, в девятом веке. И, подкупив кузнеца, нанес на эфес свое имя. Но хозяин меча Кормак мак Арт вызывал свидетеля — мертвеца, когда-то убитого этим мечом, — и испросил его мнение о том, кто хозяин меча. Мертвец указал истинного хозяина, и суд принял это свидетельство…

— Труп давал показания в суде?

— Ага! И не просто труп — обезглавленный труп! Там куча смешного, я тебе потом расскажу, сейчас времени нет. Погнали!

— Куда?

— Туда!

* * *

Павел Шергин влетел в квартиру. Грохнул дверью.

— Аня! — кричал, пробегая по комнатам. — Аня! Ну где же ты, господи…

На кухне ее тоже не было. Распахнул дверь в тренажерный зал — пусто. Заглянул в сауну — никого.

---

[26] Примечания: 26
Точно! (*нем.*)

Шергин вынул мобильник, снова ткнул в ее номер.

— Господи… Ну пожалуйста…

Откуда-то раздалось пиликанье Анькиного телефона. Шергин бегом бросился на звук. Через гостиную — на половину жены. Дверь в ванную была распахнута настежь. На полу лежал айфон и весело вызванивал «Турецкий марш».

Шергин нажал отбой. Поднял телефон дочери, экран был заблокирован. На картинке белели купола Сакре-Кёр, чуть розоватые от заката.

Фото сделала Аня во время их весенней поездки. Потыкав несколько раз в цифры кода, Шергин спрятал мобильник в карман.

— Ну что ты будешь… — Шергин вернулся в гостиную.

Он сел в кресло, но тут же снова вскочил. Бросился к балкону, распахнул дверь. Пара голубей с перепугу кубарем кинулись вниз.

— Вон отсюда! — заорал на птиц.

Балкон опоясывал весь этаж пентхауса по периметру. Шергин сделал круг, по пути пнул шезлонг жены, зло плюнул вниз и вернулся к двери гостиной. Он вцепился в перила, сжал пальцы до белых костяшек.

Внизу гремело Замоскворечье, сквозь дымку

блестела река, черным скелетом высился неизбежный Петр. За памятником царю мерцали луковицы церкви. Шергин помнил, когда там, на месте церкви, был бассейн. Зимними сумерками он дымился густым белым паром. Мохнатые клубы, пробитые лучами желтых прожекторов, вставали ленивыми великанами; они расправляли туманные плечи, тщетно пытаясь приподнять чугунное московское небо.

Летом бассейн напоминал райский оазис: бирюзовая вода мельтешила солнечными зайчиками, на белокафельных берегах томились голые люди всех оттенков прожаренности — от розоватого до цвета копченой скумбрии. Иногда бассейн накрывало божественным ароматом — это южный ветер доносил запах горячей карамели, которую варили на «Красном Октябре». Кирпичное здание кондитерской фабрики стояло на противоположном берегу Москвы-реки. Несколько раз в году их всем классом водили в бассейн для сдачи каких-то физкультурных нормативов. Быстрей всех плавала Анька Пожарская, к десятому классу она выглядела настоящей барышней: бледная и высокая, с мягкой грудью в тесном черном купальнике. Анька запросто могла пронырнуть метров десять. Шергин был по

уши влюблен в Пожарскую целых две четверти, до самых каникул. Но она была красавицей, а он — ушастым троечником. К тому же стоял третьим от конца на уроке физры. Ниже Шергина были только Дажин и Петриков.

Именно Анька рассказала ему про Церковного Топителя. Якобы та девчонка из немецкой школы, что утонула прошлым сентябрем, и тот пацан, труп которого выловили в спортивном секторе, на самом деле жертвы религиозного маньяка.

— Сектанты! Мстят за разрушенный храм. Натренировались — могут под водой по пять минут сидеть. Поднырнет такой сзади…

Потом, много лет спустя, Шергин узнал, что уже тогда, в десятом классе, Анька встречалась с их физруком, Олег Палычем. Рассказала об этом Хохлова на одном из сборищ класса. Пожарская к тому времени успела выйти замуж за богатенького немца, уехать в Бремен и там разбиться насмерть на мотоцикле.

От телефонного звонка Шергин вздрогнул. Он вернулся в гостиную, захлопнул дверь. Звонила не дочь, звонил Долматов.

— Ну, что еще? — рявкнул Шергин в трубку.

Он пнул кресло, быстрым шагом дошел до дивана, развернулся.

— Что? — остановился и взмахнул рукой. — Какой, к черту, телевизор? Ты что, Долматов, с дуба рухнул? Что? Что… Погоди… погоди…

Среди диванных подушек Шергин нашел пульт.

— Долматов… Погоди. Кто его завалил? Как? Где? В подмосковной… Но как? Там такая охрана… Суров? И не Кузьмин? Кто-кто? Гринева?! Катька Гринева? Да ты… И Каракозов объявил о поддержке… Уже? А гвардия? Вот гады… Я так и знал, что Рогожин первым продаст… Но как? Как? Гринева… Ну знаю, знаю, еще по девяностым. Катька… Ну, эта будет на столбах вешать…

Он нажал отбой, уставился в телевизор. Из черноты телевизионного экрана выплыла картинка: неинтересная декорация изображала ночной лес. Над острыми елками висела луна. На переднем плане был пруд, окруженный весьма условными камышами. Шергин переключил канал, там был тот же лес и тот же пруд. На следующем тоже.

— Гринева завалила шибздика… — Шергин прибавил звук. — Ну дела…

Из динамиков зазвучали скрипки, весело и прытко. Луч прожектора осветил передний план. Сбоку, из-за плоских кустов, появилась стайка балерин. Они резво выстроились в шеренгу, взя-

лись за руки и, ловко семеня белыми ногами в такт музыке, вприпрыжку добрались до центра сцены.

Снова зазвонил телефон. Номер звонившего был заблокирован. Шергин включил громкую связь.

— Да, — буркнул. — Кто это?

— Папа! — Голос Ани был капризен. — Ну где ты?

— Аня! Где ты? Я тут всех на уши поставил, а ты…

— Да тут я! Мы тебя ждем-ждем, а тебя все…

— Кто мы?

— Как кто? Я и Эрика.

— Кто это? Где вы?

— На Калачёвке! Где водокачка была. Там лестница в подвал. Сначала коридор, длинный-длинный, а после до…

В трубке что-то затрещало, голос оборвался на полуслове.

* * *

Там действительно был коридор.

— Откуда тут свет? — Шергин тронул фонарь, висевший под низким сводчатым потолком. — Объект должен быть обесточен…

Осторожно спустился по щербатым ступеням. Ступеньки все были разной высоты, Шергин остановился на последней и зычно гаркнул:

— Аня!

Пол, бетонный и пыльный, шел под уклон, так что ноги переступали сами собой, ведя Шергина от одного тусклого фонаря до другого.

— Аня! — снова крикнул он. — Аня! Где ты?

Откуда здесь взялся этот подземный ход? Куда он ведет? Или это высохшее русло подземной реки? Но откуда тогда бетон? И фонари?

— Аня! — Крик улетел в ватную пустоту.

Шергин оглянулся, ему очень захотелось вернуться назад. Прямо сейчас. Уклон стал круче, должно быть, тут русло уходило вглубь. Шергин поскользнулся, ухватился за стену.

— Аня! — заорал он.

Бетонные плиты потрескались и лежали неровно, Шергин запнулся, упал, растянувшись во весь рост. Боль обрадовала его, он слизнул кровь с ладони. Вкуса не ощутил, кровь оказалась пресной, как вода. Он помотал головой, зло сплюнул и, держась рукой за стену, пошел дальше.

Он сначала зачем-то считал фонари, но сбился на втором десятке. Теперь, приближаясь к очередной лампе, Шергин с размаху припечатывал

ладонь к стене, пытаясь оставить на бетоне кровавую метку. Стены здесь стали влажными и скользкими, словно вспотели. Шергин удивленно заметил, что кровь на них не отпечатывалась.

Он спотыкался, но продолжал шагать вперед. Сколько минут или часов прошло, Шергин даже не представлял, время текло рывками, чередуя сгустки подробнейших, бесконечно нудных фрагментов с безнадежно глухими провалами.

Коридор кончился и уперся в двойную высокую дверь, почти ворота. Шергин без особой надежды устало толкнул обе створки. Дверь качнулась, тяжело подалась и медленно раскрылась. От неожиданности Шергин даже не обрадовался. Замер в нерешительности, вглядываясь в темноту.

Перед ним расстилалась пустошь, поросшая бурьяном и низким кустарником, дальше шли огороды, которые спускались к темной реке, неподвижной и маслянистой, как деготь, с зеленоватой лунной дорожкой. На той стороне реки виднелась мельница, чернело колесо, вдоль берега росли старые ивы. В лунном свете макушки их казались припорошены инеем. За ивняком начинался луг, тоже серебристый от луны, он полого тянулся до самого горизонта. Неподвижность реки оказалась обманчивой, Шергин разглядел,

как течение медленно-медленно уносит какой-то блестящий предмет цилиндрической формы.

Шергин сделал шаг, хмыкнул и развел руками, словно извиняясь перед кем-то. В дальнем углу сознания всплыла вялая мысль: «Что за бред? Я ведь в Москве, в Замоскворечье. Этого просто не может быть». Но глаза, постепенно привыкая к серой тьме, разглядывали все больше подробностей — это было не Замоскворечье.

Сквозь кусты и чертополох проглядывал красноватый свет, там что-то вспыхивало и мерцало. Шергин перелез через невысокий забор из дикого камня, обогнул старую, треснувшую пополам яблоню, всю в уродливых наростах.

В лощине горел неяркий костер. Перед огнем на земле сидел босой старик, зябко выставив вперед худые грязные руки. Он был плешив и мал ростом, не больше шестиклассника.

— Господи… — пробормотал Шергин. — Это же…

Три года назад Кузякин включил его в делегацию мэрии, их принимали в Кремле, принимали на самом высоком уровне. Шергину тогда посчастливилось удостоиться рукопожатия. Боже, как же он был счастлив! Как ребенок, боже… И никому не сказал, что рукопожатие было вялое, а

ладонь стылая и потная. Как снулая рыба.

На старике был рабочий комбинезон и широкий клепаный пояс с карабином, каким обычно пользуются верхолазы. Он рассеянно глазел на огонь и тихонько насвистывал какую-то песенку. Пламя лизало его ладони, плясало между пальцев — Шергин это ясно видел, он подошел ближе и окликнул старика. Тот повернулся, правая сторона лица пылала оранжевым, левая казалась фиолетовой дырой. Старик едва заметно улыбнулся и, кивнув головой в сторону реки, сказал:

— Уже скоро…

Шергин заметил, как в черноте дальнего берега возник неясный силуэт, в тишине послышался тихий всплеск, по лунной дорожке пошли круги, и она рассыпалась, как пригоршня мелких монет, а еще через мгновение на освещенном плесе показалась фигура человека. По воде стелился туман, и Шергину почудилось, что фигура скользит прямо по воде, приближаясь к его берегу.

Над рекой и лугами плыла полная луна, неяркая и размытая, словно задернутая марлей. Проглядывали звезды. Легкая муть застилала все небо и неторопливо ползла на восток, где вдали грудились черные грозовые тучи, освещенные по краю зеленоватым светом.

Марля плавно разошлась, и в прореху выглянула луна. Черная прореха вытянулась и стала похожа на китайского дракона, сочная флуоресцентная луна оказалась сияющим драконьим глазом. По воде пробежало зеленоватое мерцание, лучистое и яркое, словно отражение неоновой вывески.

По небу чиркнула звезда. Шергин знал, что нужно загадать желание. Ничего загадывать не пришлось: в берег уже уткнулся тростниковый плот, на котором стояла его дочь Анна Шергина. Она молча кивнула отцу и поманила его рукой, приглашая на плот.

Глава 13
Платон
Александр Григоренко[27]

— Как ты попала сюда?

Шергин спрашивал, понимая бессмысленность вопроса.

Они стояли на плоту, который отдалялся от берега так плавно, будто под ним твердь, а не вода. Шергин осматривал странное одеяние дочери, большое весло в ее руке — нелепость этого подобия парковой статуи Шергина не веселила и не раздражала. Пережитое за этот краткий промежуток времени опустошило его — он даже не ждал, что дочь ответит. Но она ответила.

— Если существует дверь, то кто-то должен в нее войти. Так пусть этим «кто-то» буду я.

Лицо ее отражало безжизненный плоский свет, губы держали неподвижную полуулыбку, от которой Шергину вдруг стало страшно. Он

---

[27] Примечания: 27

Александр Григоренко — прозаик, журналист. Автор детской пьесы «Куросенок», книг «Мэбэт», «Ильгет. Три имени судьбы» и «Потерял слепой дуду». Публиковался в журналах «Новый мир», «Октябрь», «Урал», «Дружба народов». Лауреат премии «Ясная Поляна».

схватил ее за плечи, встряхнул, крикнул «Аня!», но улыбка не исчезла.

— Ты ведь мой отец, — сказала Анна, — так ведь?

— Аня, ты что…

— Ну и вот. Должна же я знать, что ты задумал на самом деле. Как видишь, тебе все труднее скрывать то, ради чего ты и те, кто за тобой, собрались разворотить целую улицу, согнать с обжитых мест кучу людей, разрушить их жизнь. И мою в том числе — догадываешься об этом?

— Я расскажу тебе, — прошептал Шергин, — расскажу все! Самой первой. Обязательно. Но… потом, чуть позже. Поверь мне, деточка моя.

— Ха-ха-ха, — проговорила деточка, — так я и думала. Вы все так… И мама тоже было начала рассказывать, а потом — хлоп, и рот на замок, продолжение в следующей серии…

— Что?! Что она сказала?

— В Новой Москве строить выгоднее…

— Много она понимает, твоя мама!

— Догадываюсь, что больше тебя, — улыбка стала издевательской, — она ведь гидролог. И на самом деле это была ее идея.

— Думай, что говоришь, идиотка сопливая!

Шергин никогда не называл дочь обидными

словами — ранее она не давала повода.

Гнев разбудил Шергина. В жизни ему приходилось переживать всякое, но он знал за собой одно спасительное свойство: когда обстоятельства припирали его к стене, вдруг отключался страх, тоска, мысли, в душе на мгновение водворялась абсолютная тишина, в которой начинали загораться команды, как на аварийном табло. Сейчас табло приказывало: не смотреть по сторонам, не думать, идти обратно, на поверхность. Немедленно. Любой ценой.

— Дай-ка! — Шергин схватился за весло в руках дочери — дочь не отдавала; Шергин рванул с силой — ни девушка, ни весло даже не шелохнулись, будто перед ним и впрямь была статуя. Коротким замахом Шергин влепил дочери пощечину — бейсболка упала в реку, улыбка осталась та же.

— Очнись!

Аня молчала.

— Не надо бить детей…

Голос, мягкий и усталый, возник за спиной Шергина, и появившееся табло со спасительными командами мгновенно отключилось — возвращались непонятные звуки, мысли, предчувствия.

За его спиной, на краешке плота, сидел, скре-

стив ноги, старик — плешивый, в рабочем комбинезоне — тот самый, которого он видел у костра и принял за призрак, галлюцинацию… Шергин не заметил, как старик попал на плот, находившийся уже на середине реки. Старик улыбался, его знакомая всему миру улыбочка отражалась на лице Анны; на него, а не на отца она смотрела все это время.

— Не надо бить детей, — повторил старик. — Накличете себе беспокойную старость. Такую, как у меня. Зачем вам это? Присаживайтесь…

Гостеприимным жестом он указал на край плота, из которого, разрывая камышовые связки, вырос изящный золотой табурет.

— И вы, Анечка, тоже… бедная вы моя. Кстати, — он оживился, обращаясь к Шергину, — своих я ни разу не шлепнул. А оно вон как вышло… Ну да ладно, не привыкать.

— В каком смысле «не привыкать»? — спросил оторопевший Шергин.

— Практически в прямом, — в голосе старика появилась та глухая нотка, которую знали как предвестие большого разноса. — Меня убивают регулярно. По меньшей мере в розовых мечтах своих. Но иногда пробуют и по-настоящему. Разве не знаете? В этом нет ничего удивительного

для людей моей профессии, особенно в России. Еще менее удивительно, что делают это самые близкие: ведь им даже тянуться не надо. И все равно — обидно.

— Подождите, — пробормотал Шергин, — а в этот раз…

Но старик не дал ему закончить.

— Часто себя спрашиваю и в этот раз спрошу: Платон Платонович, соколик, ну зачем тебе все это? — Он говорил улыбаясь, нараспев. — Шел бы на покой. Но покоя не будет. Потому что пугать людей — слишком дорого. Задобрить — невозможно. Человек неисправим, потому что ненасытен. Как старики говорили, червь капусту гложе, а сам прежде того пропадае…

Он встал — будто взлетел, так, что колечки на поясе звякнули, уверенными движениями начал массировать колени. Шергин заметил, что прежней детской слабости, понурости в его фигуре уже нет, голос наливался силой.

— И кстати, Павел Николаевич, — сказал он, не отрываясь от своего занятия, — в свете последних событий ваше участие в проекте под вопросом. Сам проект останется, а вы — вряд ли. Надеюсь, не надо объяснять — почему?

— Вешать будут? — сипло промолвил Шергин.

— Я вас умоляю. — Платон рассмеялся. — Вешать было целесообразно лет сто назад или хотя бы в девяностые: тогда, чтобы напугать людей, нужны были радикальные средства. А сейчас достаточно отнять любимые игрушки или даже пригрозить, что отнимут, — и будут мучиться, как на дыбе. И все подпишут. Если не сбегут, конечно. Вы это и без меня прекрасно знаете. Так что давайте хотя бы здесь не будем об этом.

— А где это «здесь»? — внезапно подала голос Анна.

— Прекрасный вопрос, Анечка, все ждал, когда он прозвучит. Сами-то как думаете?

— Портал в нижний мир. В царство мертвых.

— Можно и так сказать. Только к мертвым — вход немного в другом месте, потом узнаете. Здесь вообще много чего интересного. А то, что вы сейчас видите, проще назвать изнанкой. Ничего настоящего — ни леса, ни реки, ни неба… И вместе с тем это самое что ни на есть настоящее, это образы вещей, о которых догадывался мой древнегреческий тезка… Изнанка не так красива, как вещь, но она правдива, она показывает, как что сделано. А самая главная особенность здешних мест — они рассказывают о людях важные вещи. Очень, я бы сказал, интимные. Главное, знать, где

спросить. Вот здесь притормозите, Анечка.

Анна опустила весло, плот замер, и старик показал рукой в сторону ложбины, устланной серым туманом.

— Смотрите туда, — сказал он Шергину. — Не отвлекаться. Не оборачиваться.

Шергин подчинился и стоял неподвижно несколько минут. Он увидел: в серой кисее проступают очертания фигуры, они становятся все яснее, наконец на берег вышел человек — немецкий солдат, фашист — засученные рукава, каска, шмайссер… Немец шел по берегу, потом по воде. Шергин узнал его и едва не закричал.

Первый и единственный раз в жизни он видел этого немца лет в пять-шесть: ему снился бой, такой, как в недавнем кино, в пучеглазом телевизоре «Радуга»… Ему снился бой, враги убили всех наших, бой стих, по изрытой рыжей земле стелился дым, враги уходили, но этот немец вдруг заметил его, Шергина Пашу, и пошел к нему — вот так, как шел сейчас, — приблизился настолько, что он увидел огромную пуговицу, а на ней страшную птицу со свастикой в когтях. Немец снял автомат, приставил к его, Пашкиному, горлу… Пашка заорал и проснулся.

С тех пор немец не возвращался, но Шергин

помнил его, помнил иногда яснее, чем многих живых. Не боялся немца, посмеивался, иногда рассказывал о нем друзьям, но — помнил.

— Ну как? Если здесь открываются кошмары вашего розового периода, то и все остальное не такая уж тайна. — Старик пристально глядел на Шергина, видимо, удовлетворенный его оторопью, потом обернулся в сторону солдата и крикнул:

— Свободен!

Немец тут же развернулся и исчез в туманной ложбине.

— Поехали. — Старик повернулся к Анне.

— А мне так — можно? — спросила она, опуская весло в неподвижную воду.

— Зачем? В твоем прошлом пока ничего особенного нет.

— Почему это нет?

— Потому что ты еще ребенок, и оставайся им подольше.

— Давайте я сама буду решать, кем мне оставаться…

Шергин оборвал их:

— Вы живой или нет?

Старик будто ждал этого вопроса — встрепенулся весь.

— А тебе самому как больше нравится? *Nabelküsser ist tod, oder nicht?*[28] Отвечай!

— Мне нужен факт, а не…

— Факт! — восторженно закричал старик. — Факт — это то, во что ты веришь! А тебе верить уже нечем: верилка сломалась. Давно, еще в комсомольской юности. Когда предлагал всем классом написать письмо Рейгану, чтобы убрал ракеты из Германии, и потом сам отнес его на помойку… Один ветер подул — ты в оппозицию записался, другой — в патриоты. Ты, Павлик, ни во что не веришь, кроме ситуации. А она — девушка кокетливая. И за кого тебе теперь быть, ты не знаешь, потому что не веришь ни в людей, ни в Бога, ни в страну… Во-он… — Платон лукаво прищурился. — Вижу, как в черепке твоем циферки забегали, будто тараканы на пожаре. Павлик ты и есть… павлик.

— Замолчи, — прошипел Шергин, — замолчи, гадина. Ты сам такой, я знаю…

— Там, — Платон показал пальцем вверх, — ты решился бы мне так сказать? В лицо?

И, не дожидаясь ответа, старик начал тихонечко смеяться — мелкими плевками смех летел в

---

[28] Примечания: 28
Шибздик сдох или нет? (*нем.*)

лицо Шергина.

Платон, задыхаясь, силился еще что-то сказать, но не смог: беззвучно описав дугу, на его голову обрушилось дюралевое весло. Сложившись, как брошенная марионетка, старик скатился в воду, не оставив ни волны, ни кругов.

— Не переношу, когда над тобой издеваются, — гордо сказала Аня. И прежде чем Шергин успел раскрыть рот, продолжила: — Надоело — *tod, oder nicht*... А так — у нас есть хоть какая-то уверенность.

Они глядели на гладкую пленку воды, на которой не было ничего, кроме отражений и того непонятного предмета цилиндрической формы, плывшего в десятке метров от плота. Из реки показалась маленькая рука, не спеша взяла предмет и увлекла под воду. Тут же река начала мелеть, как ванна, из которой вынули пробку, и пространство накренилось, уходя горизонтом в бездну, и река превратилась в горный поток, узкий и злой, и понесла плот с такой скоростью, что оголенное русло и заросли на берегах слились в одну серую ленту.

* * *

У всех загадочных явлений — снежного человека, лохнесского чудовища, летающих тарелок, левитирующих аскетов и прочего — есть одно общее свойство. Видят их регулярно, однако у очевидцев: а) как назло, нет под рукой никакой фиксирующей аппаратуры; б) аппаратура есть, но в тот самый момент она срабатывает настолько гадко, что выдает какие-то размытые силуэты и пятна. В обоих случаях очевидцы просят поверить им на слово. И так продолжается без малого лет сто.

Цепь досадных недоразумений прервалась на свадебном фотографе Эдуарде Коридорове. В тот день, ясный, не по-осеннему теплый, он снимал бракосочетание потомственного газоэлектросварщика Александра Фердинандовича Гергенрейдера и юной Анжелики, дочери владельца малого предприятия по производству мясных полуфабрикатов «Бабушкин-steak» Николая Федоровича, соответственно, Бабушкина.

Свадьба была многолюдной, уже хорошо подгулявшей, отчего Коридорову стоило трудов собрать всех для общего снимка на фоне целебного источника, слывшего достопримечательностью не

только Денисьевского сельсовета, но и всего района. Источник вытекал из большой, увенчанной крышей с кудрявыми наличниками трубы, которая торчала из обрыва на высоте более полутора метров. Эдуард не надеялся, что гости будут ждать «птичку», поэтому выставил на камере высшую скорость съемки — пять кадров в секунду.

Снимая, увидел… Из трубы, будто из пушки, только без звука, вылетели два тела, большое и поменьше, и исчезли в зарослях тальника. (Позднее, отсматривая снятое, Коридоров убедился: феномен запечатлен от начала до конца и в идеальном качестве.) Свадьба, стоявшая к феномену тылом, ничего не видела, она торопилась, начала шумно рассаживаться по машинам, и только в последний момент кто-то под общий хохот крикнул вслед фотографу, рысью устремившемуся к тальниковым зарослям: «Калидор! Давай здесь, все свои».

То, что Эдуард увидел в кустах, поразило его не меньше, чем сам полет: мужчина и девушка спали. Светлая головка девушки лежала на откинутой руке мужчины. Инстинктивно фотограф сделал несколько кадров и шагнул вглубь зарослей…

Но свадьба не хотела ждать, бешено сигналила,

выкрикивая его имя… Бабушкин платил щедро, у Коридорова три месяца не было заказов… Сложив дрожащие персты, он перекрестил спящих и зарысил обратно, не обращая внимания на камеру, которая больно била по пузу, а оно у Коридорова было большое, как и все прочее.

Весь остаток дня Эдуард был сосредоточенно молчалив.

* * *

Когда у папы появлялось несколько свободных дней, он усаживал Анечку рядом с собой на диван и, загадочно улыбаясь, спрашивал: «Ну что, поедем куда-нибудь?» Анечка догадывалась, что это «куда-нибудь» находится в Сен-Тропе, Париже, в Дублине или Чефалу, где у Шергиных была вилла, небольшая, но собственная. Впрочем, и многие другие города мира были ей хорошо знакомы; некоторые — настолько, что она могла узнать их с завязанными глазами: по воздуху, звукам и запахам. Но здесь воздух, звуки и запахи были такие, какие она не встречала никогда и нигде, и Анечке вдруг показалось, что она на другой планете, куда более далекой, чем то подземное царство, память о котором была стерта внезапным сном и восстанавливалась медленно, как

очень далекое воспоминание. Они шли по пустынному шоссе, сердце ее колотилось при виде горизонта, испещренного странными строениями, а когда перед ней возник белый дорожный знак с чудовищной надписью «Денисьево», ноги обмякли, Анечка вцепилась в рукав отцовского плаща и заплакала:

— Папочка, где мы… папочка, забери меня…

Шергин гладил ее волосы и повторял осипшим голосом:

— Тихо, деточка… тихо… все решим.

Содержимое горизонта ему, в отличие от дочери, было знакомо — хотя бы по студенческой юности — вот ферма, должно быть, заброшенная, вот дом рядом с ней… Однако все остальное оставалось тягостной загадкой. Но пропавшее табло появилось вновь и засветилось одним зеленым словом «вперед», и это немного успокоило его.

На горизонте мерцало несколько огоньков, возник еще один — он приближался…

Свет излучала треснувшая фара скутера «Ямаха», все изработанное, избитое тело которого стонало под тяжестью туши фотографа Коридорова. Дождавшись, пока свадьба разделится на старую и молодую половины — молодая уйдет веселиться дальше, старая останется пить чай, об-

суждать виды на урожай и ругать начальство — и снимать станет нечего, Эдуард оседлал скутер и рванул домой. Жил он совсем рядом, в райцентре, то есть в тридцати пяти километрах от Денисьева, поэтому часа через два снимки феномена должны появиться в Сети, и у сельского свадебного фотографа начнется совсем другая жизнь… Но в дороге мысли Коридорова смешались: он понимал, что феномен весь в его власти, никто не может опередить его, и мир не перевернется, если удивится чуть позже… К тому же феномен потребует объяснений… И еще… там, в тальнике, живые люди — так спокойно и глубоко дышат только живые и спящие… Может, они переломались? Может, их нашел кто-то другой? А может…

Коридоров развернулся на полпути, угодив колесом в глубокую лужу, и вот теперь он стоял перед ними. Вид человека незнакомого, но несомненно живого и совсем нестрашного, его первые слова — «вот они, красавцы» — не только успокоили Аню: она обрадовалась, как радуется заблудившийся в лесу, услышав далекий человеческий голос.

Разговор ее отца с Эдуардом — он сразу представился — походил на беседу здорового с душевнобольным. Здоровым, разумеется, был бородатый

толстяк. Шергин долго объяснял ему, кто он, перечисляя все свои должности, рассказывал о зданиях, которые строил, а толстяк слушал его с сострадательным вниманием и терпением — так вежливый человек выслушивает тихого идиота. Документов у них не было, телефонов тоже, одежда успела просохнуть, но выгладиться не успела…

— Где мы? — спросил Шергин.

Толстяк с тем же скорбным выражением на лице продиктовал регион, район — местность находилась в двух тысячах километров от МКАД.

Потом он достал из кофра камеру и показал Шергину то, что снял, и долго, взыскующе глядел на него. Шергин замолк и будто оцепенел, сказал только:

— Ничего не помню. Ничего.

— М-да, — вздохнул фотограф, спрятал камеру в кофр, шумно принюхался — вроде того… тверёзые.

Внутри у Шергина загорелось табло: «Ты телефон-то у него попроси, эх…» — и Шергин даже подпрыгнул, спросил телефон, сказал — один звонок, и все прояснится, все уладится.

— Долматов! — Он крикнул так, что и Аня, и толстяк вздрогнули. — Стоп, а где Долматов? Лиза,

это вы… — наступила пауза, и Аня увидела: лицо отца превращается в некое подобие японской страшной маски.

— Кто генеральный? Долматов гене… Вы там свихнулись все? Какой совет директоров? Как он мог что-то решить без меня?! Вы там свихнулись все?! Долматова мне! Пулей!

Он что-то еще кричал, но телефон отвечал короткими гудками. Силы оставили Шергина, телефон выскользнул из его ладони и разбился бы — Аня подхватила. Заплетающимися ногами Шергин переместился на обочину, он стоял, схватившись за голову, и повторял монотонно:

— Твари… твари продажные… что же за день такой, господи… такой длинный день.

— Можно мне? — спросила Аня фотографа.

— Попробуй.

Она набрала номер Пети Безносова — единственный, который знала наизусть, — не по большой дружбе, а из-за самих цифр — 999 888 77 66.

— Привет…

— Тебя ищут! Ты где? — промямлила трубка.

— *No time to explain, buddy*[29]. — Аня старалась говорить небрежно, даже развязно, но голос за-

---

[29] Примечания: 29

Нет времени объяснять, приятель (*англ.*).

метно подрагивал. — Скажи лучше, ты еще не все свое наследство промотал на вечеринках?

— Не все.

— Мне срочно нужны деньги.

Трубка помолчала и произнесла со вздохом:

— Нетрудно было догадаться… Зачем?

— На билеты.

— Какие?

— Чтобы добраться до Москвы…

— Какой Москвы? Ты вообще здорова? Прости, Шерга, некогда мне твои глупости выслушивать. Встретимся, все расскажешь.

— Послушай! — закричала Аня. — Ты можешь поверить человеку? Просто так! Один раз! Без объяснений! А?

Трубка посопела и спросила:

— Сколько надо?

Аня посмотрела на фотографа — он все слышал.

— Если без документов, на перекладных — много. Тысяч пятьдесят. — Пятьдесят сможешь?

— Смогу. Тебе на айфон кинуть?

— Нет айфона, Петя, нет его… — и фотографу, умоляюще: — Куда?

У Коридорова была при себе банковская карточка, он продиктовал номер, и минут через

пять тренькнула эсэмэска. Она сообщала, что деньги поступили на счет и что мир не так уж безнадежен.

Правда, воспользоваться этой удачей можно было не сразу… Банкомат, кассы, автовокзал — только в райцентре. Уже стемнело, и Коридоров предложил пойти на свадьбу.

— Без приглашения? — мрачно спросил Шергин.

— У Федорыча для гостей отдельный дом. Скажу, что ты мой армейский кореш, приехал вот с дочерью. В армии-то служил?

Легенда пригодилась, считай, тут же — взвизгнув тормозами, остановилась потрепанная машина с правым рулем. Из окна показался полицейский, похожий на итальянского мафиози, — чернявый, тоненькие усики, пробор. Высунул руку и поздоровался с Коридоровым.

— Чё шатаемся? Эти — кто? — строго спросил он.

— Кореш из Москвы. С дочкой вот…

— Документы есть?

— Сурен, поимей совесть. Люди с дороги, подышать вышли.

— Дышите, разрешаю. — Полицейский оскалился. — Вы это… потише там гуляйте. А то

скажут, что в Денисьево притон оппозиции. Чрезвычайное положение отмечают.

— Слушаюсь. — Коридоров отдал честь. — На свадьбу-то заглянешь?

— Был уже, — крикнул полицейский, и по запаху Коридоров понял: действительно был.

— Сурен Сысоенко, участковый наш. Мужик суровый, но… понимающий, — пояснил фотограф, когда машина скрылась.

— Чрезвычайное положение? — спросил Шергин. — Когда… Из-за чего?

— Вот те на! Как раз тебя хотел спросить, что там у вас в Москве. В новостях что говорят — толком не разберешь.

— А что говорят?

— Здрасьте. Платоныч заболел. Одни говорят, что не в состоянии исполнять обязанности, другие — что в состоянии, только надо подождать. Ну и ввели чепэ на всякий случай. Сурин, или как там его, ввел… Я с этой свадьбой третий день в интернет не залазил. — Фотограф громко шмыгнул носом и бодро провозгласил: — Но даже если чепэ — не жениться, что ли? — Он хлопнул ручищами по рулю скутера. — Двинулись?

Так они и шли втроем. Фотограф, обливаясь потом, катил «Ямаху», которая изнывала от

блаженства, что не она везет Коридорова, а он ее. Коридоров тоже изнывал — от сладостного предвкушения тайны, которую он выпытает у «инопланетян», всецело находящихся в его власти. Рядом шагал Шергин, перед его внутренним взором светилась зеленая надпись: «Любой ценой забрать снимки у этого...» А впереди шествовала Анечка, она хоть и помалкивала, но от былого ужаса не осталось и следа. Ужас сменился какой-то странной веселостью, от которой под кожей покалывало.

И, как оказалось, не зря покалывало. Взрослые ведь бывают иногда хуже детей, которых постоянно тянет в лужу...

* * *

— Давай их сюда!

Николай Федорович Бабушкин хлопнул по столу так, что с вершины свадебного торта, к которому почему-то никто не притронулся, рухнули два розовых сердца, и Коридоров, пришедший доложить о новых гостях, побежал за ними во флигель.

Народу за столом было немного, и, как сразу отметила Аня, все старше папы. Присутствующие хором начали их угощать, папу навязчиво

уговаривали выпить, и папа, надо признать… И не раз.

Три тети с круглыми лицами предлагали Ане разные блюда, поминутно и наперебой интересуясь, почему она так плохо ест, хотя Аня лопала за обе щеки, а две тети с лицами вытянутыми говорили им: «Чего пристали к ребенку, он и так с дороги еле мизюкает». Одновременно эти две тонкие тети требовали у папы рассказать, «что у вас там в Москве творится», а три тети круглые возражали им: «Дайте вы человеку поесть». Аня была уже сыта, а тети продолжали свое, и Ане захотелось процитировать им что-нибудь из Декларации прав и свобод…

Но тут она увидела вот что: тот накрытый скатертью белый столик с массивными лакированными ножками, стоявший в дальнем углу большой «залы», — вовсе не столик. Это миниатюрный рояль, не исключено, что *Blüthner* или *Petrof,* — о таком она мечтала, когда училась в музыкальной школе, но почему-то папа, который обычно ни в чем ей не отказывал, так и не сподобился его купить, хотя обещал.

— Вы позволите посмотреть? — спросила она у хозяина, указывая рукой в угол.

— А что — умеешь? — встрепенулся Николай

Федорович, быстро подошел к роялю, снял с него скатерть, ею же рояль и протер.

Пока Аня вылезала из-за стола, — а это оказалось делом небыстрым, поскольку гости сидели на лавках, — одна из круглых теть отбарабанила монолог (видимо, не раз до того произнесенный), смысл которого заключался в том, что Николай Федорович купил совершенно ненужную вещь по цене «круйзера» и потому он «не при людях будет сказано, кто такой».

Владелец «Бабушкин-steak» выступил с ответным и так же хорошо отрепетированным монологом о том, что рояль — долгосрочная инвестиция в будущее молодой семьи Гергенрейдеров-Бабушкиных и фьючерсы подобного уровня непостижимы для тех, у кого «ливер вместо мозгов».

Неизвестно, чем бы все закончилось, если бы Аня не заиграла…

Сначала был регтайм, исполненный в тишине, взорвавшейся оглушительными хлопками огромных ручищ хозяина. Гости оживились. Потом был ноктюрн Шопена, и аплодировали уже все, потом одна из теть сказала: «А что-нибудь сыграй, чтобы нам попеть».

— Что именно? — поинтересовалась Аня, до-

вольная тем, что «руки помнят».

Но хозяин пресек разговор, заявил, что «в приличном доме должна играть только приличная музыка» — и это еще не все! — достал из кармана брюк банкноту, положил на рояль и провозгласил:

— Талант обязан вознаграждаться!

Аня играла и играла — с наслаждением, до изнеможения. Когда концерт был окончен, она увидела, что среди публики, истекавшей слезами, нет ни папы, ни Коридорова.

Она нашла их во флигеле, куда отправилась спать.

Павел Шергин и Эдуард Коридоров, красные от напряжения, сидели за столиком, на котором стояли камера и бутылка водки, держали друг друга за грудки и урчали, как два кота перед поединком.

— Немедленно отпустите папу!

Аня сказала это так громко и властно, что Коридоров тут же послушался.

— Деньги на вашей карте можете оставить себе, — продолжила она тем же тоном. — Считайте их своим гонораром за молчание.

Обернулась к отцу:

— Оставь его. У нас есть теперь на что доехать.

И показала пухлую разноцветную пачку.

Дома их не было почти неделю — даже час, проведенный в изнанке мира, на лицевой стороне шел за три дня. Еще двое суток они добирались, пересаживаясь с автобусов на электрички и наоборот. Шергин всю дорогу молчал, а если и говорил, то лишь по необходимости. Вместо зеленых команд перед ним время от времени возникало печальное лицо Платона — он тоже молчал, только сказал тихо, уже на подступах к Москве: «Да, Паша, да… Тяжко есть иго на сынех Адамлих» — и исчез.

Ане хотелось о многом спросить отца, но еще сильнее было желание смотреть в окно, за которым протекала жизнь, совсем незнакомая ей…

Глава 14
Дедлайн
Булат Ханов[30]

Петя совсем запутался.

Он начал задаваться вопросом, как много переживаний способен вынести человек, прежде чем повредится рассудком. Тем более подросток. Тем более он, Петя Безносов, весь такой неуклюжий и нелепый.

После случая с куклой, висящей на дубе, Оля замкнулась в себе. Она не выходила из дома, не брала трубку, и только со слов Кати Петя знал, что Оля, пускай и несвоевременно, хотя бы ест и спит.

— Кроссовки мне в тот же день велела выкинуть, — сказала Катя. — Те, белые, помнишь?

О том, чтобы копать землю под дубом в поисках ключа, сейчас и речи не шло. Во-первых, в одиночку бы Петя все равно не решился, а во-вторых,

---

[30] Примечания: 30

Булат Ханов — писатель, критик. Публиковался в журналах «Дружба народов», «Октябрь», «Знамя». Автор романов «Непостоянные величины», «Гнев», «Развлечения для птиц с подрезанными крыльями». Лауреат премии «Лицей», финалист премии «Нацбест».

сестры сочли бы его предателем. Это как раны ковырять, притом незажившие.

В школе безотрывно крутилась вокруг Леля Абрикосова. Она то просила телефон, чтобы срочно позвонить двоюродной тете (у самой он якобы разрядился, ага), то искала повода уколоть Петю.

— Избегаешь ты меня, Безносов, — произнесла Леля в столовой то ли задумчиво, то ли укоризненно.

— Ничего я не избегаю.

— Пойдем в кино сегодня?

— Я занят.

— Говорю же, избегаешь.

В их диалог вмешался Андрей:

— Кино? Я люблю кино. Пойдем вместе, Леля?

— Я за! Как насчет сегодня?

— Шикарно! Купишь мне билет?

Вместо ответа Абрикосова треснула Андрея ложкой по голове.

В тот же день Леля принялась заигрывать с Федей. Наблюдая за ее ужимками, Петя с нарастающей тревогой гадал, что она выкинет дальше.

А еще пропала Аня. Она перестала появляться в школе и исчезла со всех радаров, выйдя на связь лишь единожды. Обеспокоенный Петя пересказал одноклассникам странный телефонный

диалог. Шергина требовала пятьдесят тысяч, и голос ее звучал до жути раздраженно. Даже во время самых ярых споров о политике Аня не была настроена столь категорично.

— Кому ты хоть деньги переслал?

— Некоему Эдуарду Анатольевичу К. Понятия не имею, кто он такой.

Все недоуменно переглянулись.

— Опять она что-то затевает, — предположил Андрей. — Как с «курагой».

— Почему тогда из Москвы уехала? — спросил Вася.

— Что, если не уехала?

— А пятьдесят тысяч ей для чего?

— Мне и самому интересно — для чего? Одно ясно: Шергиной известно побольше нашего.

В пятницу перед самым уроком Глюкоза объявила, что на химии перед учениками выступят уполномоченные из специального комитета Департамента образования. Школьники почуяли неладное. Чтобы Глюкоза позволила кому-нибудь отнять у нее часть урока? По доброй воле, без кровавой битвы? Что это за уполномоченные такие всемогущие?

Гостей из комитета было двое. Рыжеволосая женщина в оливковых брюках и белом свитере

с закатанными рукавами назвалась специалистом по геологии и геодезии Идой Максимовной. Она представила и своего спутника — Осипа Алексеевича, таинственного бюрократа с прямоугольной головой и хищными синими глазами. Молчаливый до поры Осип Алексеевич в сером костюме-двойке не выпускал из рук темный дипломат.

— Прямо *G-man* какой-то, — шепнул Дорохов.

— Кто-кто? — не понял Петя.

Глюкоза призвала их к порядку, и они замолчали.

Ида Максимовна умными словами объяснила, какая опасность грозит жителям Калачёвки, если они не переедут. Глубинная эрозия почвы, спровоцированная запрятанными под землей источниками, подтачивает фундаменты. Помещения медленно, но верно захватывает неистребимая грибковая плесень всех цветов, которая источает ядовитые миазмы и приводит к пневмонии, астме и заболеваниям опорно-двигательного аппарата. А капитальный ремонт ничего не исправит, только на короткий срок отсрочит неминуемое разрушение зданий.

Осип Алексеевич сухо добавил, что проживание в Калачёвке представляет высокий риск для

жизни, поэтому муниципальные службы во избежание непредвиденных последствий ускоряют переезд.

— Надеемся, Новый год вы встретите в новых квартирах, — закончил Осип Алексеевич. — Мы все должны быть заинтересованы в этом.

Пете даже показалось, что чиновник добавит: «Не так ли?», но вместо этого уполномоченные из специального комитета сослались на неотложные дела и покинули кабинет.

— Шут знает что такое, — пробормотала Глюкоза, когда дверь за гостями закрылась.

Впрочем, озадаченность на ее лице моментально исчезла, едва лишь ученики бросились спрашивать, что Глюкоза обо всем этом думает.

— Под шумок вы решили химию сорвать, верно? — прикрикнула она.

Когда прозвенел звонок, Петя на автопилоте собрал портфель и вышел. Значит, расселят к Новому году. Потому что эрозия почвы. И грибок. И это никак не проверить, не опровергнуть.

Разве что нанять независимых экспертов.

Точно, надо поговорить об этом с Федей и Андреем. На подкуп у них средств, конечно, не хватит, зато ученых со стороны привлечь можно. Чтобы определить, насколько стоит доверять

специальному комитету.

Размышления Пети прервал Осип Алексеевич. Он в одиночестве стоял в коридоре и безотрывно смотрел на Безносова.

— Вы ищете выход? — Петя смутился.

— Малость заблудился. Проводишь меня до уборной?

По дороге в уборную Осип Алексеевич сказал:

— Хорошая у вас школа. Не жаль с ней расставаться?

— Очень жаль, — признался Петя.

— Удобный район, старые друзья, любимые учителя… Понимаю.

Насчет учителей Безносов бы поспорил, но не с этим скользким типом.

— Ты ведь Петя, правильно?

Безносов аж споткнулся.

— Мы с Кириллом Владимировичем в свое время занимались различными проектами. — Осип Алексеевич будто и не заметил, как Петя изумился. — Он был прекрасным человеком. Искренним, щедрым, преданным общему делу. Думаю, ты станешь ему достойным сыном.

— А какими делами… Какими проектами вы занимались?

Осип Алексеевич переложил дипломат из

правой руки в левую и достал из внутреннего кармана визитку.

— Позвони мне при случае. Нам есть о чем поговорить. О Калачёвке, о русле подземной реки, о снесенной церкви святого Трофима.

При упоминании церкви Безносов вздрогнул.

В этот момент они добрались до туалета. Чиновник с прямоугольной головой внимательно поглядел на Петю и произнес:

— Будьте осторожнее с Лизой. У нее редкий дар. Будет жаль, если она использует его понапрасну.

— Понапрасну?

— Каждое чудо, Петенька, требует колоссальных энергетических затрат и не проходит бесследно для того, кто чудеса творит. Поэтому берегите вашу одноклассницу.

Безносов, сконфуженный доверительной интонацией и особенно «Петенькой», опустил глаза от такой фамильярности.

— Тебе, наверное, пора к друзьям, — сказал Осип Алексеевич. — Скоро звонок. Выход я найду.

Чиновник скрылся за дверью. Петю не удивило бы, если бы загадочный незнакомец телепортировался в свое учреждение прямо из кабинки.

Безносов, все еще донельзя смущенный, посмотрел на визитку.

Баздеев Осип Алексеевич
доктор философских наук
куратор образовательных проектов

Ниже адрес и два телефонных номера: служебный и мобильный.

Хотя Петя и не мог похвастаться богатым жизненным опытом, даже он осознавал, что переезды и расселения — это уж точно не забота школьного департамента. А образовательные проекты с жилищными пересекаются мало.

Когда Безносов вернулся в класс, выяснилось, что специальных уполномоченных никто не обсуждает, так как появились вести поважнее.

— Шерга позвонила! — сказал Федя Дорохов.

По сияющему лицу друга Петя догадался, что Аня сообщила кое-что значительное.

Глава 15
Кураторы
Антон Соя[31]

Человек с прямоугольным лицом не спешил покидать здание гимназии имени Бернарда Шоу. Он обманул Петю. Осип Алексеевич Баздеев прекрасно ориентировался в школе. В прозрачных, почти рыбьих глаза «чиновника» сквозило едва заметное беспокойство. Он бодро поднялся на третий этаж по широкой мраморной лестнице, прошел по рекреации до крайнего кабинета, оглянулся. Рекреация по-прежнему была безлюдна и тиха. Баздеев достал из кармана аккуратные отмычки и за пару секунд справился с замком. Кабинет литературы встретил его гулкой пустотой и портретами классиков на стенах. Лев Николаевич неодобрительно наблюдал, как Баздеев запирает дверь и раскладывает на первой парте свой роскошный дипломат. Свет в классе

---

[31] Примечания: 31

Антон Соя — автор стихов, песен и прозы для детей и взрослых. Среди его книг «Порок сердца», «ЭмоБой», «Джаз-Банда», «З.Л.О.», «Морской волк», «Звездочка. Лошадка, которая поет», «Ёжка идет в школу», «Маша и Аркаша-таракаша». Победитель конкурса «Книга года-2013: выбирают дети».

«чиновник» включать не стал. Свет появился из дипломата. Яркий, синий, он озарил заднюю стену, бросив на нее огромную скрюченную тень Баздеева, склонившегося над дипломатом.

— Проект «Вечность». Протокол сто семнадцать. Код допуска семь. Выхожу на связь. Прием. Что-то срочное, шеф? У меня не очень удобное место дислокации. — Осип Алексеевич говорил негромко, но чрезвычайно четко.

Чемоданчик ответил резко и на тон выше Баздеева.

— У нас теперь все срочное, Ося. Режим паники на корабле. Привыкай. Переводись в режим голограммы. У проекта новый куратор из ближнего круга. Так что проведешь для него срочную конференцию. Доложишь обстановку. Лишнего не болтай. Все под запись.

— Вот черт! Они вообще дадут нам работать? Сплошные доклады. — Баздеев издал тихий стон и начал что-то переключать в чемоданчике.

— Давай быстрее, Ося. Куратор нервничает. Да, и еще. Конференция расширенная. Вояка будет, Духовник и Федерал.

— А повара не будет? Или врача?

— Ося, давай серьезней. Врача ему подавай. Радуйся, что палача пока не будет.

У классной доски одна за другой заискрились желтым электричеством пять голограмм сидящих за столами собеседников Баздеева. Столы наплывали друг на друга. В классе стало тесновато.

— По скайпу как-то спокойнее было общаться, душевнее, — заметил благообразный священник, не переставая искриться.

— Для тех, кто не знает: это наш ведущий сотрудник Центра «Ы», разработчик проекта «Вечность», Баздеев Осип Алексеевич. Он эту историю, можно сказать, своими руками раскопал, — сказал добродушный на вид седой мужчина, растекшийся в профессорском кресле.

— А нас всех закопал, — бесцветным голосом констатировал блеклый тип с вертикальными морщинами на лошадином лице.

— О! У нас в безопасности юмористы! — деланно обрадовался лысый, с модной бородкой. — Только вроде не время для шуток. Дошутились… Хозяина сберечь не смогли, теперь самое время веселиться? Все эту яму копали, в которой теперь сидим. Так что уж лучше послушаем эксперта. Пусть расскажет, как выбираться будем. Пожалуйста, Осип… а-а-а… Алексеевич.

Всем сразу стало понятно, кто здесь главный.

Баздееву тоже. Он стал говорить, обращаясь лично к бородатому куратору.

— Наш центр создан двадцать лет назад по личной инициативе Семьи. Мы занимаемся поисками средств продления жизни. Любых средств. Не только научных.

— Прости, Господи, — вздохнул священник.

— Мы изучали любые аномалии. Проверяли любые слухи. Разбирались в легендах. Я сразу сосредоточился на местной истории. Копал Москву. Все почему-то верили в Тибет, заглядывались на Индию, а я, знаете ли, краевед…

— Все это безумно интересно, Осип… а-а-а. Но время, время, время. Время поджимает. Давайте к сути. Сухо, по делу. — Куратор постучал жирным указательным пальцем по своему необъятному столу.

— По делу, — Баздеев поморщился, — по делу, надо было не мешать нам. Не влезать на наше поле со своими псевдостроительными проектами. Инициативами этими дикими. Аномалия совершенно не изучена. Все на уровне гипотез. Шито белыми нитками. Но после первого же моего доклада сюда наперегонки ринулись силовики. Пошло соревнование, кто первый Хозяину на блюдечке бессмертие принесет. Столько дров

наломали.

— Эксперт, ты за базаром следи. Не на кафедре у себя, — возмутился суровый толстяк в генеральском мундире.

— Осип Алексеевич, и правда. Субординацию никто не отменял. Давай не увлекайся, — расстроенно прогудел седой.

— Продолжайте, Осип! — Куратор привстал из-за стола. — Вы сказали — бессмертие. Я не ослышался?

Баздеев снова поморщился, как от зубной боли.

— Именно так. Только в определенном смысле. Речь не идет о нетленности физического тела. Речь идет о реинкарнации. То есть о переселении личности или, если вам так больше нравится, души в другое тело. В данном случае — родственное. О сознательной, контролируемой реинкарнации.

— Ага. Ага. Вот это уже интересно. — Куратор инстинктивно потер коротенькие ручки. — Давайте здесь подробнее. Что именно вы нарыли?

— Для начала аномальную зону в Замоскворечье. Район Калачёвка, где за последние сто лет зафиксировано больше всего необъяснимых явлений. Меня сразу заинтересовало огром-

ное количество долгожителей в этом районе, совершенно нехарактерное для Москвы. Стал докапываться. Смотреть все документы, связанные с историей района, этого места.

— И докопался до подземной реки… — не удержался седой шеф Баздеева.

— Сначала до капища. Здесь, а конкретно на том самом месте, где я сейчас нахожусь, полторы тысячи лет назад из-под земли бил источник, которому поклонялись местные язычники. Они считали, что его живительная вода творит чудеса. И фатьяновцы поклонялись, и дьяковские, и кривичи.

— О, этнография пошла, — заскучал щекастый генерал, не видя, как презрительно взирают на него со стен Толстой, Чехов и Гоголь.

— Потом источник ушел в землю, изредка пробиваясь на поверхность ключом, а на этом месте возникло капище с идолами, которое продержалось до крещения Руси. Следов капища практически не осталось, а легенда о его бессмертном Служителе, жившем рядом с источником, каким-то образом дожила до наших дней. Вернее, дошла легенда уже в варианте о вечном Служителе церкви, воздвигнутой на месте капища и снесенной по решению Священного синода

в конце восемнадцатого века. Решение для того времени беспрецедентное. Но слишком уж широко пошла дурная слава об этой церкви и ее священниках. Некие ушлые купцы вовсю наладили продажу святой воды из церкви, хотя никакого официального источника при ней не было. Поговаривали, что по ночам в церкви отправлялись языческие обряды и даже приносились человеческие жертвы. В истории оказались замешаны крупные вельможи, и, дабы прекратить слухи о ереси, церковь снесли, а на ее месте построили здание землемерного училища. Отца-настоятеля сослали служить в приход на Кавказ, в только что построенный Моздок, где его следы затерялись. Остальные служители тоже как в воду канули. И лишь потомка одного из дьяконов мне каким-то чудом удалось найти. Найти здесь, на Калачёвке.

— Поклеп, клевета и грязные инсинуации, — не выдержал священник. — Последующее внутрицерковное расследование показало, что слухи распространялись за деньги. А целью их были как раз высокопоставленные прихожане, обвиненные в ереси. Обычные дворцовые интриги, в результате которых пострадала церковь.

— Однако святая целебная вода из снесенной церкви продавалась на самом деле. И очень даже

работала. Об этом есть упоминания в независимых источниках. Правда, результаты были всегда непредсказуемы, — парировал Баздеев.

— Вы отвлеклись, Осип… а-а-а… Давайте про потомка дьякона, — вернул разговор в нужное русло куратор.

— Неординарный человек. Ученый-гидролог. Черный археолог. Уже тогда, восемнадцать лет назад, я понял, что это редкая удача. Моя большая рыба! А попав к нему домой первый раз, я удостоверился, что не ошибся. Там пахло чудесами.

Пожилой военный недовольно хмыкнул.

— Да-да, именно так. Пахло чудесами. Я убивал на него свою жизнь. Вещества, женщины — все пошло в дело. Я должен был знать о нем все. Узнать его тайну. Мы стали друзьями. Близкими людьми… — Баздеев замолчал.

— И? — куратор не оценил его театральной паузы.

— Лишь однажды он проговорился. Грипп. У него была температура за сорок. Я помог его мозгу окончательно расслабиться. И он заговорил. Сначала это было похоже на обычный бред. Столько имен, событий. Он не понимал, кто перед ним. Обращался ко мне то так, то эдак. Рассказ, как пот, градом катился. Он словно торопился излить

все, что накопил. То, что я узнал тогда, стоило моих стараний. Он был хранителем тайны ключа, служителем ключа, того самого ключа, бившего из-под земли тысячу лет назад. И он перерождался раз в пятьдесят лет при помощи обряда и заклинаний. Не меньше двухсот перерождений. Тысячелетняя личность! Я поверить не мог в такую удачу. Легенда оказалась правдой. Раз в пятьдесят лет воды подземной реки поднимаются к поверхности. Для обряда ему нужны были ключ, заклинание и его дети. Трое детей.

— Есть! Как раз трое, — обрадованно прокричало лошадиное лицо.

— Я же просил не перебивать! — прокричал в ответ куратор. — Значит, все, что у вас есть, — это горячечный бред черного кладоискателя и ваша вера в него? И мы финансировали такой проект? Доказательств возможности реинкарнации нет?

— Мы ждали момента реинкарнации, следили за объектом, вели его, — вступил в разговор седой. — Хозяин был в курсе. Его все устраивало. Это тонкие метафизические материи. Мы не могли арестовать объект и допрашивать его. В аномальную зону нельзя лезть с вашими силовыми методами. То, что мы имеем сейчас, как раз результат таких ошибочных, лобовых действий.

Вот и Осип Алексеевич подтвердит.

Баздеев прокашлялся и продолжил доклад.

— После той истории с гриппом и признанием объект замкнулся в себе. Стал что-то подозревать. Перестал со мной общаться. Мне пришлось исчезнуть из его поля зрения. Мы все это время пасли его, его семью, окружение сына и ждали. Но при этом не теряли времени. Провели гидрологическую экспертизу, раз в год брали анализ грунтовых вод, исследовали все старые подвалы на Калачёвке. Все были в курсе, что надо немного потерпеть. Но полгода назад появился проект Шергина по сносу Калачёвки и строительству огромного развлекательного комплекса с бассейном и водолечебницей.

Лошадиное лицо вновь вступило в бой:

— А что, нам надо было ждать до второго пришествия? Простите, святой отец. Время шло. Хозяин не молодел. А на Калачёвке все застыло. Проект «Вечность», так его растак. Как вы лодку назовете… Шергина мы использовали втемную. Нам надо было добраться до воды, до этого ключа под гимназией. Заняться его разработкой.

— Но это же не нефть! — не выдержал Баздеев.

— Так, значит, заняться его разработкой, — упрямо продолжил Федерал. — Наш эксперт,

жена Шергина, подтвердила, что сейчас для этого наилучшее время. Река подошла максимально близко. Ну, мы и начали работы. Заодно хотелось подстегнуть Безносова, чтобы он задергался. Поспешил со своей этой… карнацией.

— Кто такой безносый? — поинтересовался куратор.

— Кирилл Безносов. Это и есть наш объект, Вечный Служитель Ключа, — горестно отозвался седой.

— Ну и что? Все получилось? Задергался? — лукаво поинтересовался куратор.

— Он заболел и умер, — хмуро сказал Федерал. — Но это недосмотр Центра «Ы». Их объект, им и отвечать. Так что ждать больше нечего. Калачёвку сносим. Источник выкачиваем. С водой разбираемся. Обряд проводим.

— Так ваш бессмертный служитель и смотритель умер? И что вы мне тогда тут голову морочите? Что за чертовщина у вас тут вообще творится? — Куратор уставился на седого своими совиными глазами.

Но ответил ему Баздеев.

— Объект умер, но не совсем. Его астральное тело там, в аномальной зоне, под Калачёвкой. Ждет реинкарнации. Все должно случиться в

ближайшие дни. Мы уверены.

Священник громко и тяжело вздохнул.

— Ну все, друзья. С меня хватит ваших бредней. Говорил я Платону: храм надо было восстанавливать, а не с нечистью этой носиться. Доиграетесь ведь! Ну ладно, ладно. На все воля Божия. Ангелов-хранителей вам. Помолюсь за вас.

Голограмма священника исчезла со звонким издевательским хлопком. Баздеев в очередной раз вздохнул и продолжил свой затянувшийся доклад:

— У нас все под контролем. Наш агент уже несколько лет постоянно рядом с сыном Служителя. На днях мы нашли его дочь. Уверен, что вот-вот проявится и третий ребенок. Мы просим немедленно прекратить сносить здания. Еще раз повторяю: это тонкие материи, неподвластные нашему разуму. Вы спугнете источник. Сорвете обряд. Вода и так уже отступила. Дуб засох. Нам все время мешают. Подставляют. Как тогда с артистом.

Лошадиное лицо перешло на крик:

— Вот только про артиста сейчас давайте не будем! У нас коллапс в стране, Хозяин в коме, а он мне про артиста тут будет напоминать, етить твою налево. Калачёвку оцепим, всех выселим,

воду эту из-под земли достанем, обряд проведем, Хозяина вернем. Да, генерал?

Военный оживился:

— Да, Сергей Иваныч, правильно ты все сказал. Давно пора. От этих шарлатанов никакой пользы. Мы в два счета тут с тобой порядок наведем.

— Вы навели уже. — Седой привстал, с грохотом отодвинув кресло. — Вы водокачку зачем взорвали? Думали, оттуда сразу чудесный источник забьет?

— Спокойно, спокойно! Я все понял. — Куратор воздел к потолку коротенькие ручки. — Врачи говорят, у нас есть три дня. Это значит, что за три дня мы должны спасти ситуацию. На три дня я замораживаю снос Калачёвки. За это время Центр «Ы» должен найти недостающие компоненты для реинкарнации. Используйте все доступные вам средства. Всем все понятно?

— Я подчиняюсь только Хозяину, — сказал генерал, и его голограмма схлопнулась.

— Глупейшее из решений, — процедило лошадиное лицо на прощание.

— Не парьтесь. Эти упрямые ослы — моя проблема, — доверительным тоном обратился к седому и Баздееву куратор, — у них уровень доступа — семь. У нас с вами девять. Я дал вам карт-бланш.

За это вы устроите мне встречу с Платоном в этой вашей аномальной зоне. Сегодня вечером. Время сообщу позднее.

Седой и Баздеев переглянулись.

— Только не надо мне рассказывать про галлюциногенную плесень в подвалах Калачёвки. Я точно знаю, что Шергины с ним там общались. С ним или с его духом. Неважно. Мне тоже надо. Срочно. Да-да, я много чего знаю. Работа такая. И вот еще что. Вы торопи́тесь, но не чрезмерно. Излишняя спешка нам не нужна. Мы же не блох тут ловим. Понятно? Нельзя напортачить. Судьба Родины у вас в руках. Кстати, что там было про детей и обряд, Осип? Три ребенка — это как-то связано с жертвоприношением? Вдруг мы не найдем третьего ребенка Безносова? Может, племянница сгодится для обряда? Проработайте все варианты. Ну, это я так, на всякий случай спросил. В общем, до вечера. Успехов нам.

В классе осталась только одна неподвижная голограмма. Седой молчал. Баздеев молчал в унисон.

— Перейди-ка на десятку, — взорвал тишину седой и растворился в воздухе. Баздеев нажал клавишу, и его чемоданчик озарился зеленым светом, наполнив класс ровным жужжанием

бормашины. Баздеев вставил в уши костяные наушники.

— Вот так вот, Ося. Вот с кем мы работаем. Но мы с тобой знали это. И значит, мы все сделаем правильно. И Петьку им не сдадим.

— Ну, Игорь Николаевич. Если не куратор этот, то федералы до Безноса точно доберутся. Но поборемся, конечно, — устало сказал Баздеев. — Главное, чтобы они до Лизы Дейнен не добрались. Представляете, каких дел они могут с ее помощью натворить?

— Уверен, что они о ней ничего не знают?

— Уже нет. Ни в чем не уверен. К тому же, пока я тут перед куратором выступал, Шерга свое собрание проводила. И что она там со своей раздвоенностью придумала, я пока не знаю. Шеф! Эту тему нельзя ни на минуту из-под контроля выпускать. Конец связи. Жду вашего сигнала.

Баздеев выключил передатчик. В дверь кабинета литературы постучали. Сначала три раза робко. Потом три раза настойчиво. Баздеев положил наушники в дипломат и закрыл его. Подошел к дверям, но разумно встал не напротив, а рядом.

— Осип Алексеич, это я. Откройте. Нам срочно нужно поговорить. Я знаю, вы тут, — раздался из-за дверей высокий ломающийся мальчише-

ский голос.

Глава 16
Волна
Артем Ляхович[32]

…Светло? Что за свет, откуда светит? Белым, зябким таким. И там тоже полыхало, но только не белым, нет…

И снова Он увидел, как вживую, багровые отсветы во тьме, лица с лопнувшими глазами, сожмаканные криком в комья боли… И Голос.

Что он рокотал Ему, этот Голос? Что-то важное. Нестерпимо, смертельно важное. Что-то такое, важнее чего просто нет и не могло быть, вот даже в четырнадцатом, когда…

Стоп.

Белый свет. Совсем белый, молочный, без желтизны, без огненных бликов. Бесплотный вездесущий свет.

«Я что, — мелькнула пугливая мысль, — я… в раю, что ли?

---

[32] Примечания: 32

Артем Ляхович — пианист, музыковед, писатель, фотограф. Доцент, кандидат искусствоведения, автор монографии о Сергее Рахманинове, а также книг для подростков «Черти лысые», «Дырка». Троекратный лауреат конкурса «Книгуру».

Выходит, этот Голос просто… ну, понтовал? Вроде как я тогда с этой Украиной? — холодел Он, вглядываясь в зябкую белизну. — Выходит, все-таки…

О господи! Значит, вот как. Значит… но за что-то же я попал сюда. Так просто сюда фиг попадешь, это тебе не твое расейское судилово, тут не отбояришься. Раз уж взяли в рай-то…

Ну, окей. А что я хорошего сделал? — выплыл неизбежный вопрос. — Неужели… Ха!»

Он и правда хохотнул (смешок больно царапнул горло). Из белого тумана тут же проступили силуэты — один, другой… «Ангелы, — понял Он и хохотнул снова. — Выходит, вот это вот все, что Его пиарщики напиарили про скрепы, про духовность и так далее, — оно таки правда? И Он действительно оплот и последняя надежда? А я ведь знал, — понимал Он и хохотал снова и снова. — Всегда знал и понимал, что мне уготована эта, как ее… Ну, великая роль. Что не только ради бабок… потому как — что бабки? Раз — и нету их; а это ведь вечное. Недаром на слезы прошибло, когда второй раз выбирали, — всхлипнул Он, — а то, что мухли были, — так ради добра же. Ради высшего, вселенского добра.

А ангелы, кстати, совсем не такие, как их ри-

суют. В белом, да, но вроде бы халаты на них какие-то, а не вот это, ниспадающее. У одного вообще очки и… и телефон у уха.

Что, и здесь?»

— Василь Григорьич! Василь Григорьич! Алё! Очнулся он! Вышел из комы! Да! Да!.. — орал ангел.

И хоть суетливый фальцет его был совсем не похож на Голос, почему-то разом вспомнились слова, слышанные там:

— Не расхлебаешь кашу, тобой заваренную, скоро будешь здесь. Будешь как они.

— Как они, — повторял Он непослушными губами, глядя сквозь очкастого ангела, и видел вместо него кипящую магму и в ней — лица, сожмаканные криком…

* * *

Часа через три-четыре, когда оживший Хозяин успел пройти половину медпроцедур, послать подальше вторую половину и потребовать «реальное положение дел в стране, а не вот это вот всё», двое в галстуках суетливо совещались, прикрывая рты:

— Ну что? Даем ему этого психа?

— Какого? Осю, что ли?

— Ося был у него час назад, не видел? С докладом про эликсир. Вылетел, чуть стену не проломил. Нет, вон того, который…

— Что, этого, что ли?

— Ну а как?

— Э-э-э… Ну, все-таки…

— Что «все-таки»? Не видишь, что творится? То-то и оно. Давай, чтоб максимум через час…

Через два часа напротив Хозяина, обвешанного датчиками и обставленного капельницами, сидел худощавый тип с седеющими вихрами вокруг лысины. Он явно нервничал, хоть и старался держать себя в руках.

— Ну? — ехидно спросил Хозяин. (Не потому, что ехидничал, а просто потому, что всегда говорил так — будто стебется над всеми.)

Если бы его собеседник внимательно присмотрелся к Хозяину, то заметил бы, что тот тоже нервничает. И неизвестно, кто больше.

Но ему было не до наблюдений.

— Э-э-э… вы, наверно, и так всё знаете? — наконец выдавил он. — Или… нет?

Хозяин насмешливо кивнул. Человек государственный наверняка заметил бы, что годами отработанный жест вышел менее убедительным, чем обычно. Но гость не был государственным

человеком.

— Ну так… что вам рассказать? — растерялся он. — Я и сам далеко не всё… хоть это неожиданно, да — два года под замком, и потом — хопа! — прямо сюда… Вы, кстати, и сами вполне можете быть под Волной, вы в курсе? В этом случае нам бесполезно говорить.

— И все-таки давайте попробуем, — так же ехидно сказал Хозяин. — Эта Волна… Вот о ней поподробней, если можно.

— Волна… Мы о ней ничего не знаем, кроме того, что она крайне опасна и ее воздействие проявляется в самых разных формах и масштабах — от острого бреда у тех, кто попал в эпицентр, до массового психоза в масштабах всей страны. Еще установлено, что воздействие Волны передается и даже усиливается электронными каналами информации — телевидением и интернетом. Вы… ну да, вы знаете это лучше меня. Мне только безумно, э-э-э, любопытно… Я — человек, который, наверно, лучше всех изучил Волну. Нет ни малейших сомнений в том, что меня именно поэтому два года мариновали в вашей мышеловке. И вдруг… Что произошло? Что изменилось?

Хозяин дернулся — теперь это уже было заметно и его собеседнику.

— Предлагаю вернуться к эпицентру Волны. Что вы о нем знаете?

— Ну-у, — протянул худощавый, — уж об этом-то вы точно… Ну хорошо. Эпицентр Волны находится здесь. В Москве. В Калачёвском квартале. Под землей. О физической природе Волны не могу сказать ничего определенного, ясно только, что это неизвестное излучение, имеющее психотропное воздействие. Не газ, не вирус, не плесень эта ваша ядовитая. Придумали, тоже мне… Еще в нулевые я сгенерировал его частоту и потом почти довел до ума модель защитного экрана, как тут меня, ткскзть…

— Каков источник излучения?

— Окей. Источник, значит. Источник, да? — крикнул гость и тут же осекся. — Ну ладно. Мнения о том, что источник излучения — подземный поток, я не разделяю, хоть и не отвергаю полностью. О Волне было известно с древних времен, и очевидно, что люди отождествляли ее с потоком. Но я думаю, что это совпадение: наивысший горизонт воды просто совпал с эпицентром Волны. Экспериментально проверить свойства воды, увы, невозможно: всякий, кто приблизится к потоку (а значит, и к эпицентру Волны), попадает под ее воздействие. Грубо говоря, сходит

с ума. Правда, счастливое отличие волнового помешательства — так мы его называем, хотя официального термина все еще нет… — отличие волнового помешательства от обычного в том, что оно обратимо. Удали человека из зоны воздействия Волны — и тот, правда не сразу и не безболезненно, но возвращается в здравый рассудок.

— Как вы можете гарантировать, — вкрадчиво поинтересовался Хозяин, — что сами не сошли с ума?

Его собеседник нервно расхохотался:

— Ха-ха! Казус Матрицы… Никак. Вот никак, — говорил он, криво улыбаясь. — Я сам думал об этом, и… И да: если всякий, кто полезет к Волне, превращается в ее, извините, зомби и начинает нести пургу о загробном мире или там о реинкарнации, об эликсирах… а ведь ученые! Со степенями!.. При таком раскладе меня, признаюсь честно, посещала мысль о том, что я один умный, а остальные психи ненормальные. Возможно, есть люди, принципиально устойчивые к воздействию Волны. Или хотя бы более устойчивые, чем другие. Я-то прямо под Калачёвку не лез, только рядом был, на поверхности. Не знаю, может, тоже психом заделаюсь, если полезу…

Открылась дверь. Вошел безликий галстучный тип из тех, что всегда толпились вокруг Хозяина, и сунул его собеседнику раскрытый ноут.

— Отчет за два года, — забормотал он в ответ на поднятую бровь Хозяина. — Был приказ о полном содействии…

— Я же два года проторчал сами знаете где, — сказал худощавый. — А вы хотите полную картину. Пока что я радовал вас полной картиной двухлетней давности. Благодарю, — кивнул он галстучному, и тот исчез. — Вы позволите?.. Я хотя бы по диагонали…

— Успеете, — сказал Хозяин, но худощавый все равно прилип взглядом к ноуту.

— Ёп-п… перный театр, — ругнулся он, как муху выплюнул. — Это что же вы тут без меня…

— Воздействие Волны в разное время было разным? — перебил его Хозяин. — Какова историческая динамика Волны?

— Ёп-п… — снова ругнулся худощавый. — Хотите, значит, то, что вы и так знаете, но моими устами? Устами младенца, хе-хе, — бормотал он, не отрываясь от экрана. — Прощупать, тксзть, что в голове у этого Эйнштейна… Ну, вот вам устами профессора. Историческая динамика? Как вам, конечно, известно, Волна существует

с древних времен. Первый источник, который можно трактовать как косвенное упоминание Волны, относится к семнадцатому веку, но это вовсе не значит, что Волны не было до того. Просто о ней не принято говорить и тем более писать — как сейчас, так и тогда. Простая логика подсказывает, что Москву недаром основали рядом с эпицентром Волны. Не прямо на Калачёвке, а чуть поодаль, чтобы и оборона выгодная, и от греха подальше… но вместе с тем и поближе. Именно Волна, как вы знаете, и определила специфику русской истории — и вообще России, которую, э-э-э, аршином общим не измерить. Пресловутая русская душа — не что иное, как психика человека под Волной. Конечно, Волна имела историческую, как вы выразились, динамику: в иные периоды ее воздействие почти не проявлялось, в иные — приводило к психозам, которые, в свою очередь, рождали катастрофы национального масштаба. От чего это зависит? Возможно, у Волны есть и некая своя амплитуда интенсивности, но прежде всего это зависит от воли людей, которые пытались использовать Волну в своих целях. От властей предержащих, разумеется. Тут все элементарно: раскопаешь слой земли или даже просто поворошишь что-то

там, начнешь активничать над эпицентром — и пошло-поехало. Волна как будто знает, когда она нужна кому-то, и бежит навстречу, как зверь на ловца. Вот только зверь этот ловца сам и кушает…

Худощавый замолк, вглядываясь в экран.

— Продолжайте, — велел Хозяин.

Несмотря на обычную ехидную улыбку, прозвучало это скорее просительно, почти умоляюще. Хозяин прокашлялся.

— Что продолжать?! — вдруг выкрикнул худощавый и посмотрел на него. — Про живую воду? Про эликсир бессмертия? Про портал в загробный мир? Про то, что старый мертвый бандит Кирюха — не старый мертвый бандит Кирюха, а бессмертный Хранитель Чего-то Там? Какой еще бред, внушенный Волной, вы хотите услышать от меня? Вы знаете, что почти в эпицентре Волны стоит школа? Та самая «двенашка»? В период наименьшей активности Волны ее воздействие, видимо, как-то стимулировало интеллектуальный уровень школы, но сейчас, когда ваши опричники там все перекопали… Какого черта они перекопали, не дождавшись полной эвакуации? Какого черта они вообще начали копать? А-а, ну конечно, это же они вас спасали, эликсир-

чик-то… Ха!

С Хозяином никто не говорил так уже лет тридцать. Но его собеседник как будто знал, что сейчас тот самый момент, когда можно говорить именно так, и Хозяин ничего не сделает ему, а будет только оправдываться. И точно. Хозяин сказал, глядя в потолок:

— Это без меня всё. Была жесткая установка ничего не трогать, не вторгаться, экосистему не…

— А проект Шергина? Будто я не знаю, из-за чего сижу. Два года, как его утвердили, а я пытался отговорить вас, избранники вы наши, не лезть в самое пекло. (Хозяин дернулся, будто его долбануло током.) А до того, в четырнадцатом, когда — ага, ничего не трогали, не вторгались, только поставили там свою железяку, да и все? Это была гениальная идея — ретранслятор, перенаправляющий частоту Волны на антенны ваших спутников и оттуда на телевидение и интернет. На основе стибренных у меня разработок, понятное дело, но все равно гениальная. Отравленное ТВ — такого не было даже у… Какой там двадцать пятый кадр! Жаль, что вредный народ и под Волной вывернул не в ту степь. Пришлось вам лезть туда по старинке, грубо прикрывая все это дело проектом Шергина, и в сто первый раз

наступать на те же грабли. Когда же вы дотумкаете, командиры вы наши, что можете командовать чем угодно, кроме Волны?.. А теперь, извините, — худощавый захлопнул ноут и встал, — мне пора. Расхлебывать вашу кашу.

Хозяин снова дернулся.

— Вы пойдете тогда, когда… — начал было он, но худощавый перебил:

— Единственный, кто с Волной на «ты», — это я. Сейчас вы это и правда понимаете. А отомстите мне когда-нибудь потом, когда я сделаю свое дело. Вы знаете, что стало с вашими опричниками, которые полезли в Волну? Хрен бы с ними, а с детьми? С детьми из «двенашки», которые под Волной? Петр Безносов уверен, что получил от бандита Кирюхи миллионное наследство и квартиру, и даже устроил вечеринку в этой несуществующей квартире, и все ее участники тоже были уверены, что… А с семьей Шергиных? Павел с малолетней дочкой думают, что находятся за тысячи километров от Москвы, хоть и не покидали Калачёвки. Аня Шергина верит, что ее на самом деле двое. Сбрила брови, выкрасилась аэрозолем для граффити и думает, что она демон загробного мира. Мать ее… да что там! При таком психозе внушение просто теряет границы, понимаете?

Кому угодно можно внушить что угодно. И сейчас надежда только на ваше разумное содействие… и на защитный экран. Которого пока еще нет. Ну, приказывайте там, что и кому надо, а я пошел. Эликсир… т-твою мать! — слышался его голос из коридора. — Ха!..

Хозяин некоторое время смотрел прямо перед собой. Потом дернулся, когда вбежали галстучные, выслушал их и кивнул:

— Да. Неограниченные полномочия. Неограниченное содействие во всем… а мне еще раз отчет. Да, полный. Нет, еще полнее. И священника.

* * *

— Итак, я резюмирую! — возгласил Лубоцкий.

— Давно? — отозвалась Полина.

— Не забудь описать, как ты это делаешь, — попросил Дядя Федор. — Руками или…

— А давайте потом поумничаем, а? — Густой голос Дейнен стал еще красивее, потому что она сердилась. — Дайте хоть сказать человеку!

— Если это самое «потом» у нас будет.

Лубоцкий картинно смотрел в пол. Все молчали, и он продолжил:

— Я резюмирую, да. Нас похватали, как котят, и заперли в этом каземате, — Андрей оглядел

уютную комнату, в которой они сидели, — в этом каземате… почему?

— Сказал как отрезал, — хмыкнул Дядя Федор. — Действительно, почему? Загадка века.

— Наверно, потому, что мы что-то знаем? — робко спросила Наташа.

Все заржали.

— Уж ты-то у нас то-очно хранительница тайн, — протянула Полина сквозь смех. — Это тебя взяли как суперагента, а нас всех за компанию…

— Народ, — неожиданно пробасил Федя. Все приумолкли. — Ну к чему эти бла-бла? Всем понятно, зачем нас заперли здесь — и им, и нам. Лично мне не до смеха. Походу, мы еще никогда не были в такой жо…

— Я боюсь, — пожаловалась Соня и потрогала его за рубашку.

Федя поморщился.

— Да-а, — подал голос Петя. — Ведь всех взяли, кто был у меня тогда…

— Ага, всех, — хмыкнул Лубоцкий. — Кроме Шерги.

— Точно! — Все стали вертеться и оглядываться. — Нет Шерги… Ну вот, а вы сомневались… Да с таким папашей… Народ, ну вы чё, ну нет ее, ну

и что… Продолжай, Безнос, ей остро необходим адвокат… Хоть бы взяли ее для конспирации… Ага, папахен так и согласился, щас… Стукачка, я всегда говорила… Так они же слиняли куда-то в глубинку, и она, и папулик….

На мониторе, за которым наблюдали двое в соседней комнате, народ точно так же вертелся, оглядывался и галдел.

И вообще на этом мониторе было все так, как и в комнате. Кроме одного.

Поодаль ото всех стояло всклокоченное черноголовое существо. Павел Шергин, сновавший рядом, как тигр в клетке, говорил ему:

— Ань. Ты, главное, не волнуйся. Вот не волнуйся, и всё. Сейчас я сделаю пару звонков — и…

— В одиночной камере, — ровным голосом говорила та, кого называли Аней. — Ночью. В одиночной камере…

Люди, следившие за монитором, переглянулись.

— Они реально не видят друг друга, — сказал один другому. — Ни те этих, ни эти тех.

— Да-а, — протянул второй. — Плесень?

— А хрен ее. Что там это… противоядие или как его? Когда уже?

— Пока не знаю. Сказано держать здесь, пока

не будет инструкций.

— Ну, ждем тогда.

— Ага.

И двое у монитора откинулись на спинки своих кресел, наблюдая за людьми на экране, которые находились в одной комнате и смотрели сквозь друг друга, как сквозь воздух.

Глава 17
Не пей вина, Гертруда!
Ильгар Сафат[33]

Молодежный театр «Беспечная улица» готовился к премьере. На суд зрителей выносилась пьеса известного драматурга Уильяма Шекспира «Гамлет». С чего же еще начинать юным артистам?

Режиссером спектакля сам себя назначил Давид Чхония, розовощекий мигрант из Грузии, проживающий в Москве около года, но уже явивший свой недюжинный талант как в новорожденном театре, так и на Москворецком рынке, где торговал сухофруктами. Кстати, о сухофруктах. Грузчиком на том же Москворецком рынке работал сибиряк Иван Курагин, для своих — Курага. Поначалу между Курагой и Давидом вспыхнула национальная рознь, впоследствии переросшая в настоящую дружбу на почве общей любви к театру. Записываться в труппу «Беспечной ули-

---

[33] Примечания: 33

Ильгар Сафат — театральный и кинорежиссер, сценарист, прозаик, поэт, рок-бард. Одна из режиссерских работ в кино — мистический триллер «Участок» (выдвигался на соискание премии «Оскар»). Автор романа «Моя необработанная форма».

цы» они пошли вместе. Вскоре Чхония выбился в режиссеры, но о своем друге не забыл, сразу же назначив Курагина на роль Гамлета.

Сам Чхония в спектакле должен был появиться в образе Призрака, весь обмотанный паутиной и почему-то на велосипеде. Это была его режиссерская находка и одна из самых ярких сцен постановки.

Ане Шергиной отвели роль Офелии. Чхония долго шлифовал ее пластику дурочки, учил правильно разбрасывать цветы и топиться в голубом полиэтилене. Нет никаких сомнений, что сцена безумия Офелии могла бы затмить даже момент появления Призрака. В этом месте зрители должны были долго и безутешно оплакивать загубленную невинность дочери Полония.

Репетировали несколько месяцев, выверяя мизансцены и добиваясь их максимальной выразительности. Постановка грозила стать событием в театральной жизни столицы. Так, по крайней мере, уверял артистов, временами терявших веру в своего лидера, Давид Чхония.

И вот неотвратимо обрушился день премьеры.

Зал театральной студии был полон — настоящий аншлаг. Публика собралась самая разношерстная. Передние ряды заняли хмурые

кавказцы, покинувшие ряды торговые, чтобы поддержать режиссерский дебют друга. В середине теснились важные персоны, специально приглашенные администрацией театра. На остальных местах расположились истые столичные театралы и родственники артистов. Свободных кресел не было, зрители сидели даже в проходах, на приставных стульях. В зале отсутствовали только одноклассники и родня Офелии. Давид Чхония то и дело поглядывал на часы, хотя уже и не надеялся, что артистка, пусть и с преступным опозданием, но все-таки явится к началу спектакля.

— Ух, жэнь-щинна! — кипел Давид, гримируясь в мертвенного Призрака и одновременно с этим отдавая последние указания труппе. — На тваем мэстэ, Гамлэт, я би сам ее утапил, слуший! И нэ на сцэнэ, а в Яузэ, мамой клянусь! Всэх нас падвэла под манастыр!

— Была такая возможность, — флегматично отозвался Иван, натягивая парик с вьющимися кудрями. — Смотри!

Курагин достал из кармана широких елизаветинских штанов свой мобильный телефон и показал приятелю видео с моста, фрагмент которого так шокировал в свое время одноклассников

Ани Шергиной.

— Это ви што, рэпэтировали? — с надеждой в голосе спросил последователь Станиславского. — Работа актера над ролью, да?

— Да нет, — честно признался Курагин, — Аня меня попросила подыграть! Ей для чего-то нужно было! Одноклассников, сказала, хочет развести!

— А-а-а, ну-ну! — разочарованно поморщился Чхония.

Видео его тем не менее впечатлило. Уж больно выразителен был Курагин в образе злодея. Как он накидывался на Офелию, хватал ее за волосы, жестоко заламывал девушке руки, пытаясь сбросить жертву с моста!

— Стоять! — кричал Курага не своим голосом.

— Отпусти! — беспомощно отбивалась Аня. — Что тебе надо? Полиция!

— Заткнись! Тебя ведь как человека просили, поговори с отцом! Убеди! Неужели не пойдет навстречу любимой дочке? Не зверь же он?! Ты хоть понимаешь, что с тобой может быть, а?!

Курага заваливает Аню на перила моста, угрожает сбросить ее в воду. Аня хрипит, задыхается, пытается освободиться.

— Не дергайся, а то уроню! — тяжело дыша, советует злодей и театрально смеется. Глаза у

Курагина блестят, как у заправского маньяка.

— Убэдитэлно, слуший! — закивал Чхония. — Надо будэт с вами «Отелло» паставить! Натурально дущишь, красаучик!

Курагин с гордостью клеил себе усы, но, как воспитанный человек, скромно отмалчивался. Однако досмотреть ролик не получилось: раздалась волшебная мелодия, и голос из динамика объявил первый звонок. Давид внезапно вернулся в реальность, вспыхнул и начал нервно расхаживать за кулисами, повторяя по-грузински что-то гортанное и явно неприличное.

— Лучшэ би она на сцэнэ так убэдитэлно играла! — сквозь зубы шипел Чхония, не желая мириться с тем, что его театральное детище оказалось на грани провала. Отсутствие Анны не оставляло никаких надежд его избежать. Роль Офелии хоть и не заглавная, но без нее известный драматург Шекспир обойтись не смог, а значит, и он, Давид Чхония, вряд ли обойдется. Да и нет времени что-либо менять — зрителей полный зал! Самые нетерпеливые уже торопят события одиночными хлопками.

— Ничего! — самонадеянно отмахнулся Гамлет. — Выкрутимся!

Курагин был на удивление спокоен. Казалось,

отсутствие партнерши его мало беспокоит. Такова уж природа артистов: их интересует только собственная роль и то, как они сами будут смотреться на сцене. О судьбе предприятия в целом, равно как и о важных частностях спектакля, вынужден тревожиться один только режиссер-постановщик.

Внезапно в складках пыльного, еще не поднятого занавеса Чхония увидел нервно хрустевшую пальцами актрису Хрюнову. Чиркнув взглядом по ее широкой груди, режиссер тут же нашел гениальное решение роли Офелии в условиях отсутствия на премьере артистки Шергиной.

— Инна Сэргээвна, дарагая! Спасайтэ!

Давид умел быть обходительным с женщинами, и роль Офелии была молниеносно отдана Инне Сергеевне Хрюновой, зрелой даме, служившей «красной шапочкой» в метро, но всю жизнь мечтавшей о театральных подмостках. Чхония пообещал Хрюновой главные роли во всех своих дальнейших постановках и вдобавок заверил, что чаша с ядом будет до краев наполнена домашним саперави, всегда хранившимся у Давида в гримерке.

Инне Сергеевне, самой возрастной актрисе молодежного театра «Беспечная улица», в по-

становке Чхонии была отведена роль Гертруды, ветреной мамаши Гамлета. Но теперь, благодаря смелому полету режиссерской мысли, Хрюнову ждала еще одна значимая роль. О большем счастье начинающая возрастная артистка не могла и мечтать. Долго уговаривать Инну Сергеевну не пришлось. Она была польщена и сдалась без боя. Но надеяться на то, что зритель не заметит роковой подмены, было наивно. Выдать пышнотелую Инну Сергеевну за хрупкую девушку, очарованную загадочным принцем, было крайне сложно. Кроме того, костюм Офелии, который Ане Шергиной был даже слегка великоват, на Инне Сергеевне смотрелся как диванная обшивка, подчеркивая все изъяны немолодого уже тела, утратившего форму от бесконечного сидения в подземном «стакане». Но иного выхода из сложившейся патовой ситуации у Давида Чхонии не было. Нужно было идти ва-банк. Пан или пропал.

Наконец прозвучал третий звонок, грандиозная, сталинских времен люстра медленно погасла, и начался спектакль. Гамлет задумчиво бродил по ночному Эльсинору, а тень его отца зловеще чревовещала с грузинским акцентом:

Я дух э, я твой отэс,

Приговоренный по ночам сыкитаца,
А днем томица посрэди огня,
Пока грэхи моей зэмной прэроды
Нэ вижгутса да тла!

Свой монолог Давид Чхония произносил так темпераментно, что нервные зрительницы громко ахали и хватались за спинки впереди стоящих кресел. Недовольные театралы укоризненно шикали, призывая сохранять хладнокровие. Эффект от душераздирающего монолога еще больше усиливался, когда Чхония потренькивал звонком, прикрепленным к рулю велосипеда, а закончив выкрикивать текст, притормозил у самой рампы. Кто-то из кавказцев в первом ряду даже успел выкинуть вперед руки, чтобы принять в объятия экзальтированного земляка. Но Призрак мастерски надавил на тормозную педаль и с протяжным скрежетом трущихся о сцену покрышек застыл у края бездны. Тут ошеломленной публике ничего другого не оставалось, как только облегченно выдохнуть и разразиться бурными овациями.

Была, правда, еще одна неразрешимая проблема. Несмотря на всю свою беззаветную любовь к театру, Инна Сергеевна оказалась абсолютно неспособна запоминать текст. Она плохо

справлялась даже с собственной ролью, которую зубрила последние месяцы. Слов же Офелии не знала вовсе и на премьере была вынуждена трагикомично импровизировать. Реплики Офелии и Гертруды, как, впрочем, и мизансцены, она вольно перемешала. Зритель был в ступоре и уже не понимал, кто есть кто. К бокалу с ядом Гертруда-Офелия прикладывалась на протяжении всего спектакля и к моменту своей нелепой смерти во время дуэли Гамлета с Лаэртом была уже мертвецки пьяна.

Неожиданная вольная трактовка пьесы вызвала шквал оваций. Спектакль Давида Чхонии прошел на ура. Это был настоящий триумф. И даже удвоенная гибель Гертруды, которая вначале, притворяясь Офелией, утопилась в выкрашенном полиэтилене, а потом, ближе к концу, в очередной раз отравилась грузинским вином, не смогла испортить общего впечатления. Зрители рады обманываться, они ведь как дети. Публика решила, что все так и было задумано и кавказский режиссер-самородок явил смелую трактовку «Гамлета». Кто-то из высоколобых критиков даже тихонько прошептал на ухо своему не менее высоколобому, но еще более лопоухому соседу:

— Хочет усилить эдипов комплекс!

А сосед кивнул, потер бородку и экспертно резюмировал:

— Гениально!

Повторимся, это был фурор. Зрители аплодировали стоя. Инну Сергеевну завалили цветами. Хлопали и не отпускали несколько минут. Отвыкшая от человеческого тепла работница метрополитена разрыдалась, в эту минуту ей хотелось раздать всем присутствовавшим в зале безлимитные абонементы в метро.

Премьеру «Гамлета» отмечали в шумной забегаловке неподалеку от Москворецкого рынка, куда кавказские друзья Давида пригласили занятых в постановке артистов и весь технический персонал молодежного театра, включая капельдинерш и даже билетершу бабу Шуру, служительницу культа Мельпомены с полувековым стажем. Было весело и шумно, пили за всех, имевших к спектаклю хоть какое-то отношение, начиная с известного драматурга Уильяма Шекспира и заканчивая все той же бабой Шурой. По просьбе собравшихся Иван Курагин еще раз повторил знаменитый монолог датского принца «Быть или не быть?» и сцену в могиле с черепом бедного Йорика, роль которого на этот раз исполняла баранья лопатка. После этого кавказские

друзья Чхонии предложили ему усилить сцену дуэли Гамлета с Лаэртом, заменив пижонское фехтование бутафорскими шпагами на приемы настоящей вольной борьбы.

— Пуст как два мужика разберуца! — подытожил дагестанец Гамзат и, чтобы мысль его стала понятней, показал игравшему Лаэрта артисту бросок через бедро с удушающим зажимом. Бедный Лаэрт не успел вовремя увернуться, и для него банкет неожиданно закончился. И тут Инна Сергеевна Хрюнова, привыкшая спасать партнеров в трудную минуту, не стала дожидаться от Лаэрта не поданной вовремя реплики «Не пей вина, Гертруда!» и, лихо запрыгнув на стол с прытью, которой от нее никто не ожидал, залпом осушила большой рог грузинского вина. Стоны Лаэрта заглушил грохот затяжных оваций и восторженные крики кавказцев.

Глубокой ночью принц датский Иван Курагин и зловещий Призрак Давид Чхония обнаружили себя на детской площадке неизвестного им двора. Они сидели в песочнице и были счастливы, перебирая наиболее яркие моменты промелькнувшего дня. Когда впечатления от спектакля и от банкета были исчерпаны, вся работа над ошибками проведена, внезапно вспомнили и про

Аню Шергину.

— Она сама не знает, чего сегодня лишилась! — со злорадством произнес Курага. — Могла бы проснуться звездой!

— Слущай! А что ты там гаварил пра атца? Ну, на видео! «Папраси атца, папраси атца!» О чем «папраси атца»? — поинтересовался Давид.

— Да я сам толком не знаю, — равнодушно бросил Гамлет. — Ее папик вроде крутой чел какой-то, дома сносит вместе с людьми!

— Залатая маладещ, слущий, — сплюнул Чхония, поднимаясь на детскую горку и лихо скатываясь обратно в песочницу. — Слущий, а давай пайдем к нэй! Прямо сэйчас! — вдруг осенило режиссера. — Расскажэм, как все било! Пусть страдаэт и мучаэтся!

— Пошли, — согласился Иван Курагин, который всегда был за любую движуху, кроме голодовки. — Заодно в глаза ей посмотрим!

Давид и Иван ринулись на поиски Ани Шергиной. Поздний час их не смущал, они все еще пребывали в эйфории от грандиозного успеха премьеры. Через некоторое время артисты оказались около взорванной водокачки. Вокруг ее огороженных руин, мерцая разноцветными окнами, высились дома. Приехавший из сибир-

ской глубинки Иван Курагин и спустившийся с кавказских гор Давид Чхония с грустью смотрели на чужие московские окна, понимая, что сами они еще очень нескоро станут частью этого благоустроенного мира. В одной из этих квартир должна жить Аня Шергина, дочь олигарха. Иван, по крайней мере, был в этом уверен.

— Что будем делать, маэстро? — деловито поинтересовался Курага.

Кажется, он был не прочь обойти в поисках Шергиной все окрестные дома от подвалов до чердаков. И неважно, сколько времени это может занять. Для потомственного сибиряка побегать по этажам — плевое дело. Но Чхония не спешил отирать незнакомые подъезды. Как обычно, он ждал наития.

— Нада падумат, — глубокомысленно изрек Давид. Его пытливый ум лихорадочно искал единственно верное решение.

Иван Курагин и Давид Чхония присели на сырую от ночной росы скамейку, чтобы хорошенько все обмозговать. Что делать дальше, было пока непонятно. Не орать же во все горло под чужими окнами, вызывая Аню во двор? Этот вариант артисты тоже не исключали, но приберегали его на самый крайний случай. Возможно, оба ждали,

кто из них первым предложит оставить затею с поиском Ани до лучших времен, хотя бы до наступления утра. Но сдаваться никто не хотел.

От внезапно подступившей меланхолии спасало вино, все еще булькавшее в предусмотрительно прихваченной на банкете канистре. Зловещий Призрак с печальным Гамлетом пили по очереди, закусывая сухофруктами, которые Давид щедрыми горстями доставал из карманов брюк.

— Не пей вина, Гертруда! — послышался у них за спиной низкий, с хрипотцой голос.

В первое мгновение оба артиста вспомнили почему-то Инну Сергеевну Хрюнову, обладавшую схожим грудным баритоном. Иван и Давид обернулись, и улыбки сползли с их лиц: перед ними стояла не Офелия и даже не Гертруда, а двое в штатском.

Была еще надежда, что это сегодняшние зрители, случайно узнавшие их на улице. Но и с этой иллюзией пришлось проститься: уж больно эти рослые незнакомцы были непохожи на театралов.

— Что мы тут ищем? — спросил один из них, перекрывая артистам путь к паническому бегству. Правую руку он держал в кармане.

— Ничего, дарагой, прэмэру отмичаим, слу-

щий! — Давид Чхония попытался включить свое обаяние, но сразу же осекся, осознав, что в данной ситуации его обезоруживающая улыбка не сработает, а может, напротив, привести к нежелательным последствиям.

— Документики! — равнодушно процедил один из штатских, и у Давида от его ледяного тона по спине побежали проворные мурашки.

Он вдруг вспомнил, что уже несколько месяцев живет в Москве без регистрации. Не давая штатским опомниться, Давид попытался прорваться через живой заслон, решив боднуть головой ближайший силуэт, но сразу же нырнул лицом в траву, больно ударившись вначале о локоть службиста, а затем и о холодную землю. Иван не успел понять, что происходит, хотел было кинуться на помощь другу, но почувствовал звонкий удар по уху, чему-то кротко улыбнулся и упал на землю рядом с Давидом.

Обоих обыскали и, скрутив, бросили в какой-то бесшумный транспорт. Куда-то медленно повезли.

— Вроде из этих, подопытных, — услышал Иван знакомый уже голос штатского.

— А черный к тому же нелегал, — подтвердил его напарник.

— Сам ты «черный»! — возмутился Давид, но получил в лоб и почти сразу же уснул.

Ивана тоже клонило в сон то ли от выпитого саперави, то ли от избытка эмоций, связанных с успешной премьерой, то ли от такого же короткого удара в лоб.

Очнулись артисты в той же комнате, где томились в неволе Аня Шергина вместе со своим отцом и ее одноклассники. Появление незнакомцев вывело подростков из гипноза. Аня Шергина внезапно увидела своих одноклассников, а те, к своему непередаваемому изумлению, обнаружили рядом с собой Аню и ее отца. Это было похоже на один из фокусов Дэвида Копперфильда.

При появлении Чхонии и Кураги воздух словно бы сгустился, и из ниоткуда на глазах у Ани материализовалась целая орава ее друзей. Лубоцкий, Полина, Дядя Федор, Наташа! Бог мой, все в сборе! Школьники кинулись друг к другу в объятия, как пассажиры «Титаника», чудом спасшиеся после столкновения с айсбергом. Все были рады незапланированной встрече, но никто не мог понять, почему раньше они не видели друг друга и что вообще произошло. Аня говорила, что находится тут уже довольно давно, но все это время была уверена, что, кроме нее с отцом, здесь никого

нет. А тут, оказывается, ютится чуть ли не весь ее класс. Ребята готовы были побожиться, что и они не видели ни Аню, ни ее папашу — виновника всех навалившихся на них бед. Ребята пытались понять, когда в последний раз открывалась дверь комнаты, но коллективная память не помогала.

Наконец вспомнили и про вновь прибывших. Разбуженные лицедеи сидели на четвереньках, тоже напрягали память, таращили и терли глаза. Кто-то узнал по голосу в Иване Курагине маньяка Курагу, душившего Шергину на фейковом видео. Но дальше этого дело не пошло. А уж присутствие странного грузина повергало в шок, граничивший с галлюцинацией. Одним словом, никто ничего не понимал. Началась полная неразбериха. Все галдели и размахивали руками, наперебой предлагая и навязывая свое видение случившегося. Но у каждого в голове мелькали слишком уж разные картины реальности, и договориться было невозможно. Сошлись на том, что здесь не обошлось без черной магии.

— Или гипноза… — авторитетно вставил свое веское слово отец Ани, и, похоже, он знал, о чем говорил.

Павел Шергин сидел в сторонке, и материализация толпы подростков, казалось, не произвела

на него особого впечатления.

Внезапно принц датский встретился взглядом с Офелией. Аня отошла наконец от своих одноклассников и с виноватой улыбкой приблизилась к Кураге. Неожиданно для себя самого Иван добродушно улыбнулся, хотя весь вечер прокручивал в голове сцену, как при встрече с коварной дочерью Полония испепелит ее уничтожающим взглядом. Чхония оказался злопамятнее. Оно и понятно — режиссер. Давид поднялся на ноги, характерно фыркнул и демонстративно отошел в сторону.

— Ну, как прошло? — спросила Аня, вытирая платком все еще кровоточащий нос Гамлета. — Отыграли?

— Фантастика! — ответил Курагин, почему-то икая. — Полный зал! Хлопали минут десять, не меньше! Не отпускали!

— Тритсадь мэнут! — отозвался из своего угла Давид Чхония. — Тритсадь мэнут хлопали! Как сумашэдшиэ, слущий! Ты многоэ потэрала!

— Извините, мальчики. — Аня опустила глаза. — Вы же видите, я не могла прийти! Все это время я была здесь…

— Сдэсь?! Что значит сдэсь?! — заорал вдруг Чхония, в сердце которого вспыхнул и запылал пожар кавказского свободолюбия. — Гдэ мы?!

Почэму нас дэржат в нэволэ-э-э-э! Свободу-у-у-у! Тираны-ы-ы-ы!

В этот момент Давид Чхония был похож на молодого Гарибальди, под пулями всходящего на баррикаду. Громкий голос торговца сухофруктами взвился под потолок, глухо ударяясь о мягкие стены. Но никто из находившихся в заточении малолетних узников его революционного пыла не поддержал. Возможно, просто не успел. Потому что в следующее мгновение дверь бесшумно отворилась и на пороге показался бравый Генерал. В лампасах и с медалями, все как положено. За его спиной возвышались все те же две широкоплечие фигуры в штатском.

— Ну что, орлы, раскудахтались? — по-отечески пожурил Генерал, сладко улыбнулся, и на груди его, издавая рюмочный звон, тренькнули ордена. — Пора на выход! Хозяин ждет!

Глава 18
Волнушки
Дарья Бобылева[34]

Что-то метнулось, глухо рыча, в самой глубине подвала, там, где рассеивался дрожащий луч фонаря и волновались длинные тени.

— Кто здесь? — крикнул долговязый парень, неуловимо похожий на Андрея Лубоцкого, но покрасивее и с умилительной ямочкой на волевом подбородке.

Кружок света прыгнул вверх, на сырые трубы, и в нем зашипела выхваченная из темноты кошка.

— Киса! — вздрогнула холеная девица, отдаленно напоминающая Лелю Абрикосову, только постройнее. — Как же ты нас напугала!

Глаза красавца, по неизвестным причинам похожего на Лубоцкого, расширились. Он увидел что-то за плечом прижавшейся к нему девицы. Что-то выглядывало из-за ящиков, оценивало

---

[34] Примечания: 34

Дарья Бобылева — прозаик, переводчик. Публиковалась в журналах «Октябрь», «Нева», «Сибирские огни», сборниках *Flash-story*, «Лед и пламень», «Литеры». Автор книг «Забытый человек», «Вьюрки», «Ночной взгляд», серии «Самая страшная книга». Лауреат премий «Новые горизонты», «Мастера ужасов».

обстановку и примеривалось, а несколько секунд спустя, спрыгнув — или свалившись? — на пол, быстро покатилось к ним.

— Люси, беги! — скомандовал красавец, толкая свою спутницу к выходу из подвала. — Встретимся наверху! Беги и не оглядывайся!

Красавец перехватил фонарик поудобнее и принял боевую стойку, готовый дать последний и решительный бой тому, что, вспарывая доски и вышибая пар из труб, неслось ему навстречу…

— От дебилы! — резюмировал сторож Дыбенко и нажал пробел, застопорив героического юношу в несколько неудобной позе. Похрустел шеей, щелчком раздавил ползущую по ополовиненной бутылке моль, размазал по ногтю серебристую пыльцу.

За тюлевым лоскутом занавески пронзительно светила луна, и в ее прохладном свете сторожу чудился высокий, неживой и неумолчный звук, словно кто-то медленно вел скальпелем по дну эмалированного лотка с инструментами. Раньше Дыбенко работал в морге. А еще раньше, в совсем допотопные времена, которые отзывались в памяти только хохотом на переменах и снежным скрипом мела по доске, полтора года отучился в музыкальной школе. Мать заставила и не давала

бросить, пока жива была. Мать отзывалась в памяти тающим морковным пирогом. Кажется, только она догадывалась, что туповатый и смурной Дыбенко — синестетик.

После того как реновацию Калачёвского квартала — так снос домов и последующая грандиозная стройка были обозначены в официальных документах — приостановили по очередному окрику сверху, всю технику и материалы свезли сюда, в уже огороженный для работ двор дома номер три. Из-за камнееды его оперативно признали аварийным и почти полностью расселили, остались только несколько сумасшедших бабок, которым то предлагаемый этаж был не тот, то в Новые Черемушки не хотелось. Поскольку район был приличный, охранять строительное добро отрядили почти не пьющего сторожа Дыбенко славянской внешности, но бабки все равно остались недовольны. Дыбенко подозревал, что это они по ночам бросают камешки в окно его бытовки и стучат в стены, мешая спать.

Да больше и некому было.

На кривой пластмассовой двери биотуалета оказалась сломана задвижка. Даже не сломана — ее просто вырвали, оставив в синем пластике звездообразную дыру. «Старушки-разбойни-

цы», — беззлобно подумал Дыбенко и спустил штаны, хотя пришел сюда лишь по малой нужде. «Смотрите, дуры, лишили человека права на законное уединение — любуйтесь теперь».

Звенела в черном московском небе ледяная луна, осыпались, шурша, пожираемые каменной плесенью стены, безмятежно журчал Дыбенко. И что-то действительно смотрело на него, голозадого и ни о чем не подозревающего, так удобно упакованного в синюю пластмассовую коробку. Смотрело, оценивало обстановку и примеривалось.

* * *

Аня Шергина привыкла не робеть перед особенными людьми. Кто только не возникал перед ней, когда она стояла рядом с папой, благоухающим парфюмерной водой *Clive Christian* и крепким пóтом, и кивала под добродушное рокотание: «Анечка, дочь, дочка моя, Анюта…» Многих таких людей Аня часто видела в новостях, в гулявших по школьным чатам антикоррупционных роликах, в клипах и разоблачительных видео из телеграм-каналов. Одну красавицу-певицу даже убили, засунули в чемодан и утопили в Строгинской пойме, причем провернул все тот самый

шустрый старичок из строительного департамента, с которым Аня в первый и последний раз видела певицу живой.

Но рядом с этим человеком было все-таки както не по себе. Странно было оттого, что он не в телевизоре, сейчас не двенадцать ночи, пьяненькая мама не держит бокал за хрустальную ножку, а за панорамным окном не сыплет пушистый нерусский снег. Вспоминалось и еще что-то — вода, зыбкие фигуры в полутьме, склизкое весло… это, наверное, был сон, образы ускользали при малейшей попытке их задержать, и все почему-то заглушала песня: «Но мой пло-о-о-от…» В том сне рядом был папа.

— …Или вот отец ваш, Павел Николаевич, — продолжал человек, которого проводивший их сюда Генерал подобострастно называл Хозяином. — О нем что скажете?

— Можно мне к нему? — быстро, глядя в пол, попросила Аня. — Пожалуйста…

Все произошло так быстро, что она даже не поняла, в какой именно момент оказалась тут, наедине с Хозяином. Они все вместе шли по коридору, бодрились, нервно пересмеивались; впереди умиротворяюще позвякивал орденами генерал, точно вожак стада — колокольчиком.

И вдруг кто-то схватил Аню под локти, отскочил от стен начальственный окрик, вскрикнула Лиза Дейнен… А дальше — сияющий, хоть и тесноватый кабинет, янтарный паркет, новогодний лик напротив. И бесконечные, подробные, с какой-то следовательской ехидцей — может, показалось все-таки, а может, профдеформация у человека, успокаивала себя Аня, — и со следовательским же упорством задаваемые вопросы. Все они были про Аниных друзей — про Безносова, про Дорохова, про Дейнен, про Лубоцкого, про Васю Селезнева. И самые неожиданные детали вдруг вызывали у Хозяина неподдельный интерес, вроде той, что Петя Безносов до недавнего времени пользовался допотопным бабушкофоном.

— Хм, это такой, с кнопками? — оживился Хозяин, быстро записывая что-то в блокнот. — Школьник пятнадцати лет, центр Москвы, престижная школа, активная социальная жизнь — и телефон с кнопками? А шапки такой меховой, круглой у него нет? Шарф, может, мохеровый? Нет? Хм. Он, случайно, не любит иногда пожевать гудрон? Что? Что такое гудрон? Не знаете? Это хорошо. А он знает? Хм. А карбид? Петр никогда не предлагал бросить в школьный туалет карбид?

И так до бесконечности, про каждого. Аня то

бледнела, то пламенела ушами, ужасаясь: ну что, что же вы такое натворили, что вы задумали, в чем вас обвинить хотят, подполье у вас какое-то, что ли, тайное общество, декабристы с Калачёвки, революционеры, пахнущие маминими котлетками, глупенькие, ну почему же вы мне не сказали, не доверяли, да? А спустя минуту сама же млела от собственного отчаянного героизма: ничего ему не скажу, никого не сдам, никогда. Смотрела на Хозяина решительно и страдальчески, напрочь забыв о том, что сдавать некого и ничегошеньки она не знает.

Но когда Хозяин упомянул отца, ноги у Ани стали ватными. Она лепетала что-то, надеясь скрыть замешательство. Она очень любит папу, папа много работает, видятся они, конечно, нечасто, но папа хороший, все ей покупает, у нее все есть… Да, из-за этого строительства у нее были проблемы с одноклассниками и с самим папой тоже, это очень сложная история… Но папа хочет сделать Москву лучше, современнее, ведь город меняется, а Калачёвка старая, и один раз у них в гимназии даже кусок штукатурки упал с потолка пятикласснику на голову.

— А политические взгляды вашего отца вам известны?

Сердце сосулькой ухнуло вниз. Аня смотрела на паркет.

— Говорите. Он наверняка учил вас говорить только правду.

Аня кивнула.

— А еще наверняка он регулярно обсуждал с вами свои политические предпочтения.

«Кажется, я снова кивнула», — запаниковала Аня. Нет, нет, показалось. Нет, кивнула, по инерции.

— Давайте подытожим: у нас имеется богатейший Павел Николаевич, любящий отец с прогрессивными взглядами, которые он регулярно обсуждает с малолетней дочерью…

— Сейчас уже нет, — выпалила Аня и сама себе зажала рот.

— Тем более, конечно. Сейчас безопаснее так. Да и как вы пойдете против отца-либерала, кто же будет олицетворять затхлое прошлое для вашего подросткового бунта? Но он продолжает оплачивать все ваши прихоти. И не задает лишних вопросов: ведь он постоянно занят. Он строит нашу похорошевшую столицу. Хм. Что именно он, кстати, уже построил?

Аня попыталась вспомнить названия элитных комплексов, гостиниц, но в голове была звонкая

пустота.

— Он просто строит, в метафизическом смысле. Он царь и демиург. Он все вам позволяет. Хм. Он заварил всю эту кашу со сносом Калачёвского квартала именно в тот момент, когда вас затянула школьная рутина. Появились первые признаки депрессии, вам так хотелось событий, опасностей, куража… Задумайтесь, Анечка. Анечка?

Аня подняла голову. По щекам бежали быстрые холодные слезы.

— Задумайтесь: а на самом ли деле это ваш отец? — торжественно закончил Хозяин и достал из кармана бабушкофон — в точности такой же, как у Пети Безносова. — Осип Алексеевич? Да, готовы. Подать сюда труп.

* * *

Сторож Дыбенко не мог пошевелиться. Что-то еще податливое, но ощутимо твердеющее обхватило все его тело. Ныли неудобно согнутые конечности — Дыбенко был подвешен в тяжелой плотной массе в позе эмбриона. Мокрая пленка облепила лицо, она пахла теплым мучным клейстером — недавно Дыбенко научил своего мелкого варить такой клейстер; бывшая потом орала, что он заклеил в доме все, а недособаке

породы чихуахуа пытался влить клейстер под хвост, чтобы больше не надо было выгуливать.

Дыбенко замычал в приступе полусознательного смеха. Пленка отклеилась от лица и повисла на подбородке тяжелым лоскутом.

— Зина! — сказал дребезжащий голос. — Зина, ну кто так клеит?

Разлепив наконец залитые клейстером веки, Дыбенко увидел перед собой одну из тех чертовых бабок, которые отказывались покидать свои квартиры в доме номер три. Бабка смотрела на него так, как обычно смотрят на кровавое пятно от неудачно раздавленного комара.

— Зина, ну до чего ты неаккуратная! И тот у тебя торчит, и этот отклеился!

Взглянув туда, куда показывала ворчливая бабка, Дыбенко обмер — из стены напротив торчали слабо шевелящиеся человеческие кисти, а повыше кистей из полосатых бумажных обоев смотрело вполоборота лицо. Ввалившийся воспаленный глаз бешено косился на Дыбенко, дергался свободный край губ.

Дыбенко отчаянно забился, но движения его были скорее воображаемыми.

— Тихо, миленький, тихо, — смягчилась бабка и наклеила кусок полосатых обоев обратно

сторожу на лицо. — Никто еще не уходил, и ты не уйдешь.

— Готовы, Нина Пална? — спросил другой голос, тоже старушечий, но более мягкий, грудной.

— Готовы. Этот последний.

— А точно годится? С тем-то, с дворником, помните, что вышло?

Дворник, смиренный гастарбайтер в шапочке и с непроизносимым именем, пропал неделю назад. Дыбенко искал его, чтобы подмел вокруг бытовки, а старухи сказали, что он тут больше не работает. Дыбенко опять замычал, набрать в грудь воздуха для полноценного вопля не получалось.

— Не годится, Зиночка, чтобы обои отваливались. А этот годится. Внешность славянская, по материной линии москвич в третьем колене, черных кровей нет. Хороший парень, питательный.

Хлопнула дверь, зашаркали ноги — одна пара, две. Невидимая комната вокруг Дыбенко наполнилась голосами.

— Клавдия Семеновна… Ирочка, вот так сюрприз!.. Валентина, вы принесли свечи?

Наконец стало тихо, запахло открытым огнем — еще слабым и безопасным, с привкусом праздничного торта. Дыбенко вспомнил об оставшейся

там, в его далеком и уютном дворовом гнезде, ополовиненной бутылке, и бессильная ярость вспыхнула в стиснутой груди. Что-то в толще изъеденной плесенью стены поддалось, буквально на миллиметр, и Дыбенко, со свистом втянув воздух, закричал долго и матерно.

— Восстань, великий, — ответил ему хор старушечьих голосов. — Восстань, древний. Восстань, многоглазый улей, вместилище жизни. Восстань, великий…

* * *

Дверь отворилась, и люди с неприметными лицами ввезли в кабинет больничную каталку, накрытую розовым детсадовским одеялом. Под одеялом угадывались продолговатые контуры. Хозяин кивнул неприметным, которые тут же выскользнули обратно в коридор, и поднял одеяло.

Аня взвизгнула, увидев на скользком дерматине бледного и спокойного, раздетого до тугих боксеров Ивана Курагина, звезду молодежного театра «Беспечная улица», которому Давид Чхония в режиссерском экстазе пророчил место в Большом, хотя ни петь, ни танцевать бедный Гамлет не умел. Хозяин взял Курагина за подбородок, повернул голову в одну сторону, потом в

другую — труп, как видно, был совсем свежим — и свободной рукой поманил к себе Аню:

— Подойдите ближе, не бойтесь. Что же вы так позеленели? К смерти надо приучать себя с детства, все мертвыми будем.

Вблизи Курагин казался еще более бледным, почти прозрачным. Пересиливая ужас, Аня пригляделась и поняла, что, в общем-то, и не казался: его уши действительно были полупрозрачными, словно медузы, а сквозь пальцы проступал шероховатый дерматин каталки. Аня вопросительно посмотрела на Хозяина и увидела на его новогоднем лике улыбку.

— Технически он даже не мертвый, Анечка, потому что его вообще никогда не было. Это волнушка. Специалисты наши их так прозвали. В данный момент — волнушка в стадии полураспада, они не сразу исчезают. Хм-хм… С этим персонажем все сразу понятно было. Ваш грузинский коллега мечтал об идеальном актере — и вот он, пожалуйста. Только играть и умел, для того и возник. Вы не в актерском, скажем так, амплуа его видели? Вот и пожалуйста. Голая функция. С другими посложнее, конечно.

Аня в детстве гуляла с бабушкой в лесу под Парголово и знала, что волнушки — это такие

грибы, розовые, с приятно махровыми краями вогнутой шляпки. Бабушка надрезала наманикюренным ногтем грибную мякоть, показывала Ане капли млечного сока и говорила, что волнушки роскошны в холодной засолке. Аня отчетливо вспомнила бабушкин голос и с трудом поборола внезапное желание царапнуть ногтем щеку Курагина, чтобы посмотреть, не проступит ли сок. Наверное, вид у нее стал при этом совсем уж безумный, потому что Хозяин пододвинул стул:

— Садитесь, Анечка. Я вам все сейчас объясню.

И объяснил, хмыкая и покашливая, точно сам считал нужным отреагировать на свои особо удачные реплики. Хлопая заплаканными глазами, Аня слушала про то, что под Калачёвским кварталом враги — а может, и не враги — с незапамятных времен спрятали — а может, и не спрятали — источник психотропного излучения, ныне известный как Волна. И соответствующим службам давно понятно, что под воздействием Волны люди впадают в так называемое волновое помешательство, самая безобидная форма которого — уход в мир безумных фантазий. Петя вообразил себе отца-олигарха и сказочное богатство, Дейнен — сверхъестественные способности, сама Аня — путешествие с отцом по подземному

Стиксу… Но не так давно специалисты выяснили, что все еще хуже. Галлюцинации тех, кто слишком долго находился под воздействием Волны, оказались способны буквально воплощаться в реальность. Опергруппа побывала в воображаемой квартире Безносова и обнаружила, что она действительно существует, хотя и находится по причине длительного отсутствия своего хозяина в стадии распада. Такие фантомы, прозванные волнушками, попадаются в районе Калачёвки повсеместно. Волнушкой может оказаться что угодно — предмет, помещение, но чаще всего это человек. Любящая супруга, заботливый отец, талантливый молодой актер, таинственный преследователь-двойник, помогающий почувствовать себя значимым, — тот, кого так отчаянно не хватает бредящему для счастья. Тайные желания — штука сложная и запутанная, часто безумец сам оказывается не рад тому, кого вызвал. Как сама Аня была совсем не рада Эрике — волнушке в стадии формирования, так и не успевшей покинуть пределы ее воображения…

— Эрика была волнушкой?..

— Мистическая шпионка, возникшая в тот момент, когда на вас совсем перестали обращать внимание? Говорящая на немецком с ошибками?

Nabelküsser ist tot, Анечка. *Tot*, а не *tod*. В немецком произношении разница очень хорошо слышна. Вам простительно, вы же английский изучаете, а Эрика знать больше вашего не могла. На таких мелочах они и прокалываются. На несоответствиях вроде… как вы сказали? Вроде бабушкофона у ученика престижной московской школы.

— Но вы же сказали, что Петя сам создал волнушку! Квартиру! Не может же…

— В том и беда, Анечка, что может. Волнушки не знают, что они фантомы. Обретя достаточную… хм, материальность, они начинают обрастать собственными волнушками. И так до бесконечности. Возможно, весь Калачёвский квартал полностью находится в воображаемой реальности, неотличимой от нашей и вступающей с ней в неизвестно чем чреватое взаимодействие. Возможно, воображаемая реальность уже вышла за его пределы. Возможно… — Хозяин поперхнулся. — Анечка. Вы два года провели в Швейцарии. Что там было? Что вы помните?

* * *

Слишком много их он видел, осязал, вдыхал их гнусные солоноватые испарения. Слишком долго терпел, пока они наплачутся, наедятся,

налюбятся и станут наконец спокойными продолговатыми предметами. Такими их можно было терпеть, такие слоями лежали там, внизу, откуда шло живительное подземное сияние, и питали его. Обрывки их сереньких душ сливались в единую, могучую и огромную его собственную душу. Потому он и терпел, наливаясь их жизнями, познавая их разумом. Он сам взращивал их, как муравьи терпеливо взращивают тлю.

Но теперь они захотели его убить. Поселили в нутро болезнь, разрушающую плоть, притащили свои тарахтящие пыточные инструменты. Задумали поставить на его место другого, как будто они здесь решали, как будто они были главными.

Хорошо, что у него были верные рабыни-служительницы, из поколения в поколение передававшие священное знание: главное — хранить очаг, беречь дом, тут их место и счастье. Они подлатали его изъеденную болезнью плоть теплыми телами своих собратьев, насытили его их жизнями — родными, узнаваемыми, от чуждых у него случалось несварение, — и теперь смиренным хором взывали:

— Восстань, великий! Восстань, многоглазый улей, вместилище жизни!

Дом номер три распахнул окна и издал оглушительный рев.

* * *

— Ну что, понимаете теперь, что вы… что мы все натворили? Под воздействием Волны этой проклятой, а? Понимаете, что если не разберемся, кто из нас человек, а кто волнушка дрожащая, то все, все погибнем, Анечка? — Лицо Хозяина кривилось в разные стороны, нос по-мышиному подрагивал. — А у меня и вовсе теорийка одна есть. Подойдите сюда, Анечка. Аннушка. Анюточка. Вы не бойтесь, хм…

Он придерживал коротенькими пальцами край золотистой казенной занавески и косился на улицу. А там, снаружи, слышался отдаленный тяжкий грохот.

— А что, если все мы тут волнушки, Анюточка? Одного поля, мнэ-мнэ, грибочки? Вы у нас девушка со странностями, но ведь и я, если начистоту говорить, какой-то странный. Я уж и помирал, и тонул, и пророчествовал, и чего только не творил. А может, ни вас нет, ни меня нет, ни России нет уже? А? Это же конец света, Аннушка. А? И из чьей головы мы все растем в таком случае, как вы думаете-с? Со словоерсами заговорил — видите,

как все сбоит нынче в реальности, данной нам в ощущении? А что, если из вашей? Может, вы-то, Анечка, и есть наша мессия, вон и бледненькая вы, и личико иконописное вполне, испитое. Да не возмущайтесь вы, племя младое, необразованное, это значит, что изможденное у вас личико, а не как у бомжихи… *Nabelküsser ist tot*. А *Tod*, как волнушка ваша вещала, — это по-русски смерть, Анечка. Все умрем, все в галлюцинациях чужих потонем, если не узнаем, откуда все это растет, понимаете, Анечка? А может, вы-то все это и остановите, если мы в вашей голове сидим!

«Совсем с ума сошел, — подумала Аня, глядя на его бледное, тоже, как у мертвого Курагина, словно прозрачнеющее лицо. — Как по-немецки „сумасшедший“? Кажется, *verrückt*. Кажется, в этот раз без ошибок…»

И она наконец посмотрела туда, куда так упорно показывал Хозяин, — в окно.

На горизонте зеленел Калачёвский квартал — она всегда узнавала его по чудом сохранившимся тополям и церковной маковке. Над кварталом вздымался столб пыли, и что-то огромное ворочалось там, оглашая город многоголосым ревом. «Это Ктулху, — подумала Аня. — Они разбудили Ктулху».

— Вы на главный вопрос ответьте, Анечка, — засвистел ей на ухо Хозяин. — Сами-то вы кто? Помните Швейцарию? Два года в гипсе? Неназываемая болезнь позвоночника?

Похоже, Ктулху, ломая асфальт, шагал к ним. Аня рассеянно кивнула.

— Вы вообще из Швейцарии возвращались? — шепот стал почти беззвучным. — Или вас здесь никогда и не было?

Глава 19
Не боги Серафима Орлова[35]

Дверь распахнулась. Люди в штатском впихнули Аню Шергину внутрь, к остальным, и снова заперли пленников. Аня была явственно зеленой, сразу осела на пол. Шергин, Вася Селезнев и девочки — все, кроме Лизы Дейнен, — бросились к ней, а Федя Дорохов и Андрей Лубоцкий — к двери, яростно барабаня кулаками и требуя выпустить их наконец. Ответа не последовало. Удары сыпались на дверь, через минуту к ним прибавилось странное эхо. Федя замер, шикнул на Андрея и Наташу Батайцеву, с причитаниями обмахивавшую Аню надушенным платочком. Все замерли и прислушались. Где-то вдали раздался гул, мерный и словно бы осязаемый. Все вокруг едва ощутимо вибрировало. Нет, это были не

---

[35] Примечания: 35

Серафима Орлова — драматург и детский писатель. Автор пьес «Заречные материалы», «Про город», «Хочу по правде», «Аста», «Профессор музыки», повестей «Химера», «Голова-жестянка». Лауреат конкурса к столетию драматурга В. Розова, конкурса «Ремарка», премий им. В. Крапивина, им. Ф. Достоевского, участник фестиваля молодой драматургии «Любимовка» и лаборатории «Практика постдраматурга».

удары, скорее, подземные толчки.

— Сюда, что ли, Годзилла идет? — Федя почесал в затылке.

— Хуже, — мрачно ответила Аня.

— Что ты знаешь? Говори, времени в обрез, а любая информация может помочь нам выбраться! — Федя хотел вцепиться в Аню, но Вася встал на его пути:

— Ты видишь, она еле жива!

— Нет-нет, он прав, надо рассказать. — Аня устало скривила губы.

Сил, чтобы поведать безумную сагу о Волне и человеке с новогоднего экрана, не было. И времени действительно не хватало, чтобы изложить все достоверно. Но придется как есть. Она открыла рот и осеклась. Сквозь гулкие удары прорвался новый звук: шум вертолета.

— Сбегает, — прошептала Аня.

— Кто? — напирал Федя.

— Да Хозяин… Боюсь, теперь мы совсем не защищены, раньше здесь хоть его охрана была, а теперь нас могут раздавить как котят. Нужно выбираться отсюда любым способом.

И Аня, насколько смогла коротко, поведала одноклассникам и оторопевшему отцу все, что узнала о природе Волны. И заодно про новое,

поистине шизофреническое порождение Волны — беснующийся на горизонте дом-чудовище из Калачёвского квартала.

— Я думаю, если кто и сможет сейчас что-то с этим сделать, так это Лиза, — подытожила Аня. — Она вроде как может влиять на Волну… У нее какой-то природный передатчик вшит, наверное. Мы это уже видели не раз.

Все разом обернулись к Лизе — она сидела в углу с блокнотом и рисовала в нем каракули, как делала это всегда от ужаса немоты перед чистым листом, да и просто от ужаса. Лиза тоже была бы рада к кому-нибудь обернуться, но переложить ответственность оказалось не на кого. Даже верный Андрей Лубоцкий только и смог, что отойти от двери и сесть рядом с Лизой. Она почувствовала его тепло, энергия напружиненного, сильного тела кольнула ее, заставив расправить плечи. Лиза наконец смогла посмотреть Ане в глаза:

— А если окажется, что все мы ненастоящие?

— Я не думаю, что мы ненастоящие, — быстро заговорил Федя, не давая Ане ответить самой. — На самом деле мы сейчас в суперпозиции, как кот Шрёдингера. Мы и настоящие, и нет. То есть с помощью Волны мы можем повлиять на подлинность своего существования. Если ты, Лиза, нас

не развоплотишь с помощью письма, нас никто не отличит от настоящих. Как и Калачёвский квартал. Как и весь этот район… а может быть, и больше… шире…

— Загадочная русская душа, — пробормотала Лиза. — Душа под Волной…

— И что? Не тормози. — Федя снова входил в раж.

— Ничего… Мой папа датчанин. Не уверена, что понимаю эти штуки с русской душой.

— Не вижу, как это…

— Я вообще думал, что мой отец — это твой отец тоже, — вмешался Петя Безносов. — Ну, все к этому вело. У тебя способности, значит, ты третий ребенок, нужный для ритуала. Но, видимо, ритуала никакого не существует, я даже не понимаю теперь, есть ли у меня отец или я гомункул какой-то…

— Ритуал, — пробормотала Лиза. — Может быть, если очень верить, получится все это запечатать… только как верить, если вы мне все рассказали? Вы рассказали мне слишком много! — в сердцах воскликнула она. — Я теперь не могу отделаться…

Лиза снова скорчилась у стены и обхватила голову руками, кожей чувствуя направленные

на нее взгляды. Только Андрей не смотрел. Он просто сидел рядом, не говоря ни слова. Его тепло через прикосновение локтя переливалось в Лизу, как донорская кровь. От этого прикосновения в Лизе поднималась новая сила, погребенный под спудом неведомый внутренний резерв.

— Я попробую, — нехотя сказала Лиза. — Только отвернитесь все и не галдите. Нет, ты, Андрей, не уходи.

Лист со спасительными каракулями был перевернут, и перед Лизой вновь оказалась ужасная в своей первозданности чистая страница.

— Годзилла, — прошептал Андрей. — Большой страшный Годзилла из кирпича и арматуры. Штукатурный монстр. Смешно же. Мы в гребаном аниме…

Лиза и не хотела, а хихикнула.

— Бояр-аниме, — поправила она. — Все признаки налицо: сверхспособности, клановые интриги, чудовища, магия-шмагия, распадающийся на части мультиверсум…

— Только вместо японцев датчане, — развил идею Андрей. — Еще у Миядзаки ходячий замок сперли.

Лиза засмеялась в голос. Федя Дорохов не выдержал и гневно оглянулся. Ему совсем не хотелось

быть раздавленным штукатурным Годзиллой всмятку. Судя по подземным толчкам, взбесившийся дом шагал уже совсем близко.

— Нужно что-то писать, Лиз, — мягко подтолкнул Андрей. — Хочешь, начни, как Тургенев, когда у него был писательский блок… похабное что-нибудь напиши, пусть даже «Русский вестник» этим не удовлетворится[36].

— Да нет, — поморщилась Лиза.

— Зато просмеешься — и легче станет.

— Да я уже просмеялась.

Лиза зажмурилась и начала водить ручкой по бумаге, чтобы все-таки снять блок и вывести первую букву, но вместо слов снова возникал рисунок. То самое, что так ее напугало, когда она услышала рассказ Ани о природе Волны. Проклятье, это была карта мира, но искаженная, скомканная, выжранная неведомым зверем. Волна сконструировала под собой таинственные земли, великую Тартарию, которая, едва сверхъестественное влияние ослабло, исчезла,

---

[36] Примечания: 36

Аллюзия на письмо И. С. Тургенева В. П. Боткину от 17 (29) мая 1856 г.: «*Одним словом, никакого сочинения в голове не имеется. Я начал было одну главу следующими (столь новыми) словами: „В один прекрасный день“ — потом вымарал „прекрасный“ — потом вымарал „один“ — потом вымарал все и написал крупными буквами: <…> мать! Да на том и покончил. Но я думаю, „Русский вестник“ этим не удовлетворится*».

провалилась на дно сияющего озера. Евразийский континент сам себе откусил спину.

«Нас нет, — не могла отделаться от разрушительной мысли Лиза. — Нас всех нет. Все выдумано: география, история, культура. Все измыслено неведомым заезжим фантазером, подхвачено Волной и воплощено среди глухих лесов и аукающих болот… Мы все чудь…»

Лиза ударила себя кулаком в лоб, сжала пальцы до хруста, растерла костяшками кожу. Если она будет слишком истово думать об этом, все так и выйдет, а не застревать на страшной мысли не получается.

Заезжим датчанином… заезжим сказочником…

«Все должно быть совсем другим, — подумалось в отчаянии. — Причины должны быть совсем другими… какими-то очень простыми… а нам все так объяснили, чтобы мы поспособствовали собственному уничтожению. Горизонт закрутится, все схлопнется, нет, нет, не думать…»

Андрей гладил ее руку. Левую. В правой была ручка, давно прорвавшая бумагу.

«Хочу быть ребенком, — тоскливо отозвалась на прикосновения Лиза. — Пусть бы кто-то за меня отвечал. Разве фантазии человечества о

богах не то же самое? Так хочется, чтобы кто-то отвечал за весь этот бедлам. Кто-то, не ты».

Мысль о богах утешала, подбадривала. Наверное, эта мысль тоже была анимешной, укладывалась в общую стилистику. Лиза думала о том, что, скажем, в синтоизме боги живут под каждым кустом и им можно в любой момент предъявить за базар. Жаль, что она не синтоистка, но этой концепцией стоило воспользоваться.

Энергия наконец скопилась в теле и заструилась через ручку на бумагу. Лиза подхватилась и стала писать, полубессознательно, перенося в блокнот строчки раньше, чем осознавала их смысл.

«Боги должны быть какими-то очень обычными и не подозревать, что они боги. Пусть у них будет много бумажной работы, как у рядового офисного планктона. Пусть они будут способны творить, но не осознают свою ответственность. Пусть у них все выходит случайно, а на реальность влияет совсем не то, что они почитают лучшим из созданного…»

Кровь прилила к щекам, Лизе становилось жарко. Она писала все быстрее, будто медиум — проводник чужой воли. Подземные толчки стихли, но Лиза не обращала на это внимания.

«Одна из богинь любит ходить в желтом пиджаке, — строчила Лиза. — У другого бога седые усы щеточкой и младшая сестра, она рыжая… Третий бог очень румяный, кровь с молоком, и у него пышная борода, он разбирается в музыке…»

Бред. Реальный бред собачий. Лиза уже видела перед собой удивленные лица этих людей, вызванных из небытия. Они были вырваны из контекста своей жизни, вытащены из самых разных ситуаций — поездка в метро, концерт, до́ма перед маленькой дочерью с ложкой каши, — и теперь они все как будто стояли перед ней со своими смешными повседневными занятиями, со своими планшетами, нотами и ложками, а она обращалась к ним, давя внутри смех:

«Вам, наверное, интересно, зачем я вас всех здесь собрала?»

Тот, с седыми усами, пожал плечами и раздраженно переступил с ноги на ногу, как бы намекая, что он человек занятой и ему нужно вернуться к работе. Лиза не могла понять, почему они с ней не говорят. Может, человеку не дано слышать голос богов? Из ушей кровь потечет? Только человек может обращаться к богу, не наоборот.

Просьба обычная, просьба банальная — все это нужно остановить. Запечатать Волну. Вы, ребята,

находитесь на изнанке мира, видите все просто и ясно, знаете, откуда идут вероятностные нити. В ваших силах переплести все заново. Потому что жить в бесконечно меняющемся сновиденном мире нет уже никаких сил.

Человеку нужно что-то, что он считает настоящим, подлинным. Только это дает силы существовать. Войдите в наше положение.

Боги, кажется, поняли, во всяком случае, кто-то из них кивнул. Лиза надеялась, что они поняли правильно. Все должно вернуться в нормальное состояние. Без шизофрении. А этот вариант развития вселенной надо забраковать, отправить его скомканным исписанным листом в мусорную корзинку. А они все вернутся к началу, где нет еще ни взорванной водокачки, ни проекта Шергина. В конце концов, почему именно жителям Калачёвского квартала так не повезло?

Пусть не повезет кому-то другому. Это вполне в божественных силах.

Пусть не повезет кому-то другому. Пусть кто-то другой страдает и расселяется. Пусть древняя хтонь под домами не будет потревожена, потому что ее просто не существует. Мир скучный и безопасный, привычный, наполненный привычным злом, которое тем не менее происходит не с

нами. Почему не с нами? Потому что мы попросили, чтоб не с нами. Мы очень хорошо попросили.

Заяц пусть не приходит, он не может…

— Лиза! Лиза! — Андрей тормошил ее. Оказывается, она на секунду уснула над блокнотом.

Лиза открыла глаза. В лицо бил яркий свет. Одна из стен каземата исчезла. Внутри уже было пусто — все, наверное, поторопились выйти. Андрей схватил Лизу за руку и вывел из заточения. Они оказались на территории, огороженной забором, пересыпанной кирпичом и битым щебнем. Позади оставался наполовину снесенный дом, видимо, тоже жертва реновации.

Пусть не повезет кому-то другому.

— Где все? — заозиралась Лиза.

— Петька, наверное, побежал свою квартиру проверять, интересно же, исчезла она или нет, — сказал Андрей. — Ну и остальные за ним потянулись. Кроме Шергиных. Аня что-то совсем плоха, они домой пошли.

— Откуда здесь мог взлететь вертолет… — пробормотала Лиза.

— Что?

— Ничего, о некоторых вещах лучше не думать…

— Дашь почитать, что у тебя получилось? —

Андрей потянулся к блокноту.

— Не стоит, — отказалась Лиза и честно добавила: — Это худшее мое произведение. Автоматическое письмо — совсем не мой метод. Сюрреалисты бы животики надорвали.

— Не думаю, что это худшее произведение. Рисуешь ты точно намного хуже!

Они рассмеялись и стали перебираться через каменные завалы.

Пыльный осенний воздух пах сырой штукатуркой, щебенкой, легким дождем. Машины медленно ползли по переулку, перекопанному очередным ремонтом. Тут и там лежали толстые красные трубы, похожие на спагетти. Паста собяньяра, как сказал один ее друг. Андрей и Лиза пробирались по усложненному ремонтом ландшафту, обходя заграждения и ступая в мокрый песок. Все это было страшно родным и успокаивающе привычным. Родное, привычное зло, нацепившее маску бессмысленного благоустройства, зряшных трат в попытках сделать удобнее то, что и так удобно, чище то, что и так чисто, лучше то, что и так хорошо. Улучшайзер, погружающий все в грязь и хаос. Шизофрения. Нет, обсессивно-компульсивное расстройство. Вот лицо демона Москвы. Если есть боги, то есть

и демоны, правда? А может, боги и демоны — это одно и то же? Просто силы, которые что-то бесконечно подкручивают в мироздании.

Лизе Дейнен не хотелось быть ни богом, ни демоном. Напротив, ей хотелось навсегда сбросить с себя этот груз ответственности, а потом всласть ругать тех, кто сохранил способность что-то решать. Честное слово, никто в целом свете не хочет что-то решать, кроме сумасшедших, которые любят власть больше всего на свете. Лиза не сумасшедшая.

— Андрей, а мы-то куда? — спросила Лиза.

— Немного осталось. Здесь недалеко.

— Это сюрприз? У нас очень давно не было сюрпризов.

— Закрой глаза.

— Да как я закрою, тут же черт ногу сломит…

— Я тебя проведу. Держись крепче.

Прежде чем перехватить крепкую родную ладонь, Лиза вновь открыла блокнот и что-то в нем записала, что-то даже более резкое, чем позволял себе Тургенев, находясь в писательском блоке. И в следующее мгновение метнула блокнот на проезжую часть — под колеса забибикавшего такси.

Лиза закрыла глаза. Осенняя сырость обнимала ее, ветер гладил щеки. Сейчас будет сквер, где

шелестят деревья, разбрасывая сморщенные письмена листьев. А там недалеко и до дома… Лиза знает тут все наизусть, что нового мог отыскать для нее Андрей, что за сюрприз…

Пальцы у него холодные, не по погоде оделся и вот застыл. Не жалуется, привык терпеть. Крепкий, закаленный организм. Он, наверное, и в минус пять способен по Москве в футболке шататься. И снегом бы зимой растирался, если бы в последние годы тут был какой-то внятный снег.

Пальцы холодные, водянистые, похожие на водяные бомбочки, которые они кидали с балкона, когда Андрей пришел к ней на день рождения, тогда, давно, им было по двенадцать лет…

— Андрей?

— М-м-м?..

— Говори что-нибудь, мне почему-то страшно.

— Мне кажется, мы с этим не закончили.

— С чем именно?

— С Волной.

— Не надо о ней. Не думай о белой обезьяне, и она не появится.

— Я считаю, что твоего блокнота мало, чтобы запечатать Волну. Нужно спуститься под землю и покончить с ней там.

— Я отписалась от этого, — сердито ответила

Лиза. — Я больше ничего не смогу, у меня нет способностей. Пусть другие хоть немного поработают. Я не хочу за все отвечать. Петька вон целую квартиру себе навоображал, пусть запечатывает, если у него такая психическая сила…

Лиза остановилась. Только что она держала холодную руку Андрея, а теперь? Пальцы хватали воздух.

— Андрей?

Открывать глаза следовало раньше.

Улица была пуста. Деревья склонились над Лизой, но молчали, ветер утих, не шептал, не гладил, ничего не обещал.

Лиза не помнила, когда она в последний раз оставалась одна. Очень давно. Всегда не одна. Хотя бы виртуальное «доброе утро» и «спокойной ночи», а чаще долгая переписка перед сном и не разлей вода в любое возможное время — это было про них с Андреем. Она отплевывалась от всех, кто мог вякнуть, что людям необходимо личное пространство и они с Андреем скоро устанут друг от друга.

Одиночество для слабаков.

— Отвлекал меня до последнего, — прошептала Лиза. — Глаза велел закрыть…

Она прислонилась спиной к холодной стене.

Далеко впереди, в конце переулка, маячила водокачка — символ Калачёвского квартала.

Глава 20
Под дачным абажуром
Владимир Березин[37]

Они вышли на станции, которая, собственно, была и не станцией, а платформой, названной по бессмысленному количеству километров, отделявшему ее от города. Было пустынно, будто все местные жители провалились в другое измерение. Лиза никак не могла привыкнуть к появлению Андрея, как не могла привыкнуть к его исчезновению. В этом загадочном пространстве, казалось, он повзрослел на год, и Лиза с удивлением увидела затянувшийся шрам на его ладони. Он молчал непривычно, будто набрав гвоздей в рот. Какое-то важное знание Андрей получил в свое отсутствие, но ничего не объяснил, а, взяв за руку, вытащил Лизу из дома и отпустил лишь в тот момент, когда кормил моне-

---

[37] Примечания: 37

Владимир Березин — писатель, критик, эссеист. Публикует прозу, критику и эссеистику в журналах «Знамя», «Октябрь», «Новый мир». Автор биографий в серии «ЖЗЛ» многих романов и сборников, среди которых «Последний мамонт», «Дорога на Астапово», «Он говорит». Лауреат конкурса «Книгуру», премии им. В. Одоевского, премий журналов «Новый мир» и «Знамя», финалист премии «Ясная Поляна».

тами кассовый аппарат. Только когда электричка отъехала, произнес:

— Ты, главное, ничему не удивляйся. Мне все стало ясно. И я понял, куда нам нужно ехать, — к моему прадеду. Он сорок лет сидит, как медведь в своей берлоге, на даче в поселке генералов. Прадед должен был даже стать маршалом, но произошла какая-то загадочная история, и он очутился в отставке среди малины и черной смородины. Никуда не выезжает и, кажется, все время переигрывает проигранные сражения. Ну, не знаю, может, затевает новые.

— Он там один?

— Нет, ему помогает бывший адъютант и, кажется, еще кто-то. Но самое главное, что у него там лежит оккаметрон. Как что это? Ты что, телевизор не смотришь? Разве не помнишь про нацистов, «Аненербе» и все такое? Я сейчас думаю, что в том фильме про агентов в черном была не шутка, а правда: самые важные вещи всегда в открытом доступе. И все рассказано в передачах про пришельцев и гражданскую тайну. А оккаметрон отсекает дополненную реальность. Я видел передачу про него, вернее, прадедов забор в этой передаче. Прадед журналистов, конечно, на порог не пустил, но они бегали вдоль забора

и бормотали, что за этими зелеными досками хранится тайна всего сущего.

— А не влезет ли теперь кто-нибудь к нему? Ну, за такой штукой?

— Там охраны полно, — объяснил Андрей, когда они садились в маршрутку. — В этом поселке ведь не только бывшие генералы живут, но и вполне действующие. Но это все неважно, главное, что то безумие, в котором мы живем, упростится. Не знаю, как это работает, я вообще не очень верю в эти лептонные потоки, торсионные поля… Но здесь как с гомеопатией: если отчаялся, то все равно, как она действует, лишь бы действовала.

Андрей говорил и говорил, а сам думал о другом. Он совершенно не был уверен в своем плане. Последний раз он видел прадеда лет десять назад.

Старый генерал учил потомков, что есть только два источника неудач: праздность и суеверие, и только две причины успеха: работа и ум. Думали, что он пишет мемуары, но никто не видел ни одной страницы. Отец рассказывал Андрею, что старик до последнего работал в саду, но сейчас его просто вывозили туда на коляске, подаренной каким-то побежденным им в прошлом веке генералом. Старик уже ничего не значил в высших кругах, но молодые генералы навещали его, будто

принося дары древнему божеству.

Лицо предка проступало в памяти смутно, как на выцветшей фотографии. Мальчика привезли на эту дачу совсем крохотным, и он помнил только прохладу внутри дома, карты на стенах и столах, а еще — саблю на стене. Тогда он потянулся к этой сабле, чем обрадовал прадеда. Ведь он проклял свою дочь, когда та вышла замуж за спортсмена, и проклял всех остальных, когда понял, что внук не пойдет в военное училище. А когда правнук схватил саблю за рукоять, он, кажется, простил им все.

Впрочем, чаще видеться они не стали. И сейчас по телефону с правнуком говорил старик-адъютант. Так что, хоть прадед и назначил время визита, Андрей втайне опасался, что дачные ворота просто не откроются.

Да и не будь телевизионной программы с совершенно сумасшедшим ведущим, он никогда бы не решился навестить прадеда без ведома родителей. В этой программе рассказали о таинственном приборе, который изменяет окружающий мир, устраняя из него все ненужное. А Андрею уже стало казаться, что стоит только потереть хорошенько глаза, и все события последних месяцев провалятся в никуда, станут нелепыми, как тет-

радки за прошлый год. Исчезнут все эти глупые порталы и нелепые злодеи — в общем, все растворится. Кроме Лизы, конечно.

Они выпрыгнули из маршрутки прямо у дорожного знака. На синем фоне виднелось название, написанное грязно-белыми, будто облупившимися буквами: «Лысогорское». Рядом с печальным государственным знаком был другой, аккуратный, где на зеленом фоне значилось: «ДНП „Лысогорье“».

— Нам туда, — сурово сказал Андрей, и они свернули с трассы на боковую дорогу, казалось, специально замаскированную от чужих глаз.

Стояло прекрасное утро, такое, каким оно может быть в дачной местности, с осенними запахами — ароматом палой листвы, хвои, разогретой последним жарким солнцем.

Дорога стала ощутимо изгибаться в сторону, и вдруг перед ними оказался мощный забор, похожий на часть танка, завязшего в кустах. Рядом была и сторожка, больше напоминающая контрольно-пропускной пункт воинской части.

Лизе забор не понравился, но Андрей объяснил, что таков настоящий армейский стиль. Это же эстетика в погонах, дачи тут давали сразу после войны и тем, кто воевал в этих местах. Участки

были огромные, как футбольные поля, и, наверное, начальство думало, что генералы будут на этих полях сажать огурцы и не проявлять ненужной самостоятельности.

Но теперь из-за забора выглядывали огромные мрачные коттеджи, явно недавней постройки.

Лиза и Андрей показали паспорта (охранник нашел их в списке) и прошли через турникет на территорию. Поселок был так же мрачен и неприветлив, как и его оборонительный периметр. Внутренние заборы, хоть и были размером меньше внешнего, не давали никакой возможности подсмотреть за жизнью хозяев. Лиза обнаружила, что проезд, по которому они движутся, называется скромно Главный проспект, но чем дальше от входа, тем чаще им стали попадаться старинные покосившиеся дома с огромным количеством пристроек, деревянной резьбой под крышей и потерявшими цвет наличниками. Они стояли среди коттеджей, будто старики, незваными гостями приехавшие на праздник разбогатевших детей.

Наконец путешественники приблизились к аккуратному деревянному забору, за которым виднелся крепкий дом — явно из первых, что были поставлены в этом поселке. Однако тут не было никаких признаков дряхлости и разорения.

Андрей надавил на кнопку звонка, и где-то в глубине сада ему отозвался дребезг, похожий на голос старинного телефона. Но калитка отворилась тут же, будто открывший ее сидел прямо за кустами.

Лиза всмотрелась в выглянувшего старика: вот он какой, этот столетний предок Лубоцкого, однако Андрей опередил ее:

— Здравствуйте, Никита Васильевич.

Это явно был не генерал. Они долго шли через парад кустов и аккуратных елок, выстроившихся вдоль дорожки, и ступили на веранду, пустую и залитую светом.

Старик-адъютант провел их дальше, и вскоре все очутились в большой комнате, наполненной массой вещей. На огромном столе лежали книги и карты, стоял компьютер (не самой древней модели, отметила про себя Лиза) и еще какая-то непонятная техника в зеленых корпусах. В потолок уходили высокие стеклянные шкафы библиотеки с ключами в дверцах. В углу торчал еще один высокий стол, на котором лежала открытая тетрадь в старинном клеенчатом переплете.

И тут она наконец увидела хозяина.

Высокий высохший старик, куда старше своего

помощника, сидел в коляске у стены.

— Здравствуй, Андрюша. — Голос старого генерала был негромок, но четок.

— Здравствуйте, Николай Андреевич.

Все, и хозяин, и Лиза, и даже адъютант, почувствовали, что Андрею неловко называть его прадедом.

— Это — Николай Андреевич… Это — Лиза Дейнен…

— Барышня, как вас по отчеству? — спросил старик.

— Сергеевна.

Хозяин повернулся к Андрею.

— Запомни, Андрюша: тебе кажется, что отчества ни к чему, но это вещь важная, отнесенная к памяти предков.

Адъютант без всякой суеты накрывал на стол.

— Все разговоры потом, сейчас принятие пищи.

Лиза не удержалась и фыркнула, услышав эту странную казенную фразу. Старик вдруг подмигнул ей, правда, медленно, как может подмигнуть, наверное, черепаха.

Они сели за стол. Где-то рядом в соседней комнате работал телевизор. Был включен очень странный канал: там хор мальчиков бесконечно

исполнял длинную заунывную песню о том, что Родина слышит и все знает.

С удивлением Лиза увидела, что генерал перед едой выпил рюмку, и сама отпила из бокала. Тут же заломило зубы, потому что в бокале обнаружилась чистая, но удивительно холодная вода. Старик клюнул головой, будто птица, и вилкой в тонкой руке (все, что высовывалось из рукава мундира, было, как гречневой кашей, обсыпано пятнышками родинок) ткнул во что-то малосъедобное на своей тарелке. Перед молодыми людьми, впрочем, лежала еда вполне ресторанного качества.

— Я привез фотографии. — Андрей выложил альбом на стол.

— Никита Васильевич, прибери, потом посмотрю.

Адъютант неслышно подошел сзади, и альбом растворился в воздухе.

— Елизавета Сергеевна, — тихо сказал хозяин. — А позвольте спросить, фамилия ваша из каких краев происходит? Что-то мне в ней чувствуется скандинавское.

— Так и есть: предки еще в девятнадцатом веке приехали в Россию.

Она замолчала, но понимала, что пауза требует

продолжения.

— Накануне войны восемьсот двенадцатого года. Моего прапрадеда выписали воздушные шары делать.

Хозяин поднял голову чуть быстрее, чем она ожидала.

— Позвольте, так это ж Готфрид фон Карлсон, его вы имеете в виду?

— Именно так. Он строил летающую лодку под Москвой, чтобы бомбить наступающего Наполеона, но ничего не вышло.

— А как вы думаете, Елизавета Сергеевна, полетела бы такая лодка? Не было ли тут какого…

— Жульничества, вы хотели сказать? — Лиза вдруг разозлилась. — Думаю, что было. Ничего бы не полетело никуда. Не тот был уровень техники, но уж какой у меня предок есть, такой есть. Другого вам предложить не могу.

Старик внезапно прикрыл глаза, а открыв их через мгновение, крикнул:

— Слышал, Андрюша! А? Каково! Ты держись ее, она своего предка не сдала, а сидит и дуется на меня, как мышь на крупу. Этого жулика фон Карлсона, на котором пробы негде ставить, — и не сдала. Вы уж не обижайтесь, Елизавета Сергеевна, я помню эту историю. Но куда важнее, что ее

помните вы. И откуда-то знаете, что своих нельзя сдавать ни при каких обстоятельствах. Даже если вам сверху прикажут, даже если друзья будут говорить, что так для дела нужно. Другая б мне тут врать начала… А впрочем, бог с этим со всем. Ты, Андрюша, повернись напра-налево, давно тебя не видел. (Лубоцкий-младший заерзал на стуле.) Тебе идет эта прическа, хоть я, конечно, это не одобряю. Вы ешьте, ешьте. Я ведь что-то слышал о ваших делах краем уха. Внучка с кем-то делилась по телефону. Значит, это соответствует?

— Соответствует, — выдохнул Андрей. — Наверное.

— Вы — вместе?

— Да, вместе.

— Ну, тогда позволю спросить: а не кажется ли вам, ребята, что пора взрослеть? По-моему, процесс этот у вас несколько затянулся. Дела вокруг тревожные — я ведь не об этих переездах, а в мировом масштабе. Впереди институт, образование, а у вас в голове всякая чертовщина. Ты, Андрюша, способный человек, будет жаль… Кстати, можете остаться здесь, места хватит.

— Нет-нет. И вам ли не знать, что нашу молодежь не пугают трудности, — мрачно ответил Андрей.

— Елизавета Сергеевна, а вы так же разговариваете со своими предками?

— Нет, не так.

— Сколько вам лет?

— Почти шестнадцать.

— Кем собираетесь стать в двадцать три?

— Не знаю. Может, буду писать что-то.

— Вы, Елизавета Сергеевна, мне нравитесь. Вы слушаете и не острите. Андрюша любит острить, а я не верю в тех, кто слишком много острит в юности. Я с давнего времени потерял с дочерью общий язык и не нашел его с внуком.

— Бывает, — сказала Лиза. — Вы должны их понять…

Но старик, не слушая, сказал быстро:

— Я надеюсь, у вас это серьезно?

— Да, у нас это серьезно.

— Я хотел бы вам верить. Мои дети не могли понять одного: я ведь хотел им добра, счастья, чтобы жизнь сложилась нормально. А у них это не очень складно получалось. Очевидно, вам это известно. Вот что я вам скажу, и, наверное, я никому бы этого не говорил. Вы, как бы вам сказать, перед большой долгой дорогой. Для каждого из нас наступает день, когда нужно задуматься, что-то решить. Как в сказке, где лежит камень-

указатель. Наверное, вам приходили в голову такие мысли…

— Откуда вы знаете? — Лизе отчего-то стало казаться, что ей снится старый черно-белый фильм и она, как героиня этого фильма, попала на смотрины в чужой дом.

— Почему бы мне не знать, Елизавета Сергеевна, знаю. Потому что вы только начинаете идти, а я уже отмахал порядочный кусок. Иногда мне везло больше, иногда меньше, иногда совсем не везло. Так вот, учтите, надеяться вы можете только на себя, никто вам не поможет, ни один человек, кроме того, с кем вы возьметесь за руки. Да и то — гарантий никаких. Людям, в общем, наплевать друг на друга, как ни печально в этом признаться. Взять кое-кого, с кем я служил, с некоторыми мы вместе лежали под пулями, и тогда они были храбрее меня. Но из них ничего не вышло, потому что они упустили что-то важное, растерялись. Впрочем, все они мертвы — кто погиб в бою, кто умер так, в пенсионерском халате. Ах, ребята, ребята, как вы еще наивны, как вы еще мало знаете жизнь. А в жизни есть простые и грубые вещи, такие, скажем, как учеба, институт, работа, а не магические фокусы. Я понимаю, вы, наверное, стыдитесь об этом говорить, это, так

сказать, слишком прозаично. Но от этого никуда не денешься, и с этим приходится считаться, поверьте уж мне.

— Так какую же дорогу вы нам предлагаете?

— Да ничего я вам не предлагаю. Это уж вы решайте, как говорится, сами. Сами решайте.

— Эй! — нетерпеливо крикнул Андрей. — Я еще здесь!

— Вижу, Андрюша, что ты еще здесь. И догадываюсь, что ты тут появился не из-за того, что в тебе родственные чувства проснулись.

— Скажите, а оккаметрон действительно существует? — вмешалась Лиза.

— И да и нет. Я знаю, что вы за ним и приехали, только вполне ли вы понимаете, что это такое?

Андрей принялся перечислять произошедшее за последнее время, и Лиза поразилась тому, как можно, не соврав ни в одной детали, так обыденно и нестрашно рассказать о тех чудесах, что они видели. Старик вдруг переспросил что-то, и Лиза поняла, что он знает об их приключениях гораздо больше, чем они предполагали. Андрей, кажется, этого не заметил.

Адъютант Никита Васильевич, все так же мягко ступая, заменил обеденные приборы на китайские чашки с иероглифами. Над столом поплыл

аромат Востока. «Жасмин? Нет, не жасмин», — но спрашивать было лень.

— Кто такой был Оккам, ты помнишь, Андрюша?

Андрей пробормотал что-то про бритву, которой нужно отрезать ненужные объяснения.

— Какая же у тебя каша в голове. Уильям Оккам был знаменитым философом, а от него осталась фраза «не умножай сущностей сверх необходимого». Он писал Людвигу Баварскому: «Я буду защищать тебя пером, а ты меня будешь защищать мечом».

Слова про меч старик произнес с видимым удовольствием.

— Оккаметрон действительно вывезли из Германии осенью сорок пятого. Но вы поймите, что сейчас модно в каждом изобретении искать оккультный смысл и тайны Третьего рейха, а никаких тайн нет и не было. Миром правят не тайные общества, а явные организации — концерны и корпорации, церкви и правительства. Чудес нет, а есть прибавочная стоимость, промышленный потенциал и людские ресурсы. Ну и идеи, овладевшие массами.

Но главная тайна в том, что оккаметрон — это воображаемый прибор. Мы разобрали его и

обнаружили только две лампочки, две ручки, амперметр и генератор с ручкой, как в полевом телефоне. Ну и красивый дубовый корпус, как у шкатулки с драгоценностями. В нем нет ничего, поэтому-то он и остался у меня на даче как сувенир. Какие-то дураки пытались приехать и снять о нем фильм, притворившись моими друзьями. Так наш добрый Никита Васильевич показал им из-за забора мой наградной карабин. После чего они и бежали несолоно хлебавши.

Андрей был явно разочарован, а старик продолжал:

— Немцы использовали этот прибор для психологического воздействия на допросах. Знаешь притчу о том, как один восточный мудрец искал вора? Мне рассказали, когда я воевал в Китае. Этот мудрец повесил в темной фанзе мертвого петуха. Он сказал, что мертвый петух закричит, когда его коснется вор. Все чиновники должны были зайти и коснуться мертвого петуха. Петух, как ты можешь догадаться, Андрюша, висел молча. И не кукарекал, даже когда из фанзы вышел последний чиновник. И вот тогда мудрец велел чиновникам поднять руки. У всех они были в саже, и только у одного ладонь была чистая — потому что он не трогал измазанного сажей петуха.

Так и работает этот прибор — как мертвый петух, Андрюша, как мертвый петух. Нет в нем никакого волшебства, а только динамо, эбонит и полированная деревяшка. Но в честь твоего визита мы займемся этим мракобесием.

Адъютант вынес откуда-то из глубины дома коробку в брезентовом чехле. Внутри оказался деревянный ящик, действительно очень красивый.

— Садитесь сюда. Ты, Андрюша, возьми ручку…

Старик указал на какую-то черную загогулину, и Андрей вставил ее в отверстие сбоку, будто ручку стартера в старинный автомобиль. Лиза видела такое же странное приспособление, только раз в десять больше, в немом кино. После нескольких оборотов на панели затеплились две лампочки. После десяти они засияли ярко.

— А не страшно тебе, Андрюша? — вдруг спросил старик. — А то ведь узнаешь что-то такое, что все потеряешь? Вот ее, например?

Андрей быстро взглянул на Лизу, и она увидела, что глаза его налились вдруг страхом, как стоявшие перед ними чашки — чаем. Чай дрожал от вращения ручки, и страх плескался в такт этому движению. Лизе почему-то это стало приятно, и

она неожиданно для себя улыбнулась Андрею. Он шумно выдохнул, ничего не ответив прадеду.

Тогда генерал велел правнуку держаться за левую ручку, а Лизе взять правую.

Над черной эбонитовой поверхностью их пальцы коснулись, и между ними проскочила искра. Кажется, от нее зажглась даже лампочка в старом абажуре над столом, и в этот момент началось волшебство.

Они переплелись пальцами, комната поплыла, будто раздвигаясь в бесконечность, не было уже ничего, кроме них самих. Не было старого дачного дома, живущего своей скрипучей жизнью, не было ни стариков, населявших его, ни прошлых и будущих войн, где они, не ставшие еще стариками, дрались насмерть с такими же, как они, юношами, не было огромного города рядом, и исчезли миллионы людей, которые хотели власти, денег, славы, бессмертия и множества глупых вещей.

Искрами в отдалении возникли их друзья, они определенно существовали, и на эти светящиеся огоньки было приятно смотреть. Но все же Лиза и Андрей висели в этом космосе вдвоем, вокруг медленно вращались звезды-люди, но ярких было совсем немного: вот родители, вот одно-

классники, да и то не все. Вот несколько черных дыр, имевших имена, которые Лиза была не в силах прочитать.

Лиза в этот момент подумала, что, может, все дело в ударе током и в этих восточных чаях, которые они пили, но скоро ей стало не до того. Реальность перед ними действительно изменилась, все пространство покрылось множеством разноцветных линий, и одна из них, голубая, связывала Лизу с Андреем. Она была то очень толстой, то истончалась и едва не рвалась. Другие линии тянулись за границу дачного участка, какие-то из них уходили вверх и вниз, и все они двигались, перемещались, но только та, что связывала ее с Андреем, не двигалась никуда, пульсировала, не меняла своего голубого цвета. Они плыли между звезд, как два космонавта, потерявшие свой корабль, и это было главным знанием, а не мерцавшие разным цветом опасности и тайны.

— Ишь, очнулись. Чайку попейте.

— Это у вас был что, чай с коньяком? — спросил, переводя дух, Андрей.

— Вот еще, — поджал губы старик. — Стану я на тебя переводить коньяк. Ты по малолетству еще всем скажешь, так сраму не оберешься. Мне

самому запретили пить, правда, те врачи, что запретили, уже сами давно перемерли.

Он засмеялся, и смех был похож на маленький шерстяной клубочек, который выкатился на стол, прыгнул и снова исчез под столом.

— А сколько мы?.. Сколько нас тут не было?

— Нисколько. Прикоснулись да руки отдернули от искры. И что вы видели?

— Ничего, практически ничего, — быстро произнесла Лиза.

— Правильно отвечаете, — медленно улыбнулся старик, как, наверное, улыбнулась бы черепаха.

Адъютант отсоединил ручку, упаковал ящик обратно в брезентовый мешок и ушел с ним куда-то. Хозяин сказал устало:

— Это хорошо, что мы повидались. И хорошо, что ты приехал не один, это очень ценно. Потому что я успею сказать тебе важную вещь: ты должен не понять, а ценить то чувство, что у тебя есть. Поймешь потом. Родители тебе твердят наверняка про оценки в табеле. Не спорь с ними, но те друзья, которые есть у тебя сейчас, всегда будут главнее. Самое важное у тебя именно сейчас, хотя потом будет казаться, что пора вырастать из детской дружбы и влюбленности. Вы будете рас-

ставаться и, быть может, заживете порознь, но это все глупости. Дружба, которая сейчас, навсегда, я тебе говорю, и предательство тоже навсегда. Очень важно, чтобы с тобой были люди, которые помнят тебя с детства. Они, как часовые, не дадут тебе сделать неправильного шага. Ты, конечно, все равно его сделаешь, но они успеют крикнуть тебе «Стой!», и ты, возможно, услышишь. Впрочем, я устал. Прощаться не надо, сейчас я укачусь от вас в комнаты, а Никита Васильевич довезет вас до станции. Он все равно туда собирался.

Зажужжал мотор коляски, и Лиза с Андреем увидели, как старый генерал исчезает в проеме двери.

Кажется, навсегда.

Глава 21
Дуэль
Евгений Сулес[38]

Андрей и Лиза возвращались в Москву на электричке. После пережитого на даче говорить не хотелось. Слова казались лишними и ненужными. Ехали молча, смотрели в окно на пробегающий мимо убогий пейзаж. Украдкой поглядывали друг на друга. Каждый думал о своем.

Андрей почему-то вспоминал, как обнял Аню дома у Пети, когда все просили друг у друга прощения. Аня прижалась к нему и выплакала на его плечо водопад слез. Ему хотелось держать ее и не отпускать. Он никак не мог этого забыть. Усилием воли заставил себя не вспоминать. А сейчас снова вспомнил, и на душе стало тоскливо, будто кто-то умер.

Рядом ехала Лиза, такая близкая, доступная — протяни руку, прижми к себе и не отпускай.

---

[38] Примечания: 38

Евгений Сулес — актер, телеведущий, писатель. Публиковался в журналах «Октябрь», «Знамя», «Новый берег», «Искусство кино». Лауреат премии «Антоновка». Автор книг «Сто грамм мечты» (длинный список «Большой книги»), «Мир виски и виски мира», «Письма к Софи Марсо». Сооснователь клуба ЛЖИ — Любителей Живых Историй.

Его Лиза, верная Лиза, которая всех спасла, вернула в реальность, стерла дурную бесконечность фантомов, исправила бытие, починила, навела резкость мира. Пожертвовав своим даром. Бедная Лиза. Андрей знал, что Лиза его друг, он любил Лизу, но влекло его к Ане.

Терзания Андрея прервало сообщение, пришедшее в общий чат. Андрей и Лиза одновременно посмотрели в черное зеркало, каждый в свое. С понедельника школу закрывали на карантин.

— О дивный новый мир! — сказала Лиза, глядя в окно на полуразрушенную железнодорожную станцию.

* * *

Ночью Андрею снился сон. Все старики умерли, на всей планете не осталось ни одного. Умер его прадед и верный старый адъютант Никита. Даже бессмертный Платон Платонович, и тот умер. Затем умерли люди среднего возраста. Остались одни дети. Опустевшая планета принадлежала им. Лизе, Пете, Дяде Федору, сестрам Батайцевым, ему и… Аня наклонилась к нему, стало темно и сладко.

Андрей проснулся в начале шестого. Долго смотрел на проявляющийся из темноты день.

В одном из случайно попавшихся постов на «Яндекс. Дзене» Андрей прочел, что некоторые хасиды учили: ночью творение умирает, а наутро Сущий создает его вновь. Ему в последнее время часто казалось, что каждую новую главу — мир другой и люди другие. Те же, но другие. Откуда у него появилось деление жизни на главы, он не знал, но определял границы глав очень четко. Иногда прямо так себе и говорил: началась новая глава. Ему представлялась компания беззаботных богов, которые по очереди пишут книгу бытия. И все вокруг выполняют их причудливую волю, делают то, что боги напишут. А боги пишут, что на душу ляжет, играют ими, как кубиками, — переставляют, меняют местами, убирают — от нечего делать, заполняя пустоту. Этот образ и раньше приходил Андрею в голову, но с той минуты, как его начало неотвратимо тянуть к Ане, стал навязчивой метафорой мира.

В висках стучало ее короткое имя. Хотелось взять баллончик с краской и написать на всю стену: «Я хочу быть с тобой, Аня!»

Андрей оделся и вышел на улицу. В Замоскворечье было безлюдно, только одинокий дворник, сгорбленный старик с черточками глаз, неторопливо мел улицу. Увидев Андрея, он прервал

работу и поклонился, произнеся нараспев:

— Я уже здесь!

Андрей поклонился в ответ. Старик добавил еще что-то и долго смотрел ему вслед. Покачал головой и опять принялся за свое.

Андрей брел с детства знакомыми переулками, он не заблудился бы в них даже с закрытыми глазами. Шел, сам не зная куда. Но ноги и сердце знали. Он шел, пока за очередным поворотом не встретил Аню.

Они не удивились, словно договорились о встрече. Из глаз Ани исходил видимый только ему зеленый свет. Так на границе дают добро, и человек въезжает в чужую страну. Андрей осторожно, но крепко прижал Аню к себе. Они стояли обнявшись посередине пустого и тихого переулка, затерянного в центре Москвы, и им казалось, что они одни на всем белом свете.

* * *

Днем Андрей встретился с Лизой в их любимом кафе.

— Лиза, я должен тебе что-то сказать, — начал Андрей и осекся.

Прадед в Лысых горах упоминал о предательстве. Что он сейчас делает? Предает? И если да, то

кого, ее или себя?

— Скажи, — Лиза смотрела ему прямо в глаза.

Андрей, не выдержав ее взгляда, опустил глаза в черный океан, микрокосмос в белой кофейной чашке с пеной Млечного Пути в центре. И, будто хотел поведать этому непроницаемому океану свою тайну, тихо произнес:

— Между мной и Аней что-то происходит. Какое-то электричество. Когда я с ней, по мне словно пускают ток. А когда ее нет — меня выключают.

— Понятно. — Лиза улыбнулась. Попыталась улыбнуться, но вышло не очень.

И снова добавила:

— Понятно.

— Что тебе понятно?

— Все.

— Лиза, пойми…

— Не надо, Андрей. Ты сильный, но слабый. А я слабая, но сильная. Я справлюсь. Иди.

— А ты?

— А я немного посижу и тоже пойду.

— Куда?

— Жить, Андрюша, учиться жить без тебя. Ты и так слишком долго был рядом. Могла бы и догадаться, что так будет не всегда. Обидно только, что это Шерга. Опять эта проклятая старая Шер-

га… Она создана мучить меня, отравлять мне жизнь. Мы, бобры, веселы!.. Все хорошо, иди!

Андрей встал и пошел на ватных ногах к выходу. Потом вернулся, сел рядом. Посидел и снова ушел.

Лиза подождала, досчитала до десяти и горько, как в детстве, заплакала.

* * *

В это самое время в другом кафе Аня Шергина говорила с Васей Селезневым.

— Аня, это просто смешно, — убеждал Вася. — Ты его совсем не знаешь! Тебе нравится внешняя форма. Могучее лубоцкое тело! Вот и все. Это пройдет быстрее, чем ты думаешь. Оглянуться не успеешь, как чары спадут!

— Вася, ты себя слышишь?! «Чары»! Ты сказал: «Чары спадут»!

Слова Ани его отрезвили. Он увидел себя со стороны. Выглядел он и вправду жалко. Вася собрался и ощутил невыносимую злобу. «Ты труп, Лубок, ты труп!» — произнес Вася про себя не своим голосом. Вслух же сухо сказал:

— Хорошо, Аня. Я тебя услышал. Можешь идти.

Аня хотела что-то добавить, но вид Васи ее остановил. Таким она еще никогда его не видела.

Даже не могла представить, что он таким может быть. В нем появилось что-то жесткое и властное, голос зазвучал ниже и тише, он стал очень похож на отца.

— Свободна! — повторил Вася с металлом в голосе.

Аня подчинилась и ушла.

Вася еще немного посидел в задумчивости. Заказал безалкогольный мохито, не спеша выпил его. Взял телефон и написал: «Дорогой Андрей, я вызываю тебя на дуэль. Условия оставляю за тобой». Хотел поставить в конце яростное эмодзи, но передумал. Ответ пришел быстро. «Дорогой Вася, всегда к твоим услугам. Право выбрать условия предоставляю тебе». Андрей написал еще: «Мне жаль, что так вышло». Но стер и не отправил.

* * *

Утро было прохладным. Не хватало тумана, укрывавшего холодную землю. Если бы это кто-то писал, подумал Андрей, то туман был бы обязательно. Но поскольку все происходило в реальности, тумана не было.

Секундантом Васи был Дядя Федор. Секундантом Андрея — Петя Безнос.

— Друзья, я предлагаю вам примириться, это еще возможно! — с душой воскликнул Петя. — Вспомните, сколько хорошего было между вами!

— Я готов, — сказал Андрей. — Мне жаль…

— Не надо слов, Лубок! — зло прервал его Вася. — Ты взял самое дорогое, что у меня было. И должен за это ответить!

— Как будет угодно! — учтиво поклонился Лубоцкий.

Слово взял Дядя Федор:

— Стороны не пришли к соглашению и отказались от примирения!

Федя говорил так, будто велась трансляция поединка, но изображение отключилось, и он вынужден комментировать происходящее, пока видео не появится вновь.

— Приступим! Вы скачали *GTA*?

Дуэлянты кивнули.

— Хорошо. Напоминаю условия. Ваша задача угнать самолет. Кого первым убьют, тот проиграл и должен будет прыгнуть с крыши. Всем все ясно?

— Ребята, я вас прошу… Это глупо, прекратите! — вновь попытался примирить их Петя.

— Безнос, кончай, все решено! — прервал его Вася.

— Не надо, Петя. — Андрей мягко отстранил его и достал мобильник.

Вася достал свой.

— Безнос, проверь зарядку у Васи, а я проверю у Лубоцкого!

Пальцы Пети, когда он проверял телефон, заметно подрагивали.

— Телефоны заряжены. Приготовились! — скомандовал Дядя Федор.

Петя в отчаянии закрыл лицо руками.

— Поехали! — рявкнул Дядя Федор, дав в конце петуха.

Дуэль началась. Андрей и Вася впились в смартфоны. Казалось, они вот-вот начнут перетекать по ту сторону экрана, что гаджеты их засосут, как пылесос пыль.

Но вдруг — о, это чудесное «вдруг», сколько жизней оно уже спасло и спасет впредь! — в наступившей тишине, прерываемой нервным сопением ребят, раздался чудовищной силы грохот. Земля содрогнулась и задрожала. Шум донесся со стороны школы. Послышались крики. Над домами поднялось большое облако пыли.

Ребята переглянулись и, не сговариваясь, побежали на шум. По дороге к «двенашке» они наткнулись на сестер Батайцевых. Сестры были

бледны и напуганы.

— Что, что случилось?!

— Школа!.. — только и смогла выдавить Наташа.

— Что школа? Наташа, что там?

— Она рухнула, — договорила за нее Соня. — Сложилась, как карточный домик…

— Ее взорвали? Сломали?

— Она вроде как сама… Там никого не было, ни строителей, ни ограждений…

Они снова бросились бежать. К ним присоединялись все новые люди. «Узнала, что хотят снести Калачёвку, и совершила самоубийство, как ронин, потерявший хозяина!» — успел подумать Петя.

Вдалеке показались руины родной школы имени остроумного старика Бернарда Шоу, родное пепелище. И так неузнаваем, так фантастичен был открывающийся взору вид.

Андрею казалось, будто они бегут на поле боя и он держит в руках древко полкового знамени. Он видел растерянные лица ребят. Ему хотелось что-то крикнуть, подбодрить друзей. И он крикнул: «Ура!» Зачем, почему?.. Бог весть! Просто крикнул первое всплывшее откуда-то из глубин внутреннего человека. Словно кто-то вложил ему

в уста этот крик.

Ребята подхватили. Так они и бежали некоторое время к милым сердцу развалинам, крича бессмысленное «ура» ломающимися нежными голосами.

И тут будто выключили звук. Друзья продолжали бежать, бесшумно, как рыбы, открывая рты. Андрей медленно, в рапиде, не понимая, что происходит, почему сильное и упругое тело больше не слушается его, чуть взлетел над землей и упал на спину. В высоком небе плыли облака. И ничего, кроме них, на свете не было. Только бесконечное небо, только облака. Он вспомнил песню «Сансары»: «Облака этим летом, пожалуй, будут особенно хороши…» Они плыли по небу с нереальной скоростью. Солнце много раз взошло и скрылось, прежде чем над ним склонилась Лиза с лицом Ани.

— Я поскользнулся, Лизка, я поскользнулся, прости!

Глава 22
Что скажет Марья Алексевна?
Антонина Книппер

Дверь с грохотом захлопнулась. Стало темно, как в погребе: свет в подъезде почему-то не горел. Лиза постояла минутку, чтобы глаза привыкли, хотя никакой необходимости в этом не было: по дому, где живешь с рождения, можно ходить и с закрытыми глазами. Маршрут, выверенный годами. Семь шагов до первого лестничного пролета. Пять ступенек вверх. На третьей ступеньке снизу — глубокая выбоина слева, у перил. Затем еще пять шагов вперед. Лифт. Кнопка справа. Другой вопрос, что именно сейчас идти никуда не хотелось. Или не моглось. Да и ее ли это, собственно, дом? И она ли это вообще? Сейчас Лиза не взялась бы ничего утверждать наверняка. Привалилась к стене и медленно сползла вниз, прямо в ноябрьскую слякоть, что каракатицей заползла в подъезд и утробно чавкала под ногами. Пахло сыростью и кошками. Дейнен ненавидела кошек, у нее на них с детства аллергия.

— Я Лиза Дейнен. Я ненавижу кошек, — гром-

ко сказала Лиза. — «А мы ненавидим Дейнен, мяу», — тут же передразнила сама себя и судорожно зажала рот ладонью, чтобы не завыть, раззявившись побабьи.

* * *

— А ты ему, собственно, кто? — старуха-регистраторша, похожая на облезлую болонку, приняла стойку сторожевой овчарки.

— Сестра. — Лиза умела врать убедительно, как-то даже отрешенно, для этого всего лишь нужно было не мигая смотреть собеседнику в переносицу.

— Много вас тут таких ходит, сестер, — пролаяла бабка, мелко тряся поредевшими кудельками. — Многодетные, что ли?

— Семеро нас у мамы, — кивнула Лиза. — Трое белых, трое негритят и один китайчонок. Только мы его обратно в Китай отправили, а то он всех летучих мышей в округе переловил, теперь самим есть нечего.

Овчарка, которая болонка, тяжело задышала. Не дав ей опомниться, Лиза обогнула стойку информации и решительно направилась к лифту — отделение кардиологии находилось на пятом этаже.

Длинный больничный коридор был пуст. Только в самом конце его маячили два силуэта. Шерга и Абрикосова. Эта-то что здесь потеряла?! Первое побуждение — развернуться на пятках и нырнуть в пасть застывшего в ожидании лифта — пришлось подавить. Лиза набрала полную грудь воздуха и стала подниматься на свой Аркольский мост.

— Здравствуй, Анна! Здравствуй, Элен! — ледяная вежливость «уровня Бог» была сейчас необходима как никогда. Лиза еле сдержалась, чтобы не опуститься в глубоком реверансе. Но вовремя вспомнила, что театральные жесты — оружие Шерги, сама же она владела им неважно.

— А, Бобер, и ты тут. — Шерга мазнула по ней взглядом и брезгливо поморщилась.

Лиза тяжело сглотнула. В висках запульсировало. И не в том дело, что ей, как грязную скомканную салфетку, метнули в лицо обидную детскую кличку. Точнее, не только в этом. Шергина уже сто лет ее так не называла. С чего бы Ане, незримо повзрослевшей за последние недели словно бы на целую жизнь, вдруг снова вспоминать это старое дурацкое прозвище? Лиза перед ней ни в чем не провинилась. В конце концов, кто тут у кого парня увел… Нет, все не то. Здесь

что-то еще не сходится. Не сходится, а расходится. В носу отвратительно закололо, словно от напряжения вот-вот хлынет кровь. Брови! Ну конечно же! Брови! Шерга же совсем недавно при невыясненных обстоятельствах сбрила их начисто. И из своего загадочного вояжа, про который так никому ничего толком и не успела рассказать, вернулась эдакой готической девой с портрета Рогира ван дер Вейдена — не хватало только остроконечного колпака. Теперь же брови, светлые и пушистые, как ни в чем не бывало изгибались на прежнем месте.

— Аня, — Лиза постаралась, чтобы голос не дрожал. — А как ты смогла так стремительно… эм-м-м… реанимировать свои брови?

— Дейнен, с тобой все в порядке? Ты о чем вообще? — Шергина удивилась, и вполне искренне.

— Ты же их сбрила совсем недавно! Они не могли… так быстро…

— *Are you crazy, my poor girl?!*[39] — Аня с недоумением обернулась к Абрикосовой, ища у нее поддержки. — Ты что, рехнулась, бедняжка? — перевела на всякий случай. — Какое сбрила, что ты городишь?

---

[39] Примечания: 39
В своем ли ты уме, бедняжка?! (*англ.*)

Абрикосова закатила глаза и выразительно пожала плечами.

Перед глазами у Лизы заметалась черная мошкара. Кончики пальцев онемели. Что-то невидимое, необъяснимо огромное наступало на нее из ниоткуда, окружало, со свистом высасывая кислород из легких.

— Леля, а где Петя? — чувствуя, что слабеет, Дейнен попыталась зайти с другой стороны и все же нащупать в этой Гримпенской трясине хоть какую-то точку опоры.

— Безно-о-с? — Леля зачем-то вытянула уточкой и без того пухлые губы, точно собиралась сделать селфи с хештегом #я_в_шоке. — А откуда я знаю!

— Тебе ведь он, кажется, нравился.

— Мне-е-е? — хештег #я_в_шоке стремительно превратился в #возмущение365. — Этот нищеброд с кнопочной «нокией»? Нравился? Мне? Дейнен, в больничку сходи, головку проверь.

— Да она уже и так в больничке, — захихикала Шерга.

— Ой, то-о-чно, девчуля, так ты по адресу, — хештег #я_у_мамы_остроумная переливчато засиял на белоснежном абрикосовском лбу.

* * *

Лиза бежала не разбирая дороги. Вдогонку за ней припустился ледяной дождь. Стремительно намокшие волосы лезли в глаза, набивались в рот. Со всех сторон возмущенно сигналили автомобили: уйди из-под колес, идиотка, жить надоело? Внутренний навигатор неожиданно вывел к Патриаршим. Вода в пруду почернела, в аллеях под зонтами прогуливались влюбленные парочки и неутомимые собачники. Иностранные консультанты попрятались от непогоды. Вместо них вдоль несуществующих трамвайных путей катили на велосипедах желтые и зеленые коробейники.

Выйдя с Ермолаевского на Бронную, Лиза медленно побрела в сторону Триумфальной площади. Сердце замедлило ход, дыхание выровнялось. Самое время включить голову и попытаться понять, что имелось в сухом остатке. Шерга с Абрикосовой развели ее — это факт. Вопрос — зачем? Что значит — зачем? Затем! Это же очевидно, дурында, к гадалке не ходи! Чичиков надумал выставить ее сумасшедшей, одним щелчком сбросить с шахматной доски, не дать увидеться с Андреем. А Абрикосова, так та

известная подпевала — всегда чует, куда ветер дует, с кем выгоднее. И просто подыграла Шерге. И все у них прошло как по нотам. Она повелась, как девочка, сбежала — несчастная слабонервная трусиха. Да, но брови… С ними-то как быть? А что брови? Современная косметология и не на такое способна.

Бронзовый Маяковский свысока наблюдал за суетой большого города, тонущего в аляповатых огнях неистребимой праздничной иллюминации. Подойдя к гранитному постаменту, Лиза разглядела с детства знакомое:

И я,
как весну человечества,
рожденную
в трудах и в бою,
пою
мое отечество,
республику мою!

Вспомнились слова Лубоцкого, что к настоящему Маяку эти строчки не имеют ни малейшего отношения. Совсем другое надо было гравировать. Что именно — не уточнял. Но Лиза и без того догадывалась. Она прогнала эти воспоминания. С

неумолимой действительностью они были никак не связаны. В отличие от «весны человечества»…

— Лизон, ты, что ли? — Осенний воздух сгустился, и из вечернего сумрака откуда ни возьмись соткался Дорохов — собственной персоной.

Дейнен никогда не испытывала к нему особых чувств, в глубине души подозревая, что Дорохов вряд ли отличал Воланда от Волан-де-Морта. Для нее он был всего лишь не в меру эксцентричным другом Андрея, и на этом все. Но сейчас она обрадовалась ему как родному.

— Дядя Федор! — излишне порывисто обвила его шею рукой и чмокнула в щеку. Но тут же отстранилась и аккуратно, как бы между прочим, поинтересовалась: — Чем все закончилось-то?

— Так ты в больнице не была еще? — удивился Дядя Федор. — А я вот только оттуда. Оставил безутешную Джульетту рыдать над бездыханным телом новоприобретенного Ромео. — Дорохов коротко взлаял собственной шутке, но тут же осекся и смущенно зажевал губами. — Ну чем-чем… У Лубка эта, как его, вегетососудистая что-то там… Желе́за перетягал, короче.

— А вам с Безносом и Селезневым ничего? — Лиза сделала вид, что пропустила «новоприобретенного Ромео» мимо ушей.

— Не понял, — оторопел Дорохов. — А мы-то тут при чем?! Мы вообще не при делах. Лубок на физре кросс бежал. И вдруг упал. Будто этот, ну как его, стойкий оловянный. Бежал-бежал, и вот уже лежит. Говорю же — железа перетягал, ну и того — сердечко не выдержало.

— А школа от чего посыпалась, известно уже?

— Лизон? Куда посыпалась? Как стояла себе, так и стоит. Что ей сделается? — Дорохов прищурился. — А ты сама чего сегодня прогуляла-то?

— Федя, последний вопрос. — Лиза зачем-то перешла на свистящий шепот. — Ты когда переезжаешь?

— Да что с тобой, Дейнен?! Ты чё рофлишь? Куда и зачем я должен переезжать?!

* * *

Свет в подъезде вспыхнул внезапно, полоснув Лизу по глазам. Пора было подниматься и идти. Семь шагов до первого лестничного пролета. Вот они — пять ступенек вверх. На третьей снизу — глубокая выбоина слева, у перил. Затем еще пять шагов вперед. Лифт. Кнопка справа. Но Лиза медлила. Никто ее не разыгрывал. Это время совершило цирковой кульбит, схлопнулось, обнулилось — называйте как хотите. Волна улеглась,

вернув все к начальной точке, или затаилась, чтобы окончательно накрыть их с головой? А может, это проделки древних юных богов, примчавшихся в человеческий мир на ее Коньке-горбунке? Был еще вариант, самый очевидный и вместе с тем — самый невыносимый: а вдруг все происходит только в ее, Лизиной, голове? Шизофрения как она есть. Но самое невероятное, что даже сейчас, наблюдая эти осколки рассыпающегося в пыль мироздания, Лиза волновалась не столько за будущее человечества, сколько о том, а был ли он, тот последний разговор с Андреем? А внезапная поездка к деду-генералу? Пена «Адам и Ева»? Случились они на самом деле или всего лишь приснились ей? Черт побери, они с Лубоцким по-прежнему вместе или Шерга отняла его навсегда? И да, который сейчас вообще час? О том, какой теперь год, Лиза решила не думать…

…Дверной звонок привычно пропел «Боже, царя храни». Несколько мгновений стояла тишина. Потом раздались грузные шаги и скрип поворачивающегося в замке ключа — Марья Алексевна, сколько ни пытались образумить ее бдительные соседи, никогда не интересовалась, кто стоит за дверью.

Едва увидев Лизу — в перепачканной куртке,

промокшую с головы до ног, — Марья Алексевна, ни слова не говоря, отступила в сторону и махнула рукой, мол, заходи.

Закутавшись в шерстяной клетчатый плед (было бы преступлением уехать из Эдинбурга без этой дивной вещицы, правда, дорогая?), Лиза маленькими глотками пила обжигающий крепкий чай, щедро сдобренный лимоном. В изящной конфетнице, по бокам которой резвились розовощекие пастушки Ватто, томились шоколадные трюфели. Тут же призывно клубилось нежной пенкой вишневое варенье. Марья Алексевна расположилась напротив, плеснула в бокал красного вина и принялась сосредоточенно омывать им тонкие хрустальные стенки. Тишину нарушал лишь далекий гул машины, где стирались Лизины вещи, да мерный стук маятника старинных напольных часов.

В этой квартире Лиза когда-то провела даже не дни — годы. Уходя на работу, мама частенько подкидывала дочь соседке, а став постарше, Лиза уходила сюда уже сама. Марья Алексевна Хованская была лучшим, что только могло случиться в жизни маленькой любознательной девочки. Да что уж там: почти всем, что Лиза знала и умела, она была обязана этой одинокой пожилой даме.

Одинокой и пожилой, впрочем, Марья Алексевна была не всегда. Когда-то давным-давно, еще совсем юной барышней, она была просватана за старого генерала. Тот оказался человеком порядочным и не стал долго обременять молодую супругу, довольно быстро отправившись к праотцам. От мужа Марье Алексевне осталась недурная пенсия, огромная квартира в Замоскворечье, обставленная вывезенной из Германии роскошной трофейной мебелью красного дерева, и бесценная библиотека. Другая бы на месте Марьи Алексевны решила, что вытащила счастливый билет, и опочила на лаврах в компании домработницы. Но Марья Алексевна решила иначе. Устроившись в музей Пушкина, она сделала стремительную научную карьеру и к моменту появления в ее жизни Лизы уже объехала полмира, выясняя, как собирают и пестуют свои коллекции коллеги из музеев сестер Бронте, Бальзака и Данте. Часто она брала Лизу с собой на Пречистенку и, велев не дышать, показывала, как спят в полутьме хранилищ старинные картины и скульптуры. Надменные господа в пудреных париках, треуголках и цилиндрах и дамы с глубокими декольте и в чепцах быстро становились добрыми Лизиными приятелями. Разбуди ее

ночью, и она бы без запинки ответила, кого как зовут, кто кого любил и ненавидел и какое отношение имел к «солнцу нашей поэзии». И часто видела их во сне. Дом Марьи Алексевны мало чем отличался от музея. Столовое серебро (вилка слева, нож справа; грызть яблоки — *mauvais ton*, их надо обязательно чистить и резать на кусочки специальным фруктовым ножом). Невесомый фарфор без возраста (из мейсенских чашек я пью кофе, когда хочу сосредоточиться, а из кузнецовских — когда хочется праздника). Хрустящие крахмальные салфетки с затейливыми монограммами. Потемневшая масляная живопись и жизнерадостные акварели по стенам. И конечно, книги. Сотни, нет, тысячи книг, безмолвствующих в гигантских шкафах ровно до того момента, пока не возьмешь их в руки. По ним, с «ерами» и «ерями», Лиза училась читать. Марья Алексевна охотно объясняла значение непонятных слов, попутно и как бы между прочим рассказывая, как расшифровывать таящееся между строк. Самыми блаженными были те мгновения, когда хозяйка садилась за письменный стол и с головой уходила в очередную рукопись, а Лиза, забравшись с ногами в необъятное плюшевое кресло, читала, время от времени поднимая голову и украдкой любуясь

причудливыми тенями, блуждающими по сосредоточенному, а потому кажущемуся суровым лицу Марьи Алексевны, по ее высокой белоснежной прическе, по крупным рукам с длинными пальцами в массивных кольцах. Тени дрожали, словно были рождены не светом настольной лампы, а отблеском свечей, и лицо Марьи Алексевны становилось незнакомым, чуточку колдовским. Однажды Лиза не выдержала и сказала, что та похожа на пушкинскую старую графиню.

— Когда она была молодая, конечно же, — добавила поспешно, чтобы хоть как-то исправить вопиющую бестактность.

Но Марья Алексевна не обиделась. И через пару дней позвала Лизу в Большой театр на «Пиковую даму». Лиза после этого долго напевала под нос про «*Venice* московит», проигравшуюся дотла…

В последнее время Лиза редко заглядывала к Марье Алексевне: столько дел, столько дел. И сейчас, глядя на рубиновые сполохи в ее бокале, понимала, что все могло бы пойти иначе, приди она сюда чуть раньше. Бесстрастный немец *Hermle* отбил уже третий полный час, а Лиза все говорила и говорила. Про Волну и внезапное Петино наследство, про взрыв водокачки и Шергу, про снос квартала и про… Андрея. Дойдя до

эпизода своего постыдного бегства из больницы, не выдержала и шмыгнула носом. Марья Алексевна, молчавшая все это время, протянула ей белоснежный носовой платок:

— Дорогая, можно потерять голову, но манеры должны всегда оставаться при тебе!

— Марья Алексевна, миленькая, до манер ли тут? — прогнусавила Лиза.

— Запомни, *ma cherie*[40], манеры — это единственный капитал, которому не грозит инфляция. — Марья Алексевна назидательно подняла палец, на котором матово переливался оправленный в белое золото изумруд. — Манеры и еще, пожалуй, талант!

— Талант свой я утратила. Может, манеры мне теперь тоже уже ни к чему?

— *Ne me fais pas rire!*[41] — поджала губы Марья Алексевна. — Что значит утратила?!

— Утратила или пожертвовала… Во имя… Во имя сама не знаю чего! И еще я зачем-то выбросила свой волшебный блокнот…

— И этого ребенка я воспитала! — Марья Алексевна уже не сердилась, но смеялась заливисто,

---

[40] Примечания: 40
Моя милая (*фр.*).

[41] Примечания: 41
Не смеши меня! (*фр.*)

молодо. — Да я тебе другой подарю. С Пушкиным, хочешь? — вскочила с порывистостью, несвойственной ее комплекции и ученому званию, и исчезла в темноте коридора. Вскоре вернулась и водрузила перед Лизой новенькую, запаянную в целлофан записную книжку. — Вот, держи. Портрет Пушкина кисти Петрова-Водкина, малоизвестный широкой публике. Сочиняй на здоровье.

— Что сочинять?

— Да что хочешь, то и сочиняй, — Марья Алексевна была сама беспечность. — Не мне тебя учить. Все, чему могла, я тебя уже и так научила.

Лиза крутила в руках блокнот с печальным изображением «нашего всего» на обложке. Марья Алексевна рассеянно вертела в пальцах ножку бокала.

— Дорогая, ты права в одном. Все действительно только в твоей голове. Хочешь страдать — страдай. Хочешь искать выход — ищи. А он есть всегда. Даже когда тебе кажется, что от тебя уже ничего не зависит. А на деле — как решишь, так и будет. Прости, что говорю банальные вещи, но что есть истина, если не банальность?

— У вас тоже есть свой блокнот?

— *Bien sûr*[42], а как иначе? Всю жизнь заполняю его — строчка за строчкой. И чего хочу — все в итоге получаю.

— То есть вы таки колдунья? Всегда подозревала…

— Не моя терминология… Мое колдовство в том, что я никогда не впускала в свою жизнь то, что мне было не нужно: людей, эмоции, даже обстоятельства. Если же они все-таки врывались без приглашения, тут же указывала им на дверь. По возможности вежливо, но недвусмысленно. Надо беречь свой мир, за тебя это никто другой не сделает.

— А если они, эти ненужные, отказываются уходить?

— Тогда делай вид, что просто не замечаешь их. Продолжай возделывать свой сад и жить по тем законам, что сама над собой признаешь.

— Смерти на дверь не укажешь…

— Смерти нет, *ma cherie*, однажды ты это поймешь, возможно даже быстрее, чем думаешь…

При этих словах у Лизы по спине пробежал гнусный липкий холодок. Она стремительно расправила плечи — чего можно бояться в этих

---

[42] Примечания: 42
Конечно (*фр.*).

родных стенах? Надо было срочно сменить тему, но все тревожащие ее вопросы на поверку оказывались один страшнее другого. Марья Алексевна смотрела выжидательно и не спешила на помощь. Молчание затягивалось.

— Кажется, машина остановилась, — сказала Лиза, чтобы хоть что-то сказать. — Мне пора, мама, наверное, волнуется.

— Спасибо, что заглянула, Лизавета. Не забывай старуху. — Марья Алексевна снова исчезла в темном зеве коридора. — Одежда на кресле, — крикнула откуда-то издалека.

Когда Лиза уже стояла на пороге, Марья Алексевна, как и всегда, нежно клюнула ее губами в лоб:

— Береги себя, моя девочка, и не переживай по пустякам. Все вернется на круги своя, даю слово. Что до твоего Андрея, то и он никуда не денется, потому что никуда не уходил. Другое дело, нужно ли тебе это. Ну, прощай, ступай с богом.

Дверь захлопнулась. Ключ в замке повернулся. Шаги стихли. Лиза высвободила блокнот из целлофановой пленки. Неловко зажав его под мышкой, порылась в рюкзаке, нашла ручку. Села на корточки и вверху первой страницы вывела: «Пусть все вернется на круги своя». Затем поду-

мала с минуту и добавила: «Вино ее прелести ударило ему в голову… Андрей почувствовал себя ожившим». Удовлетворенно поцокала языком, поднялась и, нащупав в кармане ключ, приняла открывать дверь своей квартиры.

* * *

— Лизка, я тебя сейчас убью! — Мама, что, впрочем, с ней часто бывало, метала громы и молнии. — Тебе телефон зачем нужен — чтобы им орехи колоть? Ты почему на звонки не отвечаешь? Я тут с ума схожу!

— Да все нормально, мам, не кипятись. — Лиза сбросила ботинки и повесила чистенькую сухую куртку на вешалку. Достала мобильник — по краю сознания скользнуло, что телефон, в обычное время безостановочно пиликающий на разные голоса, сегодня был нем как могила. Зажегся экран. В левом верхнем углу крутилось скорбное: «Поиск сети». — Вон, сама посмотри, нет от тебя никаких пропущенных — глючит телефон.

— Ты где это шлялась? На часы посмотри! Ночь на дворе! — Если мама заводилась, остановить ее было практически невозможно.

— Сначала у Андрея в больнице была — у него

там что-то вегетососудистое, затем к Марье Алексевне на чай заглянула.

При этих ее словах проступившие на шее у матери пунцовые пятна начали стремительно заливать щеки:

— Куда заглянула?!

— Мам, ну ты чего, сказала же — к Марье Алексевне, на чай с лимоном.

— Ах ты дрянь циничная! — Мама размахнулась и с оттяжкой влепила Лизе звонкую пощечину. — Креста на тебе нет! Марья Алексевна умерла год назад!

Глава 23
За миллиард воль до конца света
Николай Караев

— *Prince Andrew! Wake up! Wake up, Neo!*[43]

Океанское дно сотряс подземный толчок, время ускорилось, и Андрея вынесло из бездны снов на поверхность яви. Нехотя разлепились глаза. Ночь, больница, тишина. Сопение соседей по палате. За окном привычно густела тьма.

Справа и слева от койки стояли двое. Андрей моргнул. Зеркальная пара стариков, неуловимо знакомые лица. Глядят один на другого. Минуту или две ничего не происходило, и Андрей успел убедить себя, что ему чудится; тут старики синхронно вытянули правые руки и схватили друг друга за бороду. «Это кошмар, — решил Андрей. — Перевернуться на бок. Одеяло на голову, уснуть и…» Пошевелиться было невозможно.

Старики между тем расплылись сизым дымом, тоже с завидной синхронностью, но бород из кулачищ не выпустили. Они образовали словно

---

[43] Примечания: 43
Князь Андрей! Очнись! Очнись, Нео! (*англ.*)

бы кольцо, которое кружилось: медленно, быстрее, еще быстрее — и на Андрея стала наползать вихрящаяся воронка. Адреналин сжег предохранители. Андрей — сейчас, пожалуй, и правда сверхчеловек — выпрыгнул из койки, нырнул под воронку, помчался к двери. Кольцо рвануло следом. Коридор дрожал, изгибался, будто кишка гигантского гада, трясся, лягался, искрил…

Андрей помотал головой. Выныривая из кошмара, зажмурился и резко открыл глаза. Ночь, тишина. Не больница. Он не в койке из-за вегетососудистой этой, как ее. Он стоит босиком на асфальте. Впереди готическим замком высится «двенашка» имени ирландца, имя которого их учили произносить правильно: не Шоу, а Шо. Само собой вырвалось:

— Шо за нафиг?

— Сомнамбюлизм, мсье Лубоцки, — тихо сказали рядом, коверкая фамилию на французский манер. — Но вы вовремя. *Give me a second, I'll call your dear comrade*[44].

Саднили ступни. Кто-то внутри прошептал: «Я одно понимаю: что все мерзко, мерзко и мерзко». Оборачиваться не хотелось.

---

[44] Примечания: 44

Одну секунду, я позвоню твоему верному товарищу (*англ.*).

* * *

В такие вечера, когда отец улаживал дела с мегапроектищем — небось и заночует в своем Москва-Сити, — а мама усвистывала на маникюр, фитнес или массаж, Ане делалось скучно. Напевая какую-то чушь — *Caper the caper, sing me the song, death will come soon to hush us along*[45], откуда это? — она тащилась на кухню, брала пакет с чипсами, хрустела ими под тиканье напольных часов. Сериал, что ли, посмотреть? Не в телефон же тупить. Анна, ты не овца. И тебе уже семнадцать ле-ет…

— Аф-ф-фца, — протянула она. — Почитай книжку, спаси бобра! (Вспомнилась Лиза в больничке, с таким лицом, что вот-вот разревется. Извини, Бобер, Андрей — мой. Выдыхай, Бобер!)

Пробежим же глазами по корешкам. Шекспир, прости, нет, хватит с меня театрального позора. К тому же, спасибо Чхонии, шекспировские герои все заговорили в голове Ани с грузинским акцентом: «Бит ылы нэ бит?» Жут! А что это за синий и красный переплеты без названий присоседились

---

[45] Примечания: 45

Ну-ка подпрыгни, песенку спой, смерть скоро придет за тобой и за мной (*англ.*).

к Набокову? Что за книжки, почему не знаю?..

Красный оказался фотоальбомом. Внутри рассованы кое-как черно-белые, желтеющие снимки советско-юрского периода. Буераки, лагерь… геологи, что ли? Полуголые улыбчивые парни с лопатами… А, нет, на камнях фигурно и любовно разложены черепки. Археологи. Этот на отца похож. А этот на Батайцевых, на обеих… Оч-чень интересно. Откуда оно у нас?

Открыв синюю книжку, Аня обнаружила и вовсе диковинное диво — альбом с марками. Родителей филателия не интересовала никогда. Что-то забрезжило в памяти. Вечеринка у Безносова, куда ее не звали, а она приперлась, такой же альбом на столе… И марки странные. Доберман, зеленая моль, настольная лампа, красный крест…

Зачирикал домофон. Аня бросила альбом, подскочила, нажала на кнопку:

— Кто?

— Письмо госпоже пишущей машинке, — прокряхтели в ответ.

— Что? Какой машинке? — В трубке заскрежетало, тут же тренькнул дверной звонок. Аню передернуло от испуга. На цыпочках подойдя к двери, она приложилась к глазку. К лестнице

семенила старушка в кроссовках, а на коврике белело нечто.

Выждав полминуты, Аня щелкнула замком и схватила свернутый лист бумаги. «ЭРИКЕ». Внутри — записка: «СЕГОДНЯ В ПОЛНОЧЬ У ШКОЛЫ. *BE ON TIME. AND TAKE THE STAMPS WITH YOU*[46]».

* * *

Лизе Дейнен не спалось. Горела щека, по которой хлестнула сгоряча мама. Перед глазами рябило, как в телевизоре, настроенном на мертвый канал. Горе от ума, подумала Лиза. Во многия чтения многия печали. Реактивная психика. Достаточно было вынуть карту из основания, чтобы домик-то и посыпался. В телевизоре меж тем проступил кадр с Марьей Алексевной. «Зеркало» Тарковского, да-да. Исчезающий след от чашки чая. Призраки. Пропажи. Амнезия. Аллопсихическая деперсонализация. Если бы я пила, я бы сказала, что допилась. Андрей…

Би-бип. Лиза, не покидая полудремы, нащупала смартфон, вибрировавший на тумбе… нет, не на тумбе — на блокноте. С Пушкиным кисти Петрова-Водкина. Весь этот бред. Ну, кто еще?

---

[46] Примечания: 46
Будь вовремя. И возьми те самые марки с собой (*англ.*).

Эсэмэс с неизвестного номера. «Лиза, доброго хроноса. Сим удостоверяется, что Вы избраны для контакта с Высшим Разумом (далее ВыРаз)… (*What the hell*?[47]) …с целью дачи показаний на судебном процессе по делу „Проксима Центавра *vs* Человечество“ в рамках среднегалактического судопроизводства тринадцатой инстанции. Сердечно Ваш, ВыРаз».

— Вашу Машу, — ругнулась Лиза. — Шо за нафиг? (Так сказал бы Андрей. Вот точно так и сказал бы.)

Би-бип. «Повестка: гражданке Дейнен Елизавете Сергеевне надлежит явиться сегодня в 00:00 к гимназии № 0012 им. Б. Шоу для контакта с терминалом Среднегалактического Суда».

Би-бип. С другого номера. «Тентаклей нет, но вы держитесь. Обидчики будут обижены. С приветом, гуманоиды».

Би-бип. Еще один номер. «Конек Ваш, Горбунок наш. Даже не думайте. Противная сторона».

Би-бип. Снова с первого: «Бамбарбия. Давление на свидетеля обвинения прекращено. Киргуду».

Лиза посмотрела на часы, отбросила одеяло и стала лихорадочно одеваться. Что-то я должна не

---

[47] Примечания: 47
Какого черта? (*англ.*)

забыть, думала она. Ах да, блокнот. Вот он. С Пу… Щаз. С Коньком-горбунком.

* * *

Что до Пети Безносова, у него всего лишь зазвонил кнопочный бабушкофон. Черным на сером вспыхнуло имя: «Павел Ш.» Отец Шерги перезванивает? Ночью? Петя глядел на экран, пока не умолк пятый звонок, нажал на кнопку, неловко поднес допотопный аппарат к уху:

— Э… Павел Николаевич?

— Пал Николаич, мсье Безнософф, — незнакомый голос сделал ударение на последнее «о», — не перезвонят-с. Но ежли вы, барин, удумаете чего прознать о покойном батюшке и его *liaisons dangereuses*[48], воспользуйтесь рецептом из «Дракулы»: надоть ровно в полночь перелезть через низкую ограду кладбища.

— Ничего не понял, — сказал Петя.

— Молодежь, — удручился голос, — шуток не понимаем. Отказываемся узнавать аллюзии без пальто! Короче, Петр, ждем вас в двенадцать нуль-нуль перед «двенашкой». Будут ваши друзья-однополчане и я, который, ха-ха, все вам

---

[48] Примечания: 48
Опасные связи (*фр.*).

объяснит.

Откашлявшись, голос прибавил:

— Вам привет от Кирилла Владимировича. Он и не рад, что впутал вас в эту историю. Но я за вас поручился. До связи.

* * *

Теперь их стало пятеро. Андрей, переступая с ноги на ногу (незнакомец вручил ему меховые тапочки без задников, в них было теплее, но не слишком), сумрачно наблюдал за одноклассниками. Сначала, явно не сговариваясь, с двух сторон подошли Лиза и Анька, растрепанные красавицы; одарили друг друга страшными взглядами, тихо буркнули: «Шерга, привет», «*Hello*, Бобер» — и застыли на непочтительном расстоянии. Потом явился Безнос со знаменитым кнопочным телефоном в руке.

Незнакомец, мужик среднего роста в длинном плаще, наблюдал за сбором отстраненно, иногда разминая затекшую шею и превращаясь в такие секунды в китайского болванчика. Из-за солнечных очков мужик походил на насекомое. На черной рэперской шапочке была вышита белым буква; сперва Андрею казалось, что это M, потом — что W, затем он понял, что M и W возникают

попеременно, как картинки на стереооткрытке, меняющей угол наклона и освещения.

— Экипаж подлодки «Комсомолец Мордора» прибыл! — оповестил мужик подростков. — Ну-те-с, вперед, прошу…

— Куда вперед? — заголосила Анька. — Вы кто? Чё за фокусы? Может, вы маньяк! Тед Банди какой-нибудь…

— Что за галактический суд? — спросила Лиза тихо, стараясь не глядеть на Андрея.

— Что значит «привет от отца»? — крикнул Петя. Остальные посмотрели на него очень внимательно.

Мужик развел руками.

— Боитесь? Кого? Четыре крепких тинейджера не дадут отпор стареющему мне? Да один Лубоцкий стоит десятерых. Хотя скажут, что вас было четверо. А вы, госпожа пишущая машинка, не злитесь, кудасай[49]. — Аня зло скривилась. — Марки принесли? Сейчас все будет: и суд, и отец, и белка, и свисток. Прошу в кабинет литературы, там поговорим. У меня для вас презабавнейшее известие. Дверь открыта, сторож спит, заходите. Молодым везде у нас дорога. Как сказано у клас-

---

[49] Примечания: 49
От японского «пожалуйста».

сика: вам — везде!..

Пока четверка, озираясь и кучкуясь, шагала по темным школьным коридорам, мужик продолжал сыпать явными цитатами, по большей части невесть откуда. В кабинете литры их ждал сюрприз: на одной из парт уже заливалась стеариновыми слезами толстая свеча. Сурово взирали со стен портреты классиков. Вокруг парты были расставлены стулья.

Расселись. Первой бухнулась на стул Анька, подле присел Петя. За Петей — Лиза. Андрей шагнул было к ней, но, поймав взгляд Шерги, опустился рядом с ней. Между ним и Лизой занял последний стул мужик, не снявши ни шапочки, ни очков; впрочем, по пути мужик расстегнул плащ, под которым бугрилась серая толстовка.

— Ну, господа юнкера? Вопросы есть?

— Вы кто? — повторила Анька.

— Агент Купер, — сказал мужик. Взялся за лацкан плаща и прошептал: — Дайана, Дайана! Я веду прямой репортаж из Красного Вигвама, вижу танцующего карлика!.. М-да. Ладно, шутки в сторону и, как грится, к барьеру. Зовите меня Билибин.

— Как художника? — спросил Петя. — Который… — косой взгляд на Андрея — …ну, лубки к

былинам рисовал?

— Былибин! — прыснула Аня.

— Все-таки вы, барин, бестолочь, — изрек мужик. — Билибин есть персонаж книги, которую вы должны были уже и одолеть согласно, как тут говорят, школьной программе. Би-ли-бин. Не билирубин и не баян «Рубин». Прошу не путать.

— Да, но кто вы такой и откуда всех нас знаете? — Это к Лизе вернулся боевой настрой.

— Да кто ж вас не знает! Тоже мне, парадокс Банаха — Тарского. Просто я специалист по шагам в сторону. Потому как, чтобы понять, что происходит, надо сделать шаг в сторону. Ну, вот песня про меня есть. У-у-у!.. — вдруг немузыкально завыл он, и это было бы смешно, если б не было так сюрреалистично. — Я редкоземелен, как ли-итий! У-у-у! Я не сопротивляюсь ходу собы-ытий!.. А еще, — сообщил он, поправляя очки, — я тайный узбек. И бессмысленно делать вид, что ты кто-то друго-о-ой… Что, БГ никто не слушает? — спросил он резко, всматриваясь в недоуменные лица. — М-молодежь… Океюшки. Давайте так. Вы все пришли сюда, желая что-то узнать. Слишком много загадок. Вы зашли в тупик, каждый в свой. Лиза вон надеется только на волшебный блокнот, обнуляющий миры… и возлюбленных. Не крас-

нейте, Лиза, это вам не голышом в пене «Адам и Ева» по чужим квартирам скакать… Петр надеется на тайные знаки покойного отца. Да, нам вечно чудится, что Там знают больше, чем Здесь. Неясно только, как вы умудрились забыть о том альбоме с марками… Андрей, у вас, дзаннэн-ни[50], драма личного свойства. И вы в ней так увязли, что и про оккаметрон небось запамятовали? Анна, вы так боитесь, что у вас раздвоение личности, что вытеснили Эрику в подсознание. Еще у вас семейные траблы, мать-отец, прыщи-свищи, Офелия, о нимфа, курага-мамалыга… Клад под дубом. Подземные эсэсовцы. Полиция — картофельное пюре. Взрыв водокачки. Месть сектантов за Трофима, прости господи, Ираклионского. Ребята, вы вот правда думаете, что я вам сейчас возьму и все это популярно объясню?

Все молчали, потому что так и думали. Первой встрепенулась Лиза:

— А бред про гуманоидов… Это вы так шутите? Якобы меня вызвали в космический суд обвинять человечество…

— Кому не хочется обвинить человечество? — поморщился Билибин. — Кто даст гарантию, что

---

[50] Примечания: 50
От японского «к сожалению».

правды нет и выше?

— И насчет отца, — сказал Петя. Билибин пожал плечами. — Господин Билибин, вы… дурак. И шутки у вас дурацкие.

— Марки, — сказала Аня. — Зачем вам марки? — Она швырнула на парту несчастный альбом.

— Там зашифрованное послание, — сказал Билибин. — Ваша маман, конечно, нашла что красть… Ну, Петр, рискнете? А то я у вас уже и дурак…

Петя открыл альбом. Доберман и бабочка *Earias clorana* на месте, первые буквы слов исправно складываются в *DEAR FRIEND*. В следующем ряду: красная марка *Federation of South Arabia*, гашеная советская «Выдающийся русский писатель Г. И. УСПЕНСКИЙ», американский тринадцатицентовик *COLORADO*, голубой кораблик перед маяком под словом *Kuwait*, мексиканская марка с неприятным мужчиной по имени Окампо, советская с каким-то Фучиком…

— Эф… У, то есть ю… Си… Кей… — сказал Петя и обиженно замолчал. Будто надеясь на что-то, продолжил: — Оу… Эф… Эф…

Все вздохнули.

— *And* начинанья *of great pitch and moment*, — сказал Билибин торжественно, — *with this regard*

сворачивают ход *and lose the name of action*...[51] Сочувствую.

— Но зачем отцу...

— Чего сразу «отцу»? Не возводите на покойного напраслину.

— Но тогда кто?.. — Петя был в отчаянии.

Билибин развел руками:

— Звиняйте, барин. Чего не вем, того не вем. Я ведь не сам, я токмо по наущению...

— Хватит!

Это был Андрей. Невзирая на смешной больничный вид, он был не смешон: расправленные плечи, пар из ноздрей, гиперболоид взгляда сверлит неприступные крепости билибинских очков...

— Хватит так хватит, — согласился Билибин. — Слушайте, дети, и запоминайте. Вы пришли сюда в надежде на ответы. Разделяя чаяния, вынужден огорчить. Не то чтобы я не знал ответов. Некоторых, — подчеркнул он, — ответов. Но вам они ни к чему. Хуже того: *timeo Danaos et dona ferentes*[52]. Вам довелось набрести на дырку в декорации,

---

[51] Примечания: 51

И начинанья, взнесшиеся мощно, сворачивая в сторону свой ход, теряют имя действия... (*англ.*)

[52] Примечания: 52

Бойся данайцев, дары приносящих (*лат.*).

вы в нее заглянули, увидели за кулисами нечто. Только по эту сторону никто не считает себя актером, все уверены, что живут взаправду, — живут, не играют. Какова цена их объяснениям? И если кто-то скажет: «Я все объясню», — защищайтесь от сирен берушами…

— И очками — от мигалок, — сказала Лиза, после «хватит» Андрея осмелевшая вконец.

— Совершенно верно. — Билибин кивнул. — Иначе рискуете заплутать в лабиринтах ложных бинарностей. Добро и Зло как абсолютные, туды их в качель, категории. Ночной — Дневной Дозор. Сектанты против черных археологов. Коньки и Горбунки. Прыщи и свищи. Противоположность единств, единство противоположностей! Да, мир — сложная штука, в нем полно всего, и это все как-то соотносится. Скажем, Осип Алексеевич Баздеев уверен, что дело в сознательных реинкарнациях. Если задуматься, это ерунда: такие реинкарнации — удел исключительно высших бодхисаттв. Но ход мысли-то верный! Еще одного персонажа убедили: во всем-де виновата Волна. И тут есть доля истины, но другой. О вашем, Андрей, оккаметроне фон Карлсона и не говорю. А уж многоглазый улей жизни, Годзилла, дракон на стенке, кажущиеся мертвецы, дурные беско-

нечности…

— Старушки в кроссовках, — подсказала Аня.

— Это кое-кто увлекся сериалом *Falling Water*, — странно объяснил Билибин. — Хорошо, что не «Утопией». Как в анекдоте: скажи спасибо, сынок, что ты не похож на Микки-Мауса! Кстати, о сериалах: кто смотрел «Евангелион»?

Андрей и Лиза подняли руки и обменялись робкими взглядами. «Евангелион» они смотрели, понятно, вместе. Лизе страшно понравилось, Андрею — наоборот.

— Это такое аниме, — пояснил Билибин для Пети и Ани. — В нем много чего происходит, но всякий раз один тайный уровень оказывается придатком следующего. А на верхушке пирамиды сидит человек, для которого перерождение Вселенной — лишь побочный эффект от воскрешения жены. В таком вот аксепте. Я что хочу сказать. На ваши вопросы нет одного ответа — мы не в «ЧГК» играем. Ответов много. Смотря какой пласт реальности брать, а они в динамике. И взаимодействуют… Граф был прав, хоть и Лев. Убеждаясь в совершенной недоступности причин, мы вместо них ищем законы. Понимаете? Причины непостижимы. Для их постигновения надо быть Богом. Мы — не он. Не стоит и любо-

пытствовать…

— Что это за законы? — спросил Андрей с интонацией злого следователя.

— Они просты. Сколько бы уровней и заговоров мы перед собой ни видели, в мире есть две силы. Сила Дэ и сила Тэ. И я не про инь-янь-хрень — забудьте ложные дихотомии. Силы всего две. Одна предлагает стать сверхчеловеком. Другая, наоборот, требует остаться людьми. И любой наш выбор всегда сводится к выбору между силой Тэ и силой Дэ…

— Дэ — как Дао? — спросила Аня.

— Приятно иметь дело с умными людьми! А Тэ как Тао, — Билибин ухмыльнулся. — Не зацикливайтесь на названиях. Человеки и сверхчеловеки — вот главное! Одна сила делает тебя демиургом. Вторая твердит: ты не лучше других. Стать или остаться, *that is the question!*[53]

— Вы сами-то выбрали? — спросила Лиза саркастически, в тон Билибину.

Тот сцепил пальцы и положил на них подбородок.

— Я сам-то выбрал. Но что именно — не скажу, хотя догадаться легко. Беда в том, что мой выбор

---

[53] Примечания: 53
…Вот в чем вопрос! (*англ.*)

не дает мне права разглашать… мой выбор. Даже эксперимент накладывает ограничения на наблюдателя…

— Так мы все у вас морские свинки, — едко заметила Аня.

А Андрей спросил:

— Что за эксперимент?

— В том и дело, — ответил Билибин как-то даже грустно, — что это все не эксперимент. И никто не наблюдатель. И тем не менее…

— Вы сами себе противоречите, — бросила Лиза.

— Я, как Платон Каратаев, да. Непротиворечивы стройные теории. Но они ничегошеньки не объясняют… *Revenons à nos moutons*[54]. Вы четверо — и другие ребята из вашего класса — действительно попали под Волну с большой буквы «вэ». Но Волна, как совы, не то, чем кажется. Волна ставит вас перед выбором. Каждый из вас сделает выбор, от которого, так получается, зависит очень многое. Почему — не спрашивайте. Что и когда — тоже лучше не. И вы не одни такие — речь, как сказал бы граф, о равнодействующей миллиардов воль, — но вы в силу обстоятельств

---

[54] Примечания: 54
Вернемся к нашим баранам (*фр.*).

и своей природы вольны выбрать большее.

— Это вы нам сейчас повесть Стругацких пересказываете, — сказала Лиза. — «За миллиард лет до конца света», да? А от выбора одного человека, — она метнула ненавидящий взгляд в Андрея, — ни фига не зависит. Ни-фи-га.

Билибин кивнул.

— Одному сыну плотника тоже это говорили. Он в детстве, знаете, любил зверей. Другие дети их мучили, а он — нет. Но и детей, которые мучали животных, он любил тоже. Кончилось известно чем. Точнее, не кончилось. А Стругацких я люблю, да. Очень.

Лиза притихла. Петя, будто проснувшись, спросил:

— Что такое Волна?

Билибин открыл рот, подержал его открытым, как бы в нерешительности, и изрек:

— Волна — это история.

— История чего?

— Всего. История всех историй. Она приходит, когда вы ее не ждете, и захлестывает вас с головой, как волна Хокусая — лодку во сне жены рыбака… Ладно, пора и честь знать. Что мог — сделал, дальше сами. Как сказано у классика: если я немножко и покуражился над вами, могу

утешить — среди всякого вранья я нечаянно проговорился, два-три слова, но в них промелькнул краешек истины. Да вы, по счастью, не обратили внимания. К слову, Анна, вы помните, какой дворянин, вот совсем как вы, лечился несколько лет в Швейцарии? У него был еще каллиграфический почерк, похожий на ваш, Лиза. Не помните? М-молодежь… Сайонара![55]

Он встал и сделал шаг к двери.

— Стойте, — сказал Андрей. В его голове происходило какое-то круговое движение, будто там поселилась воронка из сна, те два старика, державшие друг дружку за бороды. — Вы… Вы сказали… Вы же демиург? Да?

— Я-то? Я демагог, — сказал Билибин, остановившись. — Писатель, то есть. Забыл, простите… Скрезол!

И он положил на парту визитную карточку:

Билибин В. О.
Думспиросперолог
PPS

— Что такое «пэ-пэ-эс»? — спросил Петя.

— Постпостскриптум, — отозвался Билибин. —

---

[55] Примечания: 55
От японского «прощайте».

Или праджняпарамита сутра. *It depends*[56].

— А Вэ О?

— Виктор Олегович, — сказал Билибин.

Дернулось пламя. Тени заплясали на стенах кабинета, а когда порядок вещей восстановился, дверь за таинственным незнакомцем закрылась.

— Сверхчеловеки, — вздохнула Аня. — Сила Дэ и сила Тэ. День и Тень. Хрень. Точно хрень.

Андрей поднял глаза на портреты на стене. Что-то было не так. Но что? Кажется, эти двое раньше висели наоборот: Толстой слева, Достоевский справа. Сила Дэ и сила Тэ…

Додумать мысль он не успел: дверь издала утробный звук и осыпалась, будто была сделана из песка. Свеча погасла. Что-то наступало из темноты. Или кто-то?

---

[56] Примечания: 56
Зависит (*англ.*).

Глава 24
Эпилог
Дмитрий Быков[57]

— *Eh bien, mes princes*, — так начал заседание своего литературного кружка Алексей Львович Соболев, для учащихся просто Львович, прихлопнув сверху толстую папку с коллективным романом десятиклассников. — У меня есть для вас три известия: прекрасное, изумительное и восхитительное. С которого начинать?

— С восхитительного! — крикнула Анечка Шергина, в чьем прелестном личике опытность боролась с невинностью и, пожалуй, уже побеждала.

— Восхитительное, *mes amis*, заключается в том, что ваш роман прочитали, — сказал Соболев с тем сдержанно ехидным выражением, с каким обычно хвалил; он умел сделать так, чтобы его

---

[57] Примечания: 57

Дмитрий Быков — прозаик, поэт, публицист, радио-и тележурналист, учитель литературы. Автор цикла лекций «Прямая речь», литературных биографий Бориса Пастернака, Булата Окуджавы, Максима Горького, Владимира Маяковского, романов «Оправдание», «Орфография», «Остромов», «Эвакуатор», «ЖД», «Списанные», «Июнь», «Истребитель». Дважды лауреат премии «Большая книга».

похвала всегда воспринималась как снисходительная или как бы о чем-то умалчивающая.

— И сказали, что он не окончен, — предсказуемо вставил Лубоцкий.

— Отчего же, он вполне окончен и даже, пожалуй, растянут. — Соболев выдержал паузу. — Ваша книга понравилась и одобрена к изданию.

Класс, почти в полном составе посещавший литературный кружок, заорал, запрыгал и тут же дисциплинированно расселся по местам. Десятиклассники отлично умели дозировать всё: экзальтацию, непосредственность и даже бунт, если бы он понадобился.

— Впрочем, — продолжал Соболев, — как раз с этим я вас не поздравляю, ибо в романе вашем есть все необходимое с точки зрения издательской конъюнктуры, а это не самый большой комплимент. В нем наличествуют и оккультные тайны Третьего рейха, равно как и Кремля, и путешествия в подсознание, и роковые олигархи, выражающие тайную волю мировой закулисы, и даже строго нормированный социальный протест, без которого сейчас немыслима никакая коммерция. Это такая пряность, добавлять которую на всякий случай непременно следует — просто чтобы лет через пять, а то и раньше

говорить, будто вы и тогда уже все понимали.

— Но понимали же, — обиженно прогудел Безносов.

— Разумеется. Вы вообще очень старались, эта старательность вам скорее в минус, чем в плюс, но издатели оценили. Ясно, что сегодня ничего нового не выдумаешь, и потому вы воспользовались матрицей «Войны и мира», романа настолько же популярного, насколько и позабытого; вы щегольнули по крайней мере тем, что помните Баздеева. Это, впрочем, предсказуемо: если в классе есть Безносов, естественно, что мысль его обратится к Безухову. Из всех нынешних примочек вы обошлись только без вампиров, но это был бы полный уже треш. В вашей книге есть все приметы современного романа, успешного ровно настолько, чтобы его прочитали и на другой день забыли; обратите внимание, что у вас ни на секунду не возникают представители так называемого народа, они же посланцы грубой реальности.

— То есть как! — возмутился Лубоцкий. — А свадьба? А народный фотограф?

— В них не больше народности, чем в фильме «Кубанские казаки», — отмахнулся Соболев. — Или «Брат-2», если вам это ближе. Лубок, дорогой

Лубоцкий, — хорошая вещь, но называть его высоким искусством наивно. Впрочем, вас извиняет то, что в реальности этот самый народ тоже безмолвствует, и о чем он там думает — мы понятия не имеем. Даже временно просыпаясь, как в Хабаровске, он неспособен артикулировать свои требования и отделывается невнятными, бессмысленными кричалками. Выходить на улицу и кормить голубей ему нравится, а сказать нечего. Да и о чем говорить, если жизнь его состоит из бессмысленной работы на дядю, смотрения телевизора и таких вот свадеб с идиотским советским обрядом похищения невесты, которая давно переехала с женихом на съемную квартиру?

Шергина хихикнула.

— Так что поздравляю, в вашем романе все как у людей, и именно поэтому в сентябре вы будете всей командой вычитывать гранки, производить косметические сокращения и подписывать коллективный договор, а после публикации — аккурат к книжной ярмарке «Нон-фикшн» — получите на рыло по тридцать тысяч рублей, что с точки зрения ваших бюджетов смешно, но, согласитесь, престижно.

Дружное и столь же предсказуемое «вау!» было ему ответом.

— Нельзя ли теперь превосходное известие? — подала голос Лиза.

— Превосходное, *mes amis*, — отозвался Соболев, — состоит в том, что ваше сочинение не достигло своей главной цели, и наша школа, где мы собрались сегодня в последний раз, ровно первого сентября будет закрыта навеки, а после трехнедельной подготовки торжественно демонтирована по лучшим современным технологиям…

Он переждал вопль гнева и разочарования.

— После чего на месте Калачёвки, как и предполагалось, будет выстроен элитный квартал «XXII век» — прошу любить и жаловать.

— Что же здесь превосходного? — заорал Абрикосов.

— Очень многое, если вдуматься. Напоминаю стартовую диспозицию нашего проекта: вашим заданием на июнь было сочинение такого романа, который способен будет остановить строительство. Тогда Лубоцкий, как самый деловой, задал мне острый вопрос: известны ли случаи, когда литература влияла на жизнь? Я тогда легкомысленно ответил: сколько угодно, вся русская революция в некотором смысле произошла из-за Льва Толстого, а последующий террор — из-за До-

стоевского, внушившего молодежи, что пока она кого-нибудь не убьет, так и останется тварью дрожащей. И тогда Лиза высказала светлую мысль: а давайте посмотрим, чему мы научились! Ведь если литература не воздействует на читателя и он остается все такой же конформной тварью, какой был, — к чертям такую литературу, правильно?

— Правильно! — крикнула Лиза.

— И вы занялись программированием читателя, — серьезно и грустно продолжал Соболев. — Я отметил самые трогательные ваши попытки: в пятой главе зашифровано послание «Оставьте нам нашу школу!», и сделано это элегантнее, чем в альбоме с марками. Там описан слишком громоздкий способ шифровки, а вы прибегли к технологии вроде двадцать пятого кадра — хвалю. В главе девятой — как бы переломной, где реализм испаряется напрочь, — методом эриксоновского гипноза изящно скрыта фраза «Кто тронет школу — умрет в муках», я сам баловался такими штуками и не мог не оценить вашей ловкости. Наконец, восемнадцатая глава — место выбрано очень точно, по методу Крастышевского, — прячет фразу «Ваш квартал уйдет под землю», что несомненно случится, вне зависимости от того, послушаются они вас или нет.

— Плохо работали, — вздохнула Ирочка Семенова, которая не написала ни одной главы, но помогала зашифровывать послания эриксоновским методом.

— Отчего же, вполне нормально, — пожал плечами Соболев. В такие минуты, оставляя свой обычный насмешливый тон, он казался старше своих сорока, словно на плечи его наваливался вдруг весь хмурый, по большей части разочаровывающий опыт русской словесности, а заодно уж и педагогики. — Поиски таких технологий, какие воздействовали бы на читательское сознание, ведутся во всем мире в последнюю тысячу лет, и не сказать чтобы успешно. Есть теория, что читатель активней всего реагирует на еду, — к сожалению, в вашем тексте она почти не упоминается, плоть жизни от вас ускользает; эксперимент Золя, поставленный в «Чреве Парижа», скорее разочаровал автора. Ладно, попробуем с эротикой: ее вы проигнорировали по вполне разумным причинам — ваш опыт пока недостаточен, описывать его — только позориться…

Кружок зашумел.

— И мой недостаточен, — успокоил их Соболев. — Нынешний читатель требователен, ленив, его так просто не расшевелишь… Конечно, вы

могли взять подростковой страстностью, но зачем врать? Все вы уже попробовали, некоторые, думаю, лет в пятнадцать, и этот плод для вас не так уж запретен. Это для советского поколения какое-нибудь упоминание темного мыска под животом было сенсацией, а для вас это, в общем, гимнастика. Большинство занимается этим только для того, чтобы миновать нежелательный неловкий этап и перейти к нормальному общению, разве нет?

— Роль секса в жизни молодежи вообще преувеличена! — пискнула Лена Тулупова, сторонница новой этики, которая по причине полного творческого бесплодия вычитывала роман перед сдачей учителю и проверяла ошибки в иноязычных текстах.

— Вот-вот. Лично я с удовольствием почитал бы ваши откровения на эту тему, но ведь кто-нибудь от избытка чувств непременно стуканет родителю — и как бы мне еще не загреметь за растление малолетних, хотя на всякий случай — считаю долгом предупредить вас об этом — у меня в запасе хорошая, надежная справка об импотенции, без которой сегодня, открою вам тайну, ни один мужчина в школу устроиться не может. Оскоплять пока не додумались, однако

надежды много впереди.

— Что, правда?! — выдохнул Абрикосов.

— Чистейшая. Для чего мне вам врать? Вы мои любимцы, заветный кружок, и я говорю с вами откровенней, чем со сверстниками. Сверстников моих давно ничего не интересует, кроме лекарств и денег.

— Но это неправда? Насчет импотенции? — уточнила Анечка Шергина.

— Это вас абсолютно не касается, — холодно отвечал Соболев. — Нас занимает сейчас другая проблема — воздействие литературы на умы. И оно, насколько можно судить, ничтожно. То ли мы разучились писать, то ли все остальные разучились читать, но эпоха, когда под действием Купера сбегали в Америку… или под действием Хемингуэя — в Испанию… прошла безвозвратно. Как и обещал, я разослал ваш роман всем, от кого зависит решение по сносу школы. Двое отозвались отписками — спасибо за неравнодушие к нашему проекту, — остальные не ответили вообще.

— Ну и что хорошего в этом известии? — спросил полиглот Бараев, комплиментарно изобразивший себя под видом Билибина и отчасти Пелевина.

— А то, — улыбнулся Соболев, — что никто из вас по крайней мере не сможет навредить человечеству. Никакая литература больше не представляет для него опасности. Заметьте, современная российская действительность дает море тем, над которыми заплакал бы любой чувствительный читатель. Пример: этим летом я по старой памяти отправился в пансионат своего детства, где не был лет двадцать. Это в Подмосковье, рядом с маленьким городком поселкового типа или наоборот, неважно. Там старик, давно одинокий, торговал огурцами со своего огорода, очень дешево, по сто рублей кучка. Кто-то из отдыхающих на него настучал, что он торгует без лицензии, без разрешения и, должно быть, не отчисляет налоги. Отдыхающий был шишка, надавил, чтобы похвастаться перед приятелями своим могуществом, и старика, который со своими огурцами никому не мешал, забрали в кутузку. Его необязательно было сажать, да и знали его все в поселке, но — столичная шишка! Да и где вы видели теперь, чтобы не сажали? Его, вероятно, отпустили потом, содрав какой-нибудь штраф, но я представил, как без него зарастает его сад, как сохнут без полива те самые огурцы, как бегает по соседним участкам его собака — не

для того, чтобы накормили, а чтобы как-нибудь выручили его… Я ходил, вступался, менты меня гнали — сами все понимаем, но вы же видите… Короче, я прямо-таки увидел рассказ, который обо всем этом можно написать, но писать его, как вы понимаете, не стал. Читатель в лучшем случае скажет, что старик сам виноват, а в худшем — и дочитывать не будет, потому что все бесполезно. А уж поверьте мне, я написал бы этот рассказ хорошо. Я нажал бы на сентиментальность, на детские воспоминания, какие есть у всякого… но к чему? Скажу вам с полной честностью: я теперь все чаще испытываю равнодушие, а иногда и отвращение к своему труду, который так недавно казался мне главным на свете. И в этом состоит третье, самое приятное известие: мы можем больше не напрягаться.

Соболев помолчал и уселся за стол.

— Это довольно приятное чувство вроде засыпания, — сказал он, снял очки и стал тереть переносицу. — В последнее время я очень люблю засыпать. Видимо, готовлюсь. Раньше мне нравилось сочинять, нравилось, в конце концов, заниматься сексом — вы взрослые люди и наверняка делаете это чаще меня, — но сейчас я люблю засыпать, и лучшие мысли приходят на

грани сна, когда я успеваю подумать, что надо бы записать их, — но незачем. Вы не представляете себе, да и мудрено представить это в шестнадцать лет, какое счастье никуда не торопиться, потому что не надо ничего делать. Большую часть своей жизни, смешно сказать, я прожил с ощущением невыполненного долга, а теперь оказывается, что я никому ничего не должен. Раньше я думал, что могу на что-то повлиять, а теперь понимаю, что любое влияние может только ускорить или затормозить процесс, но это, как бы сказать, влияние непринципиальное. Если ускорить процесс, все сгорит, а если замедлить, все сгниет. Это обычное, хорошо известное свойство исторических тупиков, поэтому вы можете расслабиться и получать удовольствие. Это и есть главная новость, которой я хотел поделиться.

Сначала все молчали, потом Лиза сказала:

— Это ваш обычный творческий кризис, Львович. Лично ваш.

— Да-да, — с готовностью кивнул Соболев. — Несварение желудка. Все можно объяснить дурной погодой, эпохой, недостаточной свободой, перевалить на отческий бардак, списать на перетруженный рассудок, на *fin de siecle* и на больной желудок…

— Но если все на самом деле так?! — закончила Шергина, тоже любившая этого автора.

— Или *COVID*, — предположила толстая очкастая Маша Короваева, все объяснявшая медицинскими причинами.

— Тогда приходится признать, что *COVID* у какой-то верховной инстанции, но я для такого кощунства не созрел. Короче, вместо линейки в нашей школе, благополучно просуществовавшей сто пятьдесят три года и ныне сносимой с лица земли, будет возведение непроходимого забора. В ноябре вы сможете прийти сюда и поклониться руинам. Думаю, к тому времени готова будет и книга.

27 ноября 202* года у ровной, укатанной грузовиками площадки, с которой вывезли последние кирпичи Калачёвской гимназии, почти в полном составе стоял несостоявшийся одиннадцатый класс, ныне рассеянный по школам московских окраин.

Погода была удивительно ясной и светлой, среди мерзкого дождливого и теплого ноября выдался, как нарочно, солнечный день с легким морозцем, и все говорило о строгости и самодисциплине. Такая погода не располагала к сюсюканью. Все стояли молча, пытаясь вооб-

разить сто пятьдесят три года существования Калачёвской гимназии, подводя итог этой долгой, пестрой, насыщенной, славной и бессмысленной истории.

Вот Императорское землемерное училище, переведенное в 1839 году в Петербург; вот пришедшая ему на смену музыкальная школа Конашевского, созданная им в 184* году в преддверии великих реформ, дабы не только дворянские отпрыски, но и простонародье могло развивать таланты; вот, после пяти лет существования в этом качестве, знамя умершего от водянки Конашевского подхватил Границкий, человек сороковых годов, дождавшийся воплощения давних чаяний и затеявший тут подобие лицея с симпосионом, позвавший преподавать товарищей по Московскому университету и в отчаянии плюнувший на все после подавления польского бунта; вот математические курсы Афанасьева, решившего, что никакая гуманитарная культура не спасет Россию, а спасет практическая польза, математика, дающая человечеству универсальный язык. И Афанасьеву как будто повезло, его долго не трогали, пока не выяснилось, что у него-то и получилось самое настоящее нигилистическое гнездо, и по доносу Победоносцева, простите

невольный каламбур, курсы были закрыты, а сам Афанасьев сбежал в Лейпциг, где продолжил свое дело, но нам это уже неинтересно. На месте курсов основался Консервативный клуб, славный именами Тертыщева, Дратвина и Соргина, издателей так называемого «Калачёвского сборника», где доказывалось, что сила России не в позитивном знании, а в иррациональной народной вере (и точно, все они были люди больные: Тертыщев — садист, Соргин — содомит с удивительными наклонностями, а Дратвин принципиально воздерживался и умер от непрестанной внутренней борьбы в сравнительно юных годах, товарищи предлагали его канонизировать и клялись, что на могиле его совершаются чудеса). Кружок сам собою рассеялся в начале девяностых годов позапрошлого века, когда историк Патрикеев создал тут на пожертвования мецената Крейцмана, человека просвещенного и впоследствии помешавшегося на этой почве, исторический лицей, то есть гимназию с преимущественным изучением российской истории по иностранным и церковным источникам; изгнанный из университета за вольномыслие, Патрикеев попытался взять реванш в гимназии, считался большим прогрессистом и чуть ли не

отцом новой исторической школы. Гимназия его существовала благополучно до самого 1918 года, до которого, впрочем, он не дожил; она, со всем своим прогрессизмом, дала название известному «гимназическому» делу, фигуранты которого взялись слишком рьяно отыскивать аналогии к революционной смуте. Был тот радикальный период, когда врагов еще только расстреливали, чуть позже начали гуманно высылать, после чего перешли к пыткам, завершавшимся все тем же расстрелом; в самой же школе была устроена Московская школа-коммуна № 12 во главе со знаменитым педологом Болонским и верной его соратницей Пихельштейн. Оба находились под сильным влиянием троцкизма, фрейдизма и раннего феминизма. Порядки в школе царили самые демократические, подробные воспоминания о ней оставили два репрессированных впоследствии писателя из бывших беспризорников и добрый десяток выпускников, достигших степеней известных во всех областях советской жизни. Часть этих выпускников тоже прошла через репрессии, но не перестала считать Двенадцатую коммуну лучшим своим воспоминанием; в начале перестройки шумел роман «Мы дети Калачёвки», автор которого, Юрий Фишерман,

писал до этого главным образом производственные романы, а вот поди ж ты. Суд над Чацким и самодеятельный спектакль «Оправдание Робеспьера» в 1925–1927 годах собирали в актовый зал всю культурную Москву. Калачёвку закрыли в 1931 году, в ней обосновалась теперь московская школа № 12, названная в честь Бернарда Шоу, чей визит в Советскую Россию и конкретно в эту школу был освещен «Известиями». Школа с тех пор славилась элитными учащимися и образцово идейным педсоставом, в стройные ряды которого затесалась, однако, паршивая овца Алла Николаевна Ноговицына, из бывших дворян. Будучи любовницей директора школы, угрюмого старого большевика Железо под партийной кличкой Пузо, она могла не опасаться чисток, но в головы детей как-то умудрялась внедрять любовь к родной словесности; когда она в 1954 году вышла на пенсию, на ее место пришла бывшая выпускница этой же школы, Мария Казанцева, которая доросла до завучей, умудрившись при этом хранить в душе строчки Блока, Белого и, страшно сказать, Гумилева. Задорные шестидесятые привели в школу выпускника поющего МГПИ Юлия Глухаря, который внес в педагогику элемент туризма и прочей бродячей романтики; отсюда недалеко

было до диссиды́, и приход историка Натана Шаровицкого окончательно перевел двенадцатую в разряд любимейших и опаснейших московских школ. Если бы не академик Колмоходов, взявший ее под крыло и застолбивший тут площадку для своего экспериментального курса геометрии, ее бы, конечно, прикрыли, но Колмоходов когда-то помогал обсчитывать бомбу и имел связи на самом верху. Глухарь все равно был изгнан и уехал, но Шаровицкий привлек учителей-новаторов, создавших тут заповедник коммунарской методики — с психологическими экспериментами, зачатками соционики и деловыми играми. При первых дуновениях перестройки все это накрылось — точней, раскрылось, ибо такие теплицы возникают только в наглухо закрытых помещениях; Шаровицкий умер от инфаркта на третьем заседании съезда народных депутатов, поняв, что ничего не получилось, а школа стала медленно хиреть, пока в 1993 году новый директор, Слюняев, по кличке Сюся, не сдал спортзал под турагентство, а актовый зал под оздоровительный центр с аэробикой. Аэробику преподавала его любовница Малахова, так что дело Железа-Пуза, как видим, жило. А других слов, оканчивавшихся на «зо», в русском языке нет, если не считать

заимствованного, но многое объясняющего понятия «садомазо».

В 1997 году тут образовался православный лицей, но год спустя из правительства вылетел младореформатор Мец, у которого были в 1996 году особые заслуги, и в утешение ему был дан собственный образовательный проект. Мец быстро все понял и уехал, но на хозяйстве оставил последнего директора, Семенова: это был его метод — находить приличных людей и самоустраняться. Семенов быстро смекнул, что каких бы образовательных новаций ни выдумывали новые лубянские хозяева России, для собственных детей они желали нормального образования, пусть и без всякой идеологии. Семенов набрал замечательных людей, чье присутствие в жизни школьников было ненавязчиво, — почему в своем романе они ни разу и не упомянули этих педагогов, но они ведь и родителей почти не упомянули. Как гласит старинный британский анекдот, мальчик молчал до восьми лет только потому, что все в доме было нормально, а в восемь громко сказал: «Кофе холодный».

Теперь перед ними лежали руины Калачёвской школы, которая выжила во времена всех терроров, но не пережила эпохи Великого-Не-Нада,

которая могла дышать даже сероводородом, но не умела существовать в вакууме. Благородные народники, безумные рационалисты, религиозные нигилисты, бородатые классики, бритые авангардисты, самодовольные новаторы, вечно оправдывающиеся меньшинства, обреченные гегемоны и прочие ходячие оксюмороны русской жизни рассеялись в этом холодном ветре, в ясном и солнечном дне российского предзимья, и не было ни малейшей надежды, что они кому-нибудь еще понадобятся, ибо такие тысячелетние исторические курьезы не появляются на земле дважды.

— Что же, — спросил наконец Лубоцкий. — Что вы нам скажете, Львович?

— Литература больше не работает, нужно что-нибудь другое, — ответил Соболев, давно ждавший этого вопроса.

— Типа Хабаровска? — уточнил Безносов.

— В России все вообще съезжает на Восток, — повторил Соболев любимую мысль, — может, и на Дальний. Но, по-моему, это не очень интересно.

— То есть все зависит от нас? — уточнила Лиза.

Соболев обвел взглядом своих одиннадцатиклассников, которых постепенно растаскивала в сторону другая жизнь, и не нашел в них никакой

единой доминанты. Они были удивительно свободными, но и чрезвычайно конформными; ни от кого не зависели, но ни в ком и не нуждались; умели постоять за себя перед слабыми и отлично ладили с сильными. Они вобрали в себя весь опыт этой страны, семьи и школы и потому были одинаково готовы ко всему. Впервые в истории они действительно могли решить все сами — и точно так же впервые от их выбора ничего уже не зависело.

Соболев положил к забору сигнальный экземпляр романа и закурил, впервые не стесняясь детей.

— И что делать? — спросила Шергина.

— Если бы знать! — усмехнулся Соболев, и все мальчики повторили его восклицание.

И это было бы прекрасным финалом, если бы внезапно подошедший человек в камуфляже не сказал им осипшим, но бодрым голосом:

— Расходитесь, нечего тут.